

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

16+

27 2026
ЧАСТЬ V

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 27 (630) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олгинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Култур-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображена *Эмми Нётер* (1882–1935), немецкий математик.

Эмми Нётер родилась в баварском городе Эрланген в состоятельной семье, главой которой был Макс Нётер, получивший ранее докторскую степень за свои нетривиальные исследования в области алгебраической геометрии — сложном направлении, изучающем геометрические объекты, заданные как множества решений систем алгебраических уравнений. Эмми, вопреки традициям гениев, с детства не проявляла необычных математических способностей, но была очаровательным и умным ребенком, играла на фортепиано и любила танцевать.

Легче всего Эмми давались иностранные языки. В 18 лет она уже прекрасно владела французским и немецким, что позволило ей успешно сдать экзамены и претендовать на должность преподавателя в школах для девушек. Однако, вопреки здравому смыслу, Эмми решила продолжить обучение в Эрлангенском университете в качестве вольного слушателя, так как девушкам учиться официально было запрещено.

Поворотной точкой в жизни Эмми Нётер справедливо можно назвать зиму 1903–1904 годов, когда она провела семестр в знаменитом Геттингенском университете, где слушала лекции непревзойденных немецких маэстро, таких как Герман Минковский, Феликс Клейн и Давид Гильберт, во многом определивших ход развития не только математики, но и физики XX столетия. Вернувшись на малую родину в конце 1904 года, Эмми все-таки официально поступила в университет, так как ограничения для женщин были к тому времени сняты.

Изъявив желание заниматься исключительно математикой, Нётер взялась за дело с присущим ей упорством и прозорливостью: уже через четыре года она внесла значительный вклад в теорию инвариантов, успешно защитив диссертацию под руководством Пауля Гордана.

Однако через несколько лет Эмми назвала свои первоначальные исследования хламом. Что, может быть, так и было, ведь ее великие свершения были еще впереди. В 1910 году научный руководитель Эмми ушел в отставку, а его место занял Эрнст Фишер, через которого она уже лично познакомилась с Давидом Гильбертом, очень живо заинтересовавшимся исследованиями девушки в области абстрактной алгебры. В 1915 году этот интерес привел к приглашению Нётер для преподавания в Геттинген, однако даже Гильберту не удалось переломить предрассудки университетского совета и пробить ей постоянно оплачиваемую должность.

Однако, несмотря на все трудности, в 1918 году Эмми Нётер внесла гигантский вклад в теоретическую физику. В 36 лет она доказала теорему, названную ее именем, ко-

торая связывает законы симметрии физических систем и законы сохранения энергии. На основе одной из наиболее абстрактных областей математики — теории бесконечных непрерывных групп, называемых группами Ли, — Нётер сделала важные выводы об однородности времени и пространства, которые впоследствии неоднократно будут использоваться для построения физической картины мира.

Продолжив работу в Геттингене, Эмми защитила докторскую диссертацию и вскоре все-таки получила оплачиваемую должность «лектор по алгебре». Еще бы, ведь годом ранее Нётер опубликовала революционную работу, посвященную коммутативным кольцам и идеалам, заложив фундамент общей алгебры.

За 11 следующих лет Нётер внесла вклад в развитие теории Галуа, теории инвариантов конечных групп, топологии, некоммутативной алгебры и теории представлений, выполнила большую работу в области гиперкомплексных чисел. И пусть многие из этих разделов математики абстрактны и не тревожат ум обычного человека, тем не менее все они важны в целом для научно-технического прогресса.

В 1933 году мир изменился. В Германии к власти пришли фашисты, которые не могли допустить, чтобы белокурой арийцам преподавала математику женщина-еврейка. Эмми поддерживала тесные контакты с советскими математиками, поэтому рассматривала переезд в СССР и работу на кафедре алгебры в МГУ, однако получить на это разрешение ей не удалось.

Нётер не сильно заботилась о своём внешнем виде и манерах; биографы предполагают, что она была полностью сосредоточена на науке.

Эмми пришлось эмигрировать в США, где она преподавала в женском колледже и читала лекции в Принстоне. Однако жить в более благоприятных условиях Нётер оставалось недолго — через два года в возрасте 53 лет она умерла от рака.

Спустя несколько дней после смерти Нётер её друзья и соратники устроили небольшую поминальную службу в доме президента колледжа Брин-Мор.

Тело Эмми Нётер было кремировано, а урна с прахом захоронена под стенами Библиотеки Кэри Томас в Брин-Море.

Альберт Эйнштейн в заметке о её смерти назвал Нётер одним из величайших творческих гениев математики.

У Эмми Нётер не было ни мужа, ни детей. Семью ей заменила математика и невероятное стремление к знаниям.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Агафонова П. И.

Уголовное право как сюжетный элемент художественной литературы..... 311

Акимова И. Ю., Шинкарецкий С. П., Марчукайтис А. С., Спирин А. Е., Киммель К. В., Шатненко Е. С.

Правовые основы и современные проблемы осуществления финансового контроля в Российской Федерации..... 313

Антипова С. С., Говарунова К. Д., Рослякова В. А., Чередниченко А. В., Цыцова А. А., Ручкина Д. С., Ядрина Л. А.

Личный характер труда как признак трудовых отношений в судебной практике по доказыванию фактических трудовых отношений 315

Антонова В. В.

Теоретические основы и правовое регулирование уступки прав по договору факторинга 317

Ашугян А. В.

К вопросу о пределах доказывания по уголовному делу 320

Ашугян А. В.

Понятие следственного и иного процессуального действия в контексте собирания доказательств 322

Балин Г. А.

Теоретические и тактические проблемы доказывания на стадии возбуждения уголовного дела как на ключевом этапе уголовного судопроизводства..... 324

Валиева Н. Н.

Правовой статус прокурора в цивилистическом процессе 326

Васильев А. С., Емельянова А. А.

Особенности квалификации неоконченного преступления 328

Власов П. В.

Проблемы правового регулирования кибербезопасности в условиях цифровизации: российский и зарубежный опыт 329

Власов П. В.

Кибербезопасность и защита данных в цифровом обществе 335

Газизов А. Н.

Местное самоуправление и его роль в единой системе публичной власти: к вопросу о трансформации 337

Газизов А. Н.

Проблемы передачи отдельных государственных полномочий органам местного самоуправления и возможные пути их решения 340

Гайнутдинов А. А.

Причины и условия совершения преступлений, связанных с вовлечением несовершеннолетних и молодежи в экстремистскую деятельность..... 343

Галанцева Е. В.

Процедура привлечения работника к дисциплинарной ответственности: актуальные проблемы и пути их решения 344

Дворянов Д. А.

Особенности криминалистической характеристики ятрогенных преступлений 347

Долбня Т. А.

Идентификация и анализ производственных рисков в розничной торговле алкогольной продукцией (на примере ООО «Альфа-М») 349

Елкибаев С. А.

Проблемы реализации административно-правового регулирования ответственности контрольно-надзорных субъектов 350

Зуева Е. В., Пачгин В. И.

Понятие организации занятия проституцией как правового и социального явления 352

Зуева Е. В., Пачгин В. И.

Проблематика объективной стороны организации занятия проституцией как состава преступления 354

Комиссарова А. С.

Налоговая реконструкция при выявлении дробления бизнеса: современные проблемы правоприменения 356

Костюков В. А.

Становление института обжалования ненормативных правовых актов налоговых органов: историко-правовой анализ 367

Малинин А. А.

Правовое регулирование цифровой трансформации органов публичной власти в Российской Федерации: проблемы и векторы развития 370

Мищенко А. А.

Актуальные вопросы прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими предварительное следствие 374

Моисеев Е. Е.

Проблемы уголовной ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения, на современном этапе 378

Мосенкова М. А.

Физическое или психическое принуждение как обстоятельство, исключающее уголовную ответственность 380

Мустафаев Р. И.

Особенности расследования убийств, совершенных путем утопления 382

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Уголовное право как сюжетный элемент художественной литературы

Агафонова Полина Игоревна, студент

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

В статье исследуется роль уголовного права как сюжетобразующего элемента в художественной литературе. На примере романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и повести А. П. Чехова «Драма на охоте» анализируются механизмы включения уголовно-правовых институтов (состав преступления, следствие, вина, наказание) в структуру повествования.

Ключевые слова: уголовное право, право и литература, преступление и наказание, юридический анализ художественного текста, вина и ответственность, Ф. М. Достоевский, А. П. Чехов.

Взаимосвязь уголовного права и художественной литературы представляет собой важную и до сих пор недостаточно изученную междисциплинарную область. На первый взгляд, юриспруденция и литература говорят на разных языках: право оперирует категориями нормы, состава преступления и санкции, тогда как литература — образами, чувствами и судьбами. Однако именно уголовно-правовая тематика оказывается той точкой пересечения, где формальная строгость закона встречается с трагедией человеческого выбора.

Современное движение «право и литература», возникшее в 1970-х годах в американских юридических школах, уделяло первостепенное внимание именно уголовным сюжетам [7; 8]. Убийство, кража, измена, ложное обвинение, следственная ошибка, раскаяние и наказание — эти мотивы проходят через всю мировую литературу от античности до наших дней. Уголовное право в литературе становится способом исследования границ человеческой свободы, механизмов ответственности и природы зла.

Цель данной статьи, показать, как уголовное право выступает не просто тематическим элементом, а полноценным сюжетобразующим механизмом в художественной литературе. Для этого мы обратимся к двум классическим русским произведениям: роману Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» (1866) и повести А. П. Чехова «Драма на охоте» (1884). Оба текста строятся вокруг уголовного преступления (убийства), но используют уголовно-правовой материал принципиально разными способами: у Достоевского — это философия преступления и внутреннее признание вины, у Чехова — процедура расследования и проблема объективной истины.

Роман «Преступление и наказание» часто называют уголовным романом, однако это определение требует уточнения. В отличие от детектива, где главный вопрос — «кто убийца?», у Достоевского читатель знает убийцу с первых страниц. Уголовно-правовой интерес здесь смещён с внешнего расследования на внутреннюю драму: как человек, совершивший убийство, приходит к осознанию своей вины и к добровольному принятию наказания [2]. Раскольников формулирует теорию о разделении людей на «обыкновенных» (подчиняющихся закону) и «необыкновенных» (имеющих право на преступление во имя высшей цели). Эта идея ставит перед читателем вопрос: всегда ли уголовный закон совпадает со справедливостью?

Важно, что сам Раскольников проверяет на себе не только философскую, но и уголовно-правовую реальность. Он хочет убедиться, относится ли он к категории «необыкновенных», которым «всё позволено». Убийство становится экспериментом над собой и над законом. И здесь Достоевский демонстрирует главную мысль о том, что уголовный закон — это не просто внешнее принуждение, а внутренняя нравственная граница. Переступив её формально, Раскольников оказывается неспособен переступить её психологически.

Центральное место в романе занимают диалоги Раскольникова со следователем Порфирием Петровичем. С точки зрения уголовного процесса, Порфирий ведёт «дознание»: у него нет прямых улик, но есть психологическое чутьё. Однако Достоевский превращает процессуальное действие в философский диалог. Порфирий не стремится немедленно арестовать Раскольникова; он хочет, чтобы тот сам пришёл с повинной [2, ч. 4, гл. V]. Это принципиально важный момент для понимания уго-

ловного права в литературе. Формальная логика уголовного преследования у Достоевского уступает место логике нравственного пробуждения. Порфирий говорит Раскольникову: «Станьте солнцем, вас все и увидят». Иными словами, истинная задача уголовного правосудия, не просто наказать, а привести человека к раскаянию. Так уголовное право в романе обретает духовное измерение, о чём писал в своих работах известный судебный деятель А. Ф. Кони [5].

В эпилоге Раскольников оказывается на каторге. С точки зрения уголовного права, наказание уже назначено и исполняется. Но Достоевский показывает парадокс: формальное отбывание срока ещё не есть настоящее наказание. Раскольников остаётся внутренне чуждым и закону, и товарищам по каторге. Перелом наступает только тогда, когда он осознаёт «беспочвенность своих притязаний на звание героя» и через любовь к Соне возвращается к общечеловеческим нравственным нормам, которые и лежат в основе уголовного закона [2].

В данном романе уголовное право выполняет три сюжетные функции: мотивационную (теория Раскольникова бросает вызов уголовному запрету), процессуальную (диалоги со следователем движут сюжетом) и нравственно-преображающую (наказание становится пространством внутреннего изменения).

Если Достоевский исследует внутреннюю сторону преступления, то Чехов в повести «Драма на охоте» обращается к внешней стороне — уголовному процессу, доказательствам, версиям и, главное, проблеме установления объективной истины. Это произведение, написанное в детективном жанре задолго до расцвета классического английского детектива, показывает, насколько хрупкой может быть юридическая истина [6; 4].

В центре сюжета — убийство молодой женщины Ольги Скворцовой. Особенность чеховской повести в том, что в ней нет одного всеведущего рассказчика. Текст представляет собой рукопись, переданную издателю, а внутри неё — показания разных лиц. Читатель сталкивается с множественными версиями одного и того же уголовного события. С точки зрения уголовного права, это иллюстрирует одну из ключевых проблем: фактические обстоятельства преступления всегда реконструируются через показания, которые могут быть недостоверными, неполными

или намеренно искажёнными. Чехов задолго до появления процессуалистики XX века художественно демонстрирует, что объективной истины в уголовном деле может не существовать, а есть только конкурирующие версии.

Особый интерес вызывает образ следователя Камышева. Вместо того чтобы беспристрастно собирать доказательства, он использует литературные приёмы для того, чтобы придать своему расследованию большую драматичность и значимость. Камышев не столько ищет истину, сколько создаёт нарратив преступления. Это тонкое наблюдение Чехова предвосхищает современные критические исследования уголовного процесса: следователь неизбежно является соавтором дела, он структурирует факты, отбирает показания, выстраивает версию [1]. Но у Чехова этот конструктивизм доведён до предела, и становится неясно, где заканчивается расследование и начинается литературное творчество.

Развязка повести не даёт однозначного ответа о том, кто именно виновен в убийстве. Каждая версия выглядит убедительной, но ни одна не является окончательно доказанной. Чехов тем самым показывает, что уголовный процесс не всегда приводит к истине. Это не значит, что правосудие бессильно, а показывает, что сам человек устроен сложнее, чем любая процессуальная схема.

Для уголовного права как научной дисциплины «Драма на охоте» ценна тем, что художественными средствами отражает проблему допустимости и достоверности доказательств. Чехов не даёт рецепта, как отличить истину от вымысла, но заставляет читателя-юриста задуматься о границах собственной профессии.

Сравнение двух произведений позволяет выделить несколько универсальных функций, которые уголовное право выполняет в литературном тексте. Оба произведения сходятся в главном: уголовное право не может быть сведено к набору статей. Оно всегда включает в себя человеческий фактор — волю, страсть, обман, раскаяние. Литература, в свою очередь, даёт юристу уникальный инструмент, возможность прожить уголовно-правовую ситуацию изнутри, через судьбу и сознание конкретного человека. Именно поэтому изучение художественной литературы, может стать важным элементом профессиональной подготовки юриста, позволяя выйти за рамки формально-догматического подхода к праву [3].

Литература:

1. Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов. — М.: Изд-во МГУ, 1987.
2. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. — М.: Наука, 1970.
3. Зинченко С. А. Право и литература: к вопросу о междисциплинарных связях. — Российское правосудие, 2019.
4. Катаев В. Б. Проза Чехова: проблемы интерпретации. — М.: Изд-во МГУ, 1979.
5. Кони А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе. — М.: Юридическая литература, 1967.
6. Чехов А. П. Драма на охоте. — М.: Наука, 1976.
7. Posner R. A. Law and Literature: A Misunderstood Relation. — Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1988.
8. Ward I. Law and Literature: Possibilities and Perspectives. — Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

Правовые основы и современные проблемы осуществления финансового контроля в Российской Федерации

Акимова Инесса Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент;
Шинкарецкий Сергей Петрович, студент магистратуры;
Марчукайтис Алексей Сергеевич, студент магистратуры;
Спирин Андрей Евгеньевич, студент магистратуры;
Киммель Кира Валерьевна, студент магистратуры;
Шатненко Евгений Сергеевич, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье анализируются правовые основы финансового контроля в Российской Федерации, его виды и субъекты. Рассматриваются современные проблемы осуществления финансового контроля в условиях цифровой трансформации экономики, в том числе внедрение новых методов контроля (контрольный мониторинг), изменение подходов к планированию контрольной деятельности, а также вопросы административной ответственности за нарушения в финансовой сфере. На основе анализа нормативных правовых актов и судебной практики 2024–2025 годов авторами предлагаются пути совершенствования системы государственного финансового контроля.

Ключевые слова: финансовый контроль, государственный финансовый контроль, бюджетный контроль, казначейский контроль, цифровизация, административная ответственность.

Финансовый контроль является неотъемлемой составной частью осуществления финансовой деятельности государства и муниципальных образований. В условиях современных вызовов, связанных с цифровизацией экономики и необходимостью адаптации системы финансового контроля к новым реалиям, особую актуальность приобретает исследование правовых основ и проблем его осуществления [1, с. 112].

Правовые основы финансового контроля в Российской Федерации закреплены в Бюджетном кодексе Российской Федерации [2, ст. 265], Федеральном законе «О Счетной палате Российской Федерации» [3, ст. 9], Федеральном законе «О государственном (муниципальном) финансовом контроле» [4, ст. 2] и иных нормативных правовых актах. Статья 265 Бюджетного кодекса РФ определяет виды государственного (муниципального) финансового контроля [2, ст. 265]. В соответствии с действующим законодательством, государственный финансовый контроль подразделяется на внешний и внутренний, предварительный и последующий [5, с. 46].

Финансовый контроль выполняет ключевую роль в системе управления экономикой, обеспечивая качественное и эффективное управление финансовыми ресурсами. В государстве финансовый контроль направлен на обеспечение правильного и эффективного использования бюджетных средств, предотвращение коррупции и злоупотреблений в сфере финансов, а также на обеспечение соответствия деятельности государственных органов и учреждений законодательным нормам и требованиям [6, с. 18].

В 2025 году произошли существенные изменения в правовом регулировании финансового контроля. Недавно внесенные изменения в статью 267.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации (Федеральный закон от 28 ноября 2025 г. № 432-ФЗ) [7, ст. 1] значительно расширили

перечень методов внутреннего государственного финансового контроля. В частности, был введен новый метод «контрольный мониторинг», который направлен на взаимодействие органа контроля с объектом контроля посредством добровольного раскрытия первичных и учетных данных, а также своевременное, качественное и эффективное расходование и администрирование государственных финансов без проведения выездных проверок (ревизий) [8].

С 2025 года финансовое ведомство ввело в действие новый Порядок № 145н проведения мониторинга качества финансового менеджмента [9, п. 2]. Документ устанавливает требования к информации, представляемой в Минфин России. Главные администраторы бюджетных средств формируют и представляют в министерство соответствующие сведения [8].

Важным направлением реформирования финансового контроля является цифровизация контрольной деятельности. Как справедливо отмечается в научной литературе, на современном этапе конечная цель государственного финансового контроля — обеспечение эффективного функционирования системы государственных финансов и всей бюджетной системы в целом [10, с. 89]. Интеграция новых технологий, таких как анализ данных и искусственный интеллект, а также пересмотр подходов к организации контрольной деятельности являются необходимыми условиями повышения эффективности финансового контроля [5, с. 48].

Вместе с тем, проблемы осуществления финансового контроля остаются достаточно острыми. Информационное обеспечение финансового контроля сталкивается с трудностями оперативного получения объективных, качественных, прозрачных данных в условиях применения цифровых технологий [6, с. 20]. Кроме того, сохраняются проблемы координации деятельности различных кон-

трольных органов, дублирования контрольных функций, а также недостаточной эффективности мер ответственности за нарушения финансовой дисциплины [11, с. 114].

Судебная практика также демонстрирует актуальные вопросы применения норм о финансовом контроле. В Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2025), утвержденном Президиумом ВС РФ 18.06.2025 [12, п. 15], подтверждено право Казначейства проводить финансовый контроль в частных клиниках, работающих по системе ОМС. Суды отметили, что финансовый контроль Казначейства охватывает не только документы, но и фактический объём и качество выполненных работ, даже если заказчик подписал акты приёмки [12, п. 15]. Данная позиция имеет важное значение для понимания пределов осуществления государственного финансового контроля.

В контексте административной ответственности за нарушение норм финансового контроля следует отметить, что Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [13, ст. 15.15] содержит ряд составов, связанных с нарушением бюджетного и финан-

сового законодательства. Вместе с тем, практика применения указанных норм свидетельствует о необходимости их дальнейшего совершенствования, в том числе в части дифференциации ответственности в зависимости от характера и тяжести допущенных нарушений.

Перспективы совершенствования финансового контроля связаны, прежде всего, с дальнейшим развитием цифровых технологий, внедрением риск — ориентированного подхода, повышением эффективности межведомственного взаимодействия, а также совершенствованием законодательства в части унификации контрольных процедур и усиления ответственности за нарушения [10, с. 91].

Таким образом, финансовый контроль в Российской Федерации находится на этапе активного реформирования, связанного с цифровой трансформацией и внедрением новых методов контроля. Дальнейшее совершенствование правового регулирования и правоприменительной практики в данной сфере является необходимым условием обеспечения эффективности государственного управления финансами [5, с. 50].

Литература:

1. Бондарцова А. П. Проблемы осуществления финансового контроля в Российской Федерации // Молодой ученый. — 2024. — № 51 (342). — С. 112–116.
2. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 28.12.2025, с изм. от 31.03.2026) // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 31. — Ст. 3823.
3. Федеральный закон от 05.04.2013 № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» (ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2013. — № 14. — Ст. 1640.
4. Федеральный закон от 07.02.2011 № 6-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» (ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 7. — Ст. 900.
5. Жаворокова Е. Н. Современные информационные технологии при реализации государственного финансового контроля // Инновации и инвестиции. — 2024. — № 8. — С. 45–52.
6. Информационное обеспечение финансового контроля: проблемы и пути их решения // Экономика и информатика. — 2024. — № 3. — С. 18–25.
7. Федеральный закон от 28.11.2025 № 432-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2025. — № 48. — Ст. 7123.
8. Правительство расширило перечень методов внутреннего государственного финансового контроля // Бюджетник. — 2025. — 29 декабря. — URL: <https://www.budgetnik.ru> (дата обращения: 20.06.2026).
9. Приказ Минфина России от 14.03.2025 № 145н «Об утверждении Порядка проведения мониторинга качества финансового менеджмента» // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.06.2026).
10. Правовые основы финансового контроля в Российской Федерации: современные вызовы и перспективы совершенствования // Молодой ученый. — 2025. — № 10 (362). — С. 87–92.
11. Теоретические основы финансового контроля и административная ответственность за его нарушение // Молодой ученый. — 2025. — № 49 (401). — С. 156–160.
12. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2025) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.06.2025) // [Электронный ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_508032/ (дата обращения: 20.06.2026).
13. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1. — Ст. 1.

Личный характер труда как признак трудовых отношений в судебной практике по доказыванию фактических трудовых отношений

Антипова Софья Сергеевна, студент;
Говарунова Ксения Дмитриевна, студент;
Рослякова Валерия Александровна, студент;
Чередниченко Александра Владимировна, студент;
Цыцова Анна Алексеевна, студент;
Ручкина Диана Сергеевна, студент;
Ядрина Лилия Алексеевна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье анализируются признаки трудовых отношений по российскому праву с особым вниманием к личному характеру труда. Делается вывод, что личный характер труда является важным, но недостаточным признаком, поскольку для признания отношений трудовыми необходима их совокупность. В заключении подчеркивается необходимость комплексного подхода при доказывании фактического трудового отношения.

Ключевые слова: трудовые отношения, гражданско-правовой договор, личный характер труда, признаки трудовых отношений.

В соответствии со статьей 15 Трудового Кодекса Российской Федерации трудовые отношения — отношения, основанные на соглашении между работником и работодателем о личном выполнении работником за плату трудовой функции (работы по должности в соответствии со штатным расписанием, профессии, специальности с указанием квалификации; конкретного вида поручаемой работнику работы) в интересах, под управлением и контролем работодателя, подчинении работника правилам внутреннего трудового распорядка при обеспечении работодателем условий труда, предусмотренных трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами, трудовым договором [1]. Так, одним из признаков трудовых отношений является личный характер прав и обязанностей работника.

Судебная практика по доказыванию фактических трудовых отношений различна. Многие споры по таким делам исходят из заключенного договора гражданско-правового характера, в частности договора возмездного оказания услуг. Так, в той же статье 15 Трудового Кодекса закрепляется, что заключение гражданско-правовых договоров, фактически регулирующих трудовые отношения, не допускается. Поэтому, если в гражданско-правовом договоре имеются признаки трудовых отношений, следует признать такие отношения трудовыми и заключить трудовой договор. Также в статье 19.1 закрепляется, что в случае неустранимых сомнений при рассмотрении судом споров о признании отношений, возникших на основании гражданско-правового договора, трудовыми отношениями, следует толковать их пользу трудовых отношений.

Можно рассмотреть некоторые судебные дела по установлению фактических трудовых отношений:

В соответствии с Апелляционным определением Верховного суда Республики Адыгея от 16.05.2023 по делу N

33–1234/2023 [2], по которому в числе прочих требований было заявлено также требование о признании трудовых отношений ФИО1, было отменено решение нижестоящего суда, поскольку апелляция посчитала, что тот неверно оценил обстоятельства дела, неверно указав на отсутствие трудовых отношений. Суть дела состоит в том, что бригада рабочих привлекалась ООО «Лидерстрой» для выполнения систематических бетонных работ. При этом у бригады был свой руководитель, она сама определяла время работы, не получала заработную плату предприятия. В ходе дела, был установлен факт выполнения ФИО1 в составе бригады из четырех человек с лета 2020 года бетонных работ в ООО «Лидерстрой», бригада была допущена к их выполнению с ведома главного инженера ФИО13, а также с учетом того, что на имя ФИО3 ФИО13 перевел посредством мобильного банка денежные средства в размере 27 500 рублей, с сообщением что эта сумма является остатком задолженности по заработной плате, судебная коллегия приходит к выводу, что ФИО1 был допущен к осуществлению трудовой деятельности с ведома и по поручению ответчика.

При признании факта трудовых отношений суд исходил из того, что характерными признаками трудовых отношений вне зависимости от оформления письменного трудового договора являются: достижение сторонами соглашения о личном выполнении работником определенной, заранее обусловленной трудовой функции в интересах, под контролем и управлением работодателя; подчинение работника действующим у работодателя правилам внутреннего трудового распорядка, графику работы (сменности); обеспечение работодателем условий труда; выполнение работником трудовой функции за плату. То обстоятельство, что строительные работы выполнялись бригадой строителей под руководством ФИО16 может свидетельствовать лишь о том, что ФИО16, и иные члены бригады (в том числе, ФИО1) также находились

в фактических трудовых отношениях с ответчиком. При этом в силу положений ч. 3 ст. 19.1 Трудового кодекса РФ неустранимые сомнения при рассмотрении судом споров о признании отношений, возникших на основании гражданско-правового договора, трудовыми отношениями толкуются в пользу наличия трудовых отношений.

Так, в данном деле работник (ФИО1) лично выполнял обусловленную функцию (бетонные работы), и присутствовали проверки выполнения работ от ООО «Лидерстрой».

Так, уже можно сделать вывод о том, что личный характер труда как признак трудовых отношений является важным, однако одного его не достаточно для признания отношений трудовыми. Судами также учитывается: подчинение работника работодателю; систематичность оплаты труда; выполнение работы в интересах, под контролем и управлением со стороны работодателя; подчинение работника ПВТР и иным локальным нормативным актам организации; обеспечение работодателем условий труда; конкретизация трудовой функции и иные обстоятельства.

Рассмотрим ещё одно судебное дело, в котором личный характер трудовых отношений вступил в противоречие с формально-юридической конструкцией заключённых договоров. Семь преподавательниц с многолетним стажем, воспринимавшие свою деятельность как непрерывную педагогическую функцию, фактически оказались лишены социальных гарантий, предусмотренных трудовым законодательством, вследствие замены трудовых договоров на гражданско-правовые контракты [3]. Судебная коллегия, однако, исходила из добровольности волеизъявления данных лиц при подписании договоров ГПХ, а также из отсутствия обязательных признаков трудовых отношений — подчинения правилам внутреннего распорядка, выполнения полного объёма должностных обязанностей преподавателя и стабильного режима рабочего времени. В итоге суд отказал в удовлетворении иска в полном объёме, признав сложившиеся отношения гражданско-правовыми, а не трудовыми. Тем самым суд предпочёл формальные критерии разграничения договоров фактическому содержанию сложившихся отношений, оставив без правовой защиты профессиональную идентичность и многолетнюю трудовую преданность преподавателей, что порождает дисбаланс между экономической зависимостью работника и юридической свободой сторон гражданско-правового соглашения. Именно это дело представляет собой ярчайшую иллюстрацию того дисбаланса, который существует между формально-юридической конструкцией и фактическим содержанием сложившихся отношений. С нашей точки зрения, отказ суда в этом деле был юридически формально обоснованным в силу статьи 56 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, которая возлагает на каждую сторону обязанность доказать обстоятельства, на которые она ссылается, а истцы, заявляя о трудовом характере отношений, не представили убедительных доказательств контроля и управления со стороны работодателя, что осо-

бенно сложно сделать в сфере интеллектуального и педагогического труда, где работа преподавателя по своей природе автономна и не привязана к жёсткому рабочему месту в отличие от работы охранника или строителя. Более того, суд в этом деле применил принцип эстоппеля, оценив осознанное и добровольное подписание гражданско-правовых договоров на протяжении нескольких лет как обстоятельство, свидетельствующее против истцов, и это показывает глубокую проблему правосознания: работники часто соглашались на условия работодателя, не осознавая юридических последствий, а затем суд, руководствуясь формальным принципом свободы договора, закреплённым в статье 421 Гражданского кодекса Российской Федерации, отказывает им в защите, хотя фактически они длительное время находились в экономической зависимости от работодателя.

Исходя из рассмотренной судебной практики, можно сделать вывод о том, что личный характер труда является важной характеристикой трудовых отношений. Как уже отмечалось выше, при признании отношений трудовыми необходима совокупность признаков. В литературе отмечается, что ключевыми являются: предмет договора, систематичность оплаты и подчинение работника работодателю. Из-за выделения этих ключевых признаков, возможно, и ошибочная трактовка норм, так как зачастую в рассмотренных делах суды упускали совокупность иных признаков трудового отношения, не относя складывающиеся отношения к трудовым, хотя, исходя из других обстоятельств дела, они таковыми являлись, на что указывала вышестоящая инстанция, в частности Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации. Следует также обратить внимание на следующий вопрос: какой именно признак является ключевым, определяющим, и почему в одних случаях суды признают отношения трудовыми при отсутствии подчинения графику, а в других отказывают даже при наличии многолетнего личного выполнения работы? Исходя из анализа доктрины и практики, можно заключить, что суды в действительности придают наибольшее значение не личному характеру труда и даже не систематичности оплаты, а наличию управленческой власти работодателя и подчинению работника этой власти, то есть организационному критерию, который проявляется в возможности работодателя давать обязательные указания, применять дисциплинарные взыскания и контролировать процесс труда.

Личный труд как признак трудовых отношений, безусловно, относится к числу значимых, поскольку личный труд предполагает, что человек исключительно сам выполняет работу — а значит, важны какие-то определенные деловые качества. Не зря в статьях Трудового Кодекса, регулирующих трудовые отношения, используются формулировки «личный труд» и «личное выполнение». Важным документом, закрепляющим признаки трудовых отношений, также является Рекомендация Международной организации труда № 198 «Рекомендация

о трудовом правоотношении», на которую также часто ссылаются суды при разрешении дел. В ней, в пп. «а» п. 13 закрепляется, что государства-члены должны предусмотреть возможность определения в своих законодательных и нормативных правовых актах, либо иными средствами, конкретных признаков существования трудовых правоотношений. Среди признаков закрепляется, в том числе то, что работа выполняется лично работником; выполняется в соответствии с определенным графиком или на рабочем месте, которое указывается или согласовывается

стороной, заказавшей ее; имеет определенную продолжительность и подразумевает определенную преемственность; требует присутствия работника и другие [4].

Таким образом, определяя фактические трудовые отношения, следует учитывать все признаки трудовых отношений. Личный характер труда как признак трудовых отношений, исходя из судебной практики, устанавливается без больших проблем, а в случае возникновения таковых, учитывается соглашение о выполнении работы лично работником.

Литература:

1. «Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 29.12.2025, с изм. от 15.05.2026)
2. Апелляционное определение Верховного суда Республики Адыгея от 16.05.2023 по делу N 33–1234/2023 (ВИД 01RS0004–01–2021–007715–77). URL: <https://student2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOUG&n=211348&cacheid=87EDAEE76B8DE34684EF6C03714EFA1D&mode=splus&rnd=vk6jdZUiReICyxv5#RO8jdZU2rKLbfWbu2> (дата обращения: 20.06.2026)
3. Апелляционное определение Томского областного суда № 33–4019/2025 от 29 декабря 2025 г. URL: https://sudact.ru/regular/doc/pgGirk9xjsrr/?regular-txt=лично&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=Статья+15.+Трудовые+отношения%28ТК+РФ%29&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_id=1782484361133&snippet_pos=2982#snippet (дата обращения: 21.06.2026)
4. Рекомендация Международной организации труда № 198 «Рекомендация о трудовом правоотношении». URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=278310> (дата обращения: 22.06.2026)

Теоретические основы и правовое регулирование уступки прав по договору факторинга

Антонова Валерия Вадимовна, студент магистратуры
Московский гуманитарно-экономический университет

В статье исследуются теоретические основы и правовое регулирование уступки прав по договору факторинга в российском гражданском праве. Рассматривается соотношение общих положений о перемене лиц в обязательстве и специальных правил о факторинге, закрепленных в главах 24 и 43 ГК РФ. Анализируются особенности денежного требования как объекта уступки, правовые последствия уведомления должника, распределение рисков между клиентом, фактором и должником, а также различие между окончательной и обеспечительной уступкой. Выявлены два недостатка действующего регулирования: несоответствие названия главы 43 ГК РФ современному содержанию факторинга и отсутствие необходимых специальных правил о факторинге при уступке требования в обеспечительных целях. Обосновывается необходимость законодательного уточнения указанных положений для единообразной квалификации отношений факторинга.

Ключевые слова: факторинг, договор факторинга, уступка права требования, денежное требование, клиент, фактор, должник, обеспечительная уступка, глава 24 ГК РФ, глава 43 ГК РФ.

Теоретические основы уступки прав по договору факторинга раскрываются в соотношении общих положений о перемене лиц в обязательстве и специальных правил о факторинге. Согласно ст. 824 ГК РФ договор факторинга представляет собой возмездную договорную конструкцию, по которой клиент обязуется уступить фактору денежные требования к должнику и оплатить оказанные услуги, а фактор обязуется совершить не менее двух действий, связанных с уступаемыми денежными требованиями.

При этом в части, не урегулированной главой 43 ГК РФ, к соответствующим отношениям применяются правила главы 24 ГК РФ, а сам договор может быть построен и как смешанный, если в нем присутствуют иные элементы обязательственной связи [2, ст. 824 п. 1, 3, 5]. После реформы, проведенной Федеральным законом от 26.07.2017 № 212-ФЗ, в качестве фактора допускается участие не только банков, но и любых коммерческих организаций [2, ст. 825; 3]. Уже из буквального содержания названных норм сле-

дует, что уступка права требования в факторинге не существует изолированно, а выполняет функцию юридического механизма, посредством которого оформляется более сложное имущественное отношение, включающее финансирование, учет, инкассацию, управление задолженностью и иные связанные действия.

В российской цивилистике устоялось положение о том, что договор факторинга нельзя сводить к обычной цессии. Обоснованно отмечается, что отношения факторинга имеют «более сложный характер, чем обычная цессия» [16, с. 3]. Те же авторы показывают, что после обновления главы 43 ГК РФ договор факторинга следует рассматривать как особый случай уступки требования, при котором специальные нормы главы 43 имеют приоритет перед общими нормами главы 24 ГК РФ [16, с. 3–5].

Н. Н. Карзаева, развивая функциональный подход, исходит из того, что доктринальное определение факторинга не должно расходиться с современным составом операций, фактически выполняемых фактором; иначе легальная модель перестает адекватно отражать содержание соответствующего обязательства [11, с. 14, 16]. Представляется, что именно такой подход является наиболее обоснованным применительно к теме уступки прав по договору факторинга, поскольку сама уступка здесь выступает не самостоятельной целью, а правовой формой организации оборота денежного требования в интересах финансирования и управления дебиторской задолженностью.

Правовой объект уступки в факторинге ограничен денежным требованием. Закон прямо допускает уступку как существующего, так и будущего денежного требования [2, ст. 826 п. 1]. Если уступается будущее требование, оно должно быть определено способом, позволяющим идентифицировать его в момент возникновения, а само право переходит к фактору после возникновения требования без дополнительной уступки, если более поздний момент не установлен договором [1, ст. 388.1 п. 1–2; 2, ст. 826 п. 3]. Глава 24 ГК РФ образует общий режим такой уступки. По общему правилу согласие должника на переход права не требуется, однако риск неблагоприятных последствий отсутствия уведомления несет новый кредитор [1, ст. 382 п. 2–3].

Денежное требование может быть уступлено и в ситуации договорного запрета уступки, поскольку для денежного требования такой запрет не лишает уступку силы, а влечет лишь возможную ответственность первоначального кредитора перед должником. [1, ст. 388 п. 3; 2, ст. 828 п. 1]. Данный подход соответствует выводу о том, что базовым элементом современного факторинга является договорное право денежного требования, то есть дебиторская задолженность, рассматриваемая в качестве имущественного актива, участвующего в гражданском обороте [11, с. 18].

В литературе также справедливо указывается, что глава 24 ГК РФ образует правовой фундамент института уступки, тогда как глава 43 закрепляет его специальную предпринимательскую модификацию [4, с. 11–12]. Содержание правового регулирования уступки по договору факторинга

не исчерпывается определением объекта и допустимости перехода права. Значение имеют последствия уже совершенной уступки. Если иное не предусмотрено договором факторинга, клиент отвечает перед фактором за действительность уступаемого денежного требования, но не отвечает за неисполнение или ненадлежащее исполнение должником самого денежного требования [2, ст. 827 п. 1, 3].

Этот подход корреспондирует общему правилу ст. 390 ГК РФ, согласно которому cedent отвечает за недействительность уступленного требования, но не отвечает за его исполнение должником, если специально не принял такую ответственность [1, ст. 390]. Для должника правовые последствия уступки наступают после получения письменного уведомления, а именно: при наличии такого уведомления и при надлежащей идентификации требования исполнение должно производиться фактору, причем должник вправе потребовать доказательств уступки [2, ст. 830 п. 1–2]. Одновременно закон охраняет и интересы должника, позволяя ему произвести зачет своих денежных требований к клиенту, возникших к моменту получения уведомления об уступке [2, ст. 832]. Если же клиент нарушил договор с должником, последний по общему правилу не вправе требовать возврата уже уплаченных фактору сумм и должен предъявлять требования к самому клиенту [2, ст. 833]. Следовательно, уступка в факторинге порождает баланс интересов трех субъектов — клиента, фактора и должника, а не простую замену кредитора в уже существующем обязательстве.

В теории и законодательстве разграничиваются факторинг как окончательное приобретение требования и факторинг как обеспечительная уступка [12, с. 514]. По смыслу ст. 831 ГК РФ, если уступка совершается в целях приобретения требования фактором, он получает право на все суммы, которые взыщет с должника, даже если полученное превышает цену уступки; если же уступка имеет обеспечительный характер, фактор обязан представить клиенту отчет и передать сумму, превышающую размер обеспеченного обязательства, а если взысканной суммы оказалось недостаточно, клиент продолжает отвечать за остаток долга. [2, ст. 831 п. 1–2]. Именно в этой норме закреплена разница между уступкой как способом окончательного распоряжения правом и уступкой как способом обеспечения исполнения.

Э. А. Габараев обоснованно исходит из того, что обеспечительная уступка денежного требования обладает собственными специфическими признаками, не сводится к залого и требует специальных правил, учитывающих ее самостоятельную правовую природу [7, с. 24–25, 28].

П. А. Правящий, в свою очередь, рассматривает обеспечительную уступку в рамках факторинга как разновидность титульного обеспечения и делает вывод о том, что прекращение обеспеченного обязательства должно влечь обратный переход денежного требования клиенту в силу принципа акцессорности [15, с. 16–17]. Представляется, что данный вывод является методологически верным, поскольку позволяет разграничить обеспечительный факто-

ринг, обычную цессию и залог обязательственного права без смешения их правовых режимов.

Первая проблема современного регулирования состоит в несоответствии между названием главы 43 ГК РФ и действительным содержанием ст. 824 ГК РФ. В литературе прямо указывается на «устаревшее название главы» [4, с. 12].

Н. Н. Карзаева также показывает, что существующее определение факторинга в доктрине и в нормативном обороте во многих случаях не соответствует современному содержанию операций, которые выполняет фактор [11, с. 14, 16]. Действительно, закон требует от фактора совершения не менее двух действий, а само финансирование в ряде моделей не исчерпывает содержания обязательства [2, ст. 824 п. 1–2]. В связи с этим представляется обоснованным изменить наименование главы 43 ГК РФ на «Договор факторинга» и скорректировать п. 1 ст. 824 ГК РФ так, чтобы в нем прямо закреплялось: факторинг представляет собой возмездный договор, в рамках которого клиент уступает фактору денежное требование, а фактор совершает не менее двух связанных с ним действий, одним из которых может быть финансирование. Дополнительно сохраняет значение предложение о выработке Верховным Судом Российской Федерации разъяснений по вопросам квалификации договора факторинга, поскольку, как отмечалось в литературе, конфликты сторон во многом вызваны недостаточным пониманием его правовой природы [10, с. 84–85].

Вторая проблема касается специального регулирования факторинга при уступке требования в обеспечительных целях.

Несмотря на наличие ст. 831 ГК РФ, в законе прямо не закреплены последствия прекращения обеспеченного обязательства в части автоматического возврата клиенту неисполненного денежного требования, передачи документов, удостоверяющих требование, и завершения расчетов между сторонами. Между тем Э. А. Габараев последовательно обосновывает необходимость специальных правил для обеспечительной уступки и исключает возможность ее расторжения в залоговой конструкции [5, с. 173; 6, с. 32; 7, с. 25; 8, с. 24–25, 28], а П. А. Правящий прямо связывает прекращение обеспеченного обязательства с обратным переходом требования клиенту в силу п. 4 ст. 329 ГК РФ [13, с. 90–91; 14, с. 131–132; 15, с. 16–17]. С учетом этого представляется целесообразным дополнить главу 43 ГК РФ специальной нормой, условно новой ст. 831.1 ГК РФ, в которой следовало бы предусмотреть: прекращение обеспеченного обязательства влечет обратный переход неисполненного денежного требования клиенту в силу закона, если иное прямо не предусмотрено договором; фактор обязан передать клиенту документы, удостоверяющие требование; суммы, полученные сверх

размера обеспеченного обязательства, подлежат возврату клиенту в установленный срок.

Таким образом, уступка прав по договору факторинга в российском гражданском праве представляет собой специальную предпринимательскую разновидность уступки денежного требования, правовой режим которой строится на сочетании главы 24 и главы 43 ГК РФ. Теоретически она не может быть сведена ни к простой цессии, ни к залогоу обязательственного права, поскольку выполняет самостоятельную функцию в обороте денежного требования и обслуживает более сложное обязательственное отношение между клиентом, фактором и должником. Действующее законодательство уже содержит необходимый минимум правил об объекте уступки, уведомлении должника, распределении рисков и различии между окончательной и обеспечительной уступкой.

Наряду с этим в действующем регулировании сохраняются две проблемы. Первая состоит в том, что название главы 43 ГК РФ «Финансирование под уступку денежного требования» не соответствует содержанию ст. 824 ГК РФ, поскольку закон закрепляет факторинг как договор, в рамках которого фактор совершает не менее двух действий, связанных с уступаемыми денежными требованиями, и не сводит его только к предоставлению финансирования. Решение данной проблемы возможно путем изменения названия главы 43 ГК РФ на «Договор факторинга» и п. 1 ст. 824 ГК РФ в следующей редакции: «По договору факторинга одна сторона (клиент) обязуется уступить другой стороне фактору денежные требования к третьему лицу (должнику) и оплатить оказанные услуги, а фактор обязуется совершить не менее двух действий, связанных с уступаемыми денежными требованиями, включая передачу клиенту денежных средств, осуществление учета денежных требований, реализацию прав по денежным требованиям и осуществление прав по договорам, обеспечивающим исполнение обязательств должника».

Вторая проблема состоит в том, что ст. 831 ГК РФ ограничивает окончательную уступку и уступку требования в обеспечительных целях, однако не определяет последствия прекращения обеспеченного обязательства в части обратного перехода клиенту неисполненного денежного требования, передачи документов, удостоверяющих требование, и завершения расчетов между сторонами. Ее решение возможно путем дополнения главы 43 ГК РФ специальной нормой, в которой следует закрепить, что прекращение обеспеченного обязательства влечет возврат неисполненного денежного требования клиенту, а фактор обязан передать документы по требованию и перечислить суммы, полученные сверх размера обеспеченного обязательства.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) [Электронный ресурс] — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=182878> (дата обращения: 22.04.2026).

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. от 16.12.2025) [Электронный ресурс] — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=LAW&n=9027&req=doc> (дата обращения: 22.04.2026).
3. О внесении изменений в части первую и вторую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 26.07.2017 № 212-ФЗ [Электронный ресурс] — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220900/ (дата обращения: 22.04.2026).
4. Базяскина, Ю. А. Сравнительный анализ правового регулирования факторинга в РФ и КНР / Ю. А. Базяскина, С. В. Старцева // Социально-экономические процессы современного общества: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 16 мая 2025 г.) / гл. ред. Э. В. Фомин; Чувашский государственный институт культуры и искусств. — Чебоксары: Среда, 2025. — С. 11–13.
5. Габараев, Э. А. Обеспечительная уступка денежного требования и финансирование под обеспечительную уступку денежного требования: проблемы правовой квалификации / Э. А. Габараев // Российский юридический журнал. — 2020. — № 5 (134). — С. 173–184.
6. Габараев, Э. А. Обеспечительная уступка денежного требования: сущность обеспечительного эффекта / Э. А. Габараев // Юрист. — 2021. — № 7. — С. 32–36.
7. Габараев, Э. А. Обеспечительная уступка денежного требования в механизме исполнения различных гражданско-правовых обязательств / Э. А. Габараев // Хозяйство и право. — 2023. — № 10 (561). — С. 24–32.
8. Габараев, Э. А. Обеспечительная уступка денежного требования: проблемы теории и правоприменения: автореф. дис.... канд. юрид. наук: 5.1.3 / Э. А. Габараев. — Москва, 2024. — 30 с.
9. Гасников, К. Д. Договор финансирования под уступку денежного требования (факторинг) как способ обеспечения исполнения обязательств / К. Д. Гасников // Законодательство. — 2020. — № 6. — С. 27–34.
10. Годунов, П. А. Проблемы реформирования договора факторинга в России / П. А. Годунов // Вестник науки. — 2022. — Т. 1. — № 2 (47). — С. 76–87.
11. Карзаева, Н. Н. Факторинг: эволюция понятия и содержания / Н. Н. Карзаева // Бизнес. Образование. Право. — 2024. — № 4 (69). — С. 13–19.
12. Куделич, М. И. Проблемы законодательства о факторинге в Российской Федерации / М. И. Куделич // Актуальные вопросы современной экономики. — 2022. — № 3. — С. 514–536.
13. Правящий, П. А. Обеспечительная уступка требования (часть 1) / П. А. Правящий // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2022. — № 12. — С. 84–113.
14. Правящий, П. А. Обеспечительная уступка требования (часть 2) / П. А. Правящий // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2023. — № 1. — С. 131–155.
15. Правящий, П. А. Титульные способы обеспечения исполнения обязательств в российском законодательстве: автореф. дис.... канд. юрид. наук: 5.1.3 / П. А. Правящий. — Москва, 2024. — 36 с.
16. Федоров А. Г., Ермакова М. А. Общие начала и принципиальные отличия договоров уступки права требования (цессии) и финансирования под уступку денежного требования (факторинга) // Дневник науки. 2020. № 1. С. 1–12.

К вопросу о пределах доказывания по уголовному делу

Ашугян Артур Валерьевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Стронский Данил Дмитриевич, кандидат юридических наук, доцент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В настоящей статье автором проанализированы основные аспекты определения пределов доказывания по уголовному делу в контексте осуществления собирания доказательств.

Ключевые слова: предмет доказывания, пределы доказывания, фактические обстоятельства, достаточность доказательств, обоснованность, доказанность.

Для начала стоит отметить, что в процессуальной науке отправной точкой любого правоприменительного акта признается всестороннее познание фактической базы, служащей фундаментом и условием принятия решения.

В то же время, содержательное наполнение такой основы предопределяется тем, какая норма подлежит реализации, уголовно-правовая либо уголовно-процессуальная, поэтому корректное определение предмета и пределов до-

казывания для каждого вида решений приобретает перво-степенное значение.

Стоит отметить, что сущность возникающей при этом проблемы сводится к сопоставлению реальной жизненной ситуации с обобщенными признаками состава, закреплёнными в правовой конструкции.

В рассматриваемом контексте особый интерес представляет конструкция факта, оперирование которой в свою очередь требует методологической строгости.

Так, Л. А. Воскобитова к его сущностным параметрам относит внешнюю проявленность в объективной реальности, пространственно-временную и причинно-следственную конкретность, событийную природу, отсылающую к прошлому при том, что отдельные следы могут сохраняться в настоящем [1].

Указанным выше автором так же подчеркивается сложная внутренняя структура факта, который в свою очередь познается не целиком, а лишь в объеме юридически значимых характеристик, и необходимость отделять сам факт от его субъективного информационного отпечатка.

Очевидно, что если правоприменитель движется в логике уголовного закона, каркас фактической основы образуют признаки состава преступления.

В уголовно-процессуальной же сфере на первый план выходят обстоятельства, прямо обозначенные законодателем как основания для конкретного решения.

Продуктивной в рассматриваемом контексте видится позиция В. С. Соркина, согласно которой факты, значимые для процессуально-правовых вопросов, нередко присутствуют непосредственно в момент принятия решения, что не снимает императива их полноценного установления. Однако существует и деструктивная тенденция к размыванию реальной фактуры дела и ее подмене готовыми правовыми моделями [2].

Уже упомянутая Л. А. Воскобитова ставит в данной связи вопрос, что первично, а именно либо всестороннее выявление индивидуальных особенностей ситуации либо диспозиция нормы, предопределяющая набор фактов, подлежащих обнаружению.

Думается, что обладая знанием типизированных моделей, правоприменитель обязан противостоять соблазну неосознанно подстроить живую действительность под избранную норму, игнорируя обстоятельства, на первый взгляд кажущиеся избыточными.

Обоснованность определенного судебного постановления, как неоднократно отмечала П. А. Лупинская, напрямую зависит от того, насколько полно и недвусмысленно закон очерчивает круг обстоятельств, подлежащих доказыванию, и насколько объективно и всесторонне они исследованы [3].

Из изложенного выше непосредственно вытекает, что фактические данные надлежит устанавливать в объеме, достаточном для реконструкции целостной картины случившегося, не замыкаясь заранее на жесткой модели состава преступления.

При этом предмет доказывания ощутимо варьируется применительно к различным процессуальным актам, причем в рассматриваемом случае разграничение по-прежнему проходит по линии материального и процессуального права.

Заслуживает внимания двухуровневая конструкция фактической основы в уголовно-процессуальном регулировании, предложенная Л. А. Воскобитовой где первый уровень составляют нормативно предусмотренные фактические основания, а второй непосредственно неповторимые конкретные обстоятельства, взятые из реальной картины события.

Следует отметить, что несомненно жизненные факты многограннее и вариативнее нормативных моделей, например, приостановление производства по делу может обуславливаться не только временным тяжким недугом подсудимого, но и типологически схожими ситуациями, не всегда получающими исчерпывающую формализацию в законе.

Н. А. Чертова и И. С. Юринская справедливо подчеркивают, что фактический базис любого процессуального решения немислим без определения надлежащего круга доказательств и их совокупной оценки [4].

Так же показательным примером выступает временное отстранение обвиняемого от должности (ст. 114 УПК РФ), для применения которого требуется убедиться, что инкриминируемое преступление и поведенческие паттерны лица создают реальные основания прогнозировать продолжение противоправной деятельности либо противодействие расследованию при сохранении служебного статуса [5].

В доктрине необходимая и достаточная совокупность доказательств для вынесения приговора традиционно обозначается как пределы доказывания.

По замечанию П. А. Лупинской, в них включаются лишь те обстоятельства, которые из всей массы предшествовавших, сопутствовавших или следовавших за преступлением событий обладают определяющим значением для установления элементов предмета доказывания.

Развивая указанную выше мысль, следует констатировать, что применительно к каждому решению формируется индивидуальный состав фактических обстоятельств, причем степень законодательной детализации может быть различной, от подробной до выводимой из иных процессуальных предписаний.

Контуров пределов доказывания для конкретного решения задаются тем объемом знаний о фактической стороне дела, который объективно необходим для его вынесения.

При этом правовые императивы, предъявляемые непосредственно к обоснованности и доказанности решений разного типа, неодинаковы, как и требуемая полнота подтверждающего материала.

В то же время, нельзя игнорировать и временную неоднородность самих фактов, так одни укоренены в прошлом

и нуждаются в ретроспективном восстановлении, другие существуют в настоящем, а третьи относятся к будущему как прогнозируемые последствия.

В рассматриваемом контексте так же стоит понимать, что полнота доказывания неразрывно связана с обоснованностью, другими словами, результаты, зафиксированные в описательно-мотивировочной части судебного постановления, должны с логической неизбежностью порождать выводы, формулируемые в резолютивной части, не оставляя места для логических разрывов.

Литература:

1. Воскобитова Л. А. Доказывание и принятие решений в современном уголовном судопроизводстве // Всероссийский криминологический журнал. 2015. № 2.
2. Соркин В. С. Принятие решений в процессе доказывания по уголовному делу (уголовно-процессуальные аспекты и оперативно-розыскная деятельность. М., 2019.
3. Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и формы. М., 1976.
4. Чертова Н. А. Юринская И. С. Механизм принятия судебного решения: теоретические аспекты // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2017. № 3.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481.

Понятие следственного и иного процессуального действия в контексте собирания доказательств

Ашугян Артур Валерьевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Стронский Данил Дмитриевич, кандидат юридических наук, доцент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В настоящей статье автором проанализировано содержание понятий «следственное действие» и «процессуальное действие» с точки зрения процесса собирания доказательств.

Ключевые слова: следственное действие, собирание доказательств, иное процессуальное действие, истребование доказательств, представление доказательств, эксгумация, получение образцов для сравнительного исследования.

Методологически обоснованным представляется выдвинуть тезис, что доминирующей целью в первую очередь следственных действий выступает собирание доказательственного материала, в силу чего они образуют базовый инструментарий формирования доказательственной базы, тогда как иные процессуальные действия выполняют в рассматриваемом контексте собирания доказательств скорее вспомогательную функцию.

В свою очередь, процесс собирания доказательств является собой целостный комплекс нормативно закреплённых познавательных приёмов, направленных на выявление, изъятие и процессуальную фиксацию сведений, релевантных для разрешения уголовного дела [1].

Познавательный же вектор расследования объективно диктует необходимость наделения следственных органов властными полномочиями, позволяющими достоверно устанавливать широкий спектр юридически значимых

Проведенный анализ позволяет утверждать, в отношении пределов доказывания принципиальным видится отказ от их исключительно количественного понимания, иначе говоря, доказательственная информация не должна сводиться только лишь к числовым показателям, а ориентиром в рассматриваемом случае должна служить качественная достаточность источников, а именно та минимальная совокупность сведений, которая позволяет с логической безупречностью вывести резолютивный вывод из описательно-мотивировочной части.

обстоятельств, в свою очередь, именно такие полномочия реализуются посредством следственных и иных процессуальных действий.

Между тем в уголовно-процессуальной науке до сих пор отсутствует консенсус относительно единого понятия «следственное действие».

Так, законодатель, неоднократно употребляя этот термин в тексте УПК РФ, последовательно уклоняется от формулирования его легитимной дефиниции, её нет ни в статье 5 названного акта, ни в иных нормах кодекса [2].

Более того, системное толкование исследуемого нормативно-правового акта порождает определенные нестыковки.

Например, в ст. 215 УПК РФ окончание следственных действий фактически отождествляется с завершением всей деятельности следователя, включая акты, лишённые познавательной природы, а в ст. 86 следственные действия

предстают исключительно как средство собирания доказательств, тогда как перечень требующих судебного санкционирования действий (ст. 164, 165 УПК РФ) включает наложение ареста на имущество, который представляет из себя меру процессуального принуждения, а не способ получения доказательственной информации.

Непосредственно в доктрине сложилась двоякая трактовка исследуемых действий — в широком смысле под следственными действиями подразумеваются любые процессуальные акты следователя или дознавателя [3], тогда как в узком только регламентированные законом познавательные приёмы, нацеленные на получение новых или проверку имеющихся доказательств [4].

Как представляется, расширительный подход размывает контуры исследуемого института и фактически отождествляет его со всем досудебным производством, лишая категорию автономии.

Опираясь же на функциональный критерий, предназначение следственных действий должно замыкаться на познании обстоятельств дела.

И именно узкий подход придаёт им качество самостоятельного процессуального института и позволяет отграничить познавательные приёмы от иных проявлений властной деятельности.

Ключевыми признаками следственного действия выступают направленность на пополнение и подтверждение доказательственной базы и потенциальная возможность получения доказательств, подтверждённая законом [5].

При этом следует избегать упрощённого понимания собирания как механического изъятия готовых доказательств поскольку в материальной действительности готовые доказательственные конструкты отсутствуют.

Как указывал С. А. Шейфер, поиск доказательств нельзя уподоблять примитивному собирательству; сущность следственного действия заключается в генерировании нового знания, получении субъектом доказывания тех сведений, которые ранее не входили в его информационный массив [6].

Следовательно, собирание и проверка выступают не финальной целью, а содержанием самого познавательного процесса.

Соответственно, итоговая дефиниция следственного действия может быть сформулирована следующим образом — следственное действие есть предусмотренная уголовно-процессуальным законом поисково-познавательная операция, осуществляемая должностным лицом с возможностью легитимного применения мер процессуального принуждения, непосредственная цель которой состоит в получении нового доказательственного знания путём обнаружения, изъятия, фиксации и удостоверения юридически значимых сведений.

Фактическая цепочка собирания доказательств предполагает соответствие каждой стадии специфического набора следственных действий.

В указанном контексте следует привести пример, что на этапе поиска доминируют осмотр и обыск, при из-

влечении сведений от носителя соответственно выемка, а фиксация представляет собой сложный комплекс удостоверительных операций с применением технических средств, гарантирующих аутентичность информации.

Обращаясь к иным процессуальным действиям, следует отметить, что статья 86 УПК РФ допускает собирание доказательств не только посредством следственных, но и иных процессуальных действий.

К их числу относят истребование информации, направление запросов, дачу поручений (ч. 4 ст. 21 УПК РФ).

Однако в отличие от детально регламентированных следственных действий, порядок осуществления иных процессуальных действий законодателем практически не урегулирован, что свидетельствует о довольно ограниченном потенциале государственного принуждения при их реализации.

В свою очередь, между истребованием и принудительным изъятием (выемкой, обыском) существует своеобразная конкуренция, в рассматриваемом контексте обращение к истребованию рационально при отсутствии риска утраты объектов и когда не требуется исследовать обстановку; в противном случае следователь обязан проинформировать выемку либо обыск.

Представление же доказательств (ст. 86 УПК РФ) базируется на добровольной инициативе участников или иных лиц и противопоставлено властному истребованию.

Важно подчеркнуть, что направление запроса гражданину не порождает у последнего безусловной юридической обязанности выдать требуемое, и механизмы принуждения здесь неприменимы, поскольку это входило бы в противоречие с ограниченным перечнем допустимых мер государственного воздействия, реализуемых исключительно в формате следственных действий.

Особого внимания заслуживает правовая природа наложения ареста на имущество и эксгумации.

Хотя формально они упоминаются в контексте общих правил производства следственных действий (ст. 164 УПК РФ), системное толкование не позволяет отнести их к таковым. Наложение ареста (ст. 115 УПК РФ) направлено на обеспечение имущественных взысканий, а эксгумация (ч. 3 ст. 178 УПК РФ) носит сугубо технический, вспомогательный характер и не порождает самостоятельного доказательства.

Аналогичным образом получение образцов для сравнительного исследования (ст. 202 УПК РФ) выполняет обеспечительную функцию и не является следственным действием. Эти процедуры должны квалифицироваться как иные процессуальные действия.

Таким образом, следственные и иные процессуальные действия представляют собой различные инструменты познавательной деятельности.

Первые строго формализованные, обеспеченные государственным принуждением акты, направленные на получение нового доказательственного знания, вторые же менее формализованные, процессуально экономичные, но их эффективность зависит от воли третьих лиц.

Литература:

1. Рыжаков А. П. Уголовно-процессуальное доказывание и основные следственные действия. М., 2014.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481.
3. Ларин А. М. Расследование по уголовному делу. Планирование, организация. М., Юридическая литература, 1970.
4. Жогин Н. В., Фаткуллин Ф. Н. Предварительное следствие в советском уголовном процессе. М., Юридическая литература, 1965.
5. Казинян Г. С., Соловьев А. Б. Проблемы эффективности следственных действий. Ереван: Ереванский госуниверситет, 1987.
6. Шейфер С. А. Методологические и правовые проблемы собирания доказательств в советском уголовном процессе: дис. ... доктора юрид. наук. Куйбышев, 1981.

Теоретические и тактические проблемы доказывания на стадии возбуждения уголовного дела как на ключевом этапе уголовного судопроизводства

Балин Георгий Артурович, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье рассматриваются теоретические и тактические проблемы доказывания на стадии возбуждения уголовного дела как ключевого начального этапа уголовного судопроизводства. Раскрывается содержание доказывания, уточняется понятие средств доказывания, анализируются особенности их использования до возбуждения дела. Особое внимание уделяется формированию тактики проведения следственных действий, вопросам пригодности полученных доказательств для последующего расследования и необходимости выделения стадии возбуждения уголовного дела в структуре частных криминалистических методик. Сформулированы предложения по совершенствованию тактических подходов к проверке сообщений о преступлениях и обеспечению качества материалов предварительной проверки.

Ключевые слова: доказывание, возбуждение уголовного дела, средства доказывания, частная криминалистическая методика, следственные действия, тактика.

В отечественной доктрине доказывание традиционно определяется как познавательно-удостоверительная деятельность уполномоченных органов, направленная на установление истины по уголовному делу посредством собирания, исследования, оценки и использования доказательств. При этом доказывание сочетает элементы чувственного и рационального познания, а также нуждается в строгой процессуальной регламентации, что особенно заметно в стадии возбуждения дела, где временные рамки и перечень допустимых действий ограничены законом [1].

Характерной особенностью начальной стадии выступает то, что принимаемое решение опирается на «достаточные данные, указывающие на признаки преступления», а не на исчерпывающий объем сведений, необходимый для окончательного вывода о виновности конкретного лица. В результате возникает необходимость сочетать практическую достоверность выводов с неизбежной фрагментарностью фактического материала, что усиливает требования к качеству применения средств доказывания.

В современных научных работах все более распространенным становится термин «средства доказывания», под которым предлагается понимать не только сами доказа-

тельства и их источники, но и процессуальные действия, тактические приемы, технико-криминалистические средства и иные способы собирания доказательственной информации. Такой подход позволяет рассматривать доказывание как комплексную систему, включающую правовые, организационные, тактические и технические компоненты, взаимодействие которых особенно важно на начальном этапе расследования [2].

В контексте стадии возбуждения уголовного дела к числу ключевых средств доказывания относятся следственные и иные процессуальные действия (прежде всего осмотр места происшествия, получение объяснений, истребование документов и предметов, назначение экспертиз), а также тактические приемы, обеспечивающие эффективность их проведения. Существенную роль играют и технико-криминалистические средства: оптические приборы, средства освещения, средства обнаружения и фиксации следов, тестовые комплексы и т. п., позволяющие оперативно выявлять и закреплять материальные следы преступления. [3]

Криминалистическая методика традиционно описывается как система научно обоснованных рекомендаций по организации и осуществлению расследования отдельных

категорий преступлений. Центральное место в ней занимают частные криминалистические методики, включающие типичные следственные ситуации, программы расследования и рекомендации по взаимодействию следователя с оперативными и иными подразделениями. Вместе с тем вопросы доказывания именно на стадии возбуждения уголовного дела не всегда получают надлежащее отражение в структуре частных методик. В ряде работ особенности возбуждения дела либо не выделяются в самостоятельный элемент, либо затрагиваются лишь фрагментарно, несмотря на то что именно на этом этапе формируется исходная доказательственная база, определяющая последующий ход расследования [4].

Представляется обоснованным включение стадии возбуждения уголовного дела в структуру частной криминалистической методики в виде самостоятельного раздела. Такой раздел должен содержать, по меньшей мере, перечень наиболее типичных поводов к возбуждению уголовных дел конкретной категории, основанный на анализе практики, а также рекомендации по проверке сообщений о преступлениях с указанием минимально необходимого набора действий для получения достаточных данных.

Особое значение имеет то обстоятельство, что несвоевременное возбуждение уголовного дела может повлечь утрату следов преступления, сокрытие виновных лиц и, как следствие, существенное снижение эффективности расследования. С другой стороны, необоснованное возбуждение дела чревато нарушением прав граждан, неоправданными затратами ресурсов и негативной оценкой деятельности органов предварительного расследования. Баланс между этими рисками может быть обеспечен лишь на основе научно выверенных методических рекомендаций по доказыванию на начальной стадии.

Среди ключевых тактических проблем следует выделить неопределенность круга участников процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении. Несмотря на предусмотренную законом обязанность разъяснять участвующим лицам их права и обязанности, отсутствие четко закрепленного статуса потерпевших и очевидцев на данной стадии осложняет последующее использование полученных от них сведений в качестве доказательств.

Не менее значимой является проблема многообразия и неоднородности процессуальных документов, фиксирующих результаты проверки: заявлений, рапортов, актов, заключений, протоколов различных действий. Различия форм и требований к их содержанию нередко приводит к ошибкам при оценке фактических обстоятельств и, как следствие, к неправильным решениям о возбуждении либо отказе в возбуждении уголовного дела.

Тактические трудности могут быть связаны также с вопросом пригодности сведений, полученных на стадии возбуждения уголовного дела, для их последующего использования в качестве доказательств на этапе предварительного расследования. Особенно остро эта проблема проявляется при сопоставлении объяснения и допроса,

которые по содержанию во многом идентичны, но имеют различные процессуальные режимы и правовые последствия.

В научной литературе высказываются предложения о замене права уполномоченного лица получать объяснения на право производить допрос уже на стадии возбуждения уголовного дела. Такой подход, по мнению его сторонников, позволил бы устранить сомнения в достоверности и доказательственном значении полученной информации и избежать дублирования процессуальных действий. В то же время необходимо учитывать различие целей и условий получения сведений, а также различный объем прав и обязанностей лиц, дающих объяснения и выступающих в качестве свидетелей [5].

Отдельный блок проблем связан с практикой назначения освидетельствований (в том числе судебно-медицинских и наркологических) при проверке сообщений о преступлениях. Эти действия нередко осуществляются на основании специального законодательства в сфере здравоохранения, что создает риск признания полученных результатов непригодными для использования в уголовном судопроизводстве ввиду отсутствия их прямой регламентации в уголовно-процессуальном законе.

Существует объективная необходимость в нормативной определенности: либо законодатель должен прямо закрепить возможность производства соответствующих освидетельствований в рамках стадии возбуждения уголовного дела, либо, напротив, ограничить их проведение до момента принятия решения о возбуждении дела, предлагая использовать иные процессуальные механизмы. В противном случае сохраняется угроза утраты значимой доказательственной информации либо ее последующего исключения из доказательственного оборота.

Особое практическое значение имеет осмотр места происшествия, который часто производится до возбуждения уголовного дела и фактически формирует основу доказательственной базы по делу. Нарушения порядка проведения осмотра, требований к составу участников и фиксации результатов неизбежно отражаются на пригодности полученных сведений и могут повлечь признание соответствующих доказательств недопустимыми [6].

Наиболее рациональной представляется позиция, согласно которой место происшествия следует понимать как любой локализованный участок пространства, где обнаружены объекты, предположительно связанные с преступлением. Такой подход позволяет гибко учитывать многообразие ситуаций при сохранении ясных критериев для выбора тактики осмотра и применения технико-криминалистических средств.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что доказывание на стадии возбуждения уголовного дела обладает значительной спецификой, обусловленной как ограниченностью допустимых процессуальных средств, так и высокой значимостью принимаемых решений для всего последующего расследования. На данном этапе формиру-

ется исходный массив фактических данных, от полноты и качества которого во многом зависят как возможность установления истины по делу, так и соблюдение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Уточнение содержания категории «средства доказывания» с включением в нее не только доказательств и их источников, но и процессуальных действий, тактических приемов и технико-криминалистических средств позволяет по-новому взглянуть на структуру и содержание доказывания на начальной стадии процесса. Такой комплексный подход создает основу для разработки более детализированных методических рекомендаций по организации проверки сообщений о преступлениях.

Выявленные тактические проблемы, такие как неопределенность статуса участников процессуальных действий, неоднородность системы документов, дискуссионность соотношения объяснения и допроса, отсутствие четкой регламентации освидетельствований, а также нарушения

при проведении осмотров свидетельствуют о необходимости дальнейшего совершенствования как уголовно-процессуального регулирования, так и криминалистических методик.

Представляется целесообразным: нормативно уточнить возможности применения отдельных средств доказывания на стадии возбуждения уголовного дела; закрепить в структуре частных криминалистических методик самостоятельные разделы, посвященные особенностям проверочной деятельности; разработать и внедрить стандартизированные алгоритмы тактики проведения ключевых действий, прежде всего осмотра места происшествия и получения первичных сведений от очевидцев.

Реализация указанных предложений позволит обеспечить не только обоснованность и своевременность решений о возбуждении уголовных дел, но и высокое качество доказательственной базы на последующих стадиях уголовного судопроизводства, что в конечном счете способствует укреплению законности и защите прав личности.

Литература:

1. Петрова О. А. Некоторые проблемы изъятия доказательств в стадии возбуждения уголовного дела // Закон и право, 2023. № 1. С.206–210.
2. Петрова О. А. Изъятие предметов и документов в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4. / Петрова Ольга Александровна, Краснодар, 2024. 235 с.
3. Калугин А. Г. К вопросу о процессуальной форме изъятия предметов и документов в стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Сибирского юридического института МВД России, 2017. № 3 (28). С. 15–20.
4. Артемова В. В. Проблемные аспекты реализации истребования и изъятия предметов и документов на этапе возбуждения уголовного дела // Российский следователь, 2014. № 3. С. 3–5.
5. Каретников А. С., Каретников С. А. Следственные действия как способы проверки сообщения о преступлении // Законность, 2014. № 7 (957). С. 37–42.
6. Карагодин В. Н. Осмотр места происшествия, обыск или выемка? // Российский юридический журнал, 2012. № 5 (86). С. 128–132.

Правовой статус прокурора в гражданском процессе

Валиева Назила Наилевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Ахметзянова Гульнара Нафисовна, кандидат юридических наук, доцент
Казанский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

В статье рассматривается правовой статус прокурора в гражданском процессе, анализируются его полномочия, процессуальные функции и рамки участия в делах, связанных с защитой публичных интересов, охраной законности и обеспечения единства судебной практики. Рассматриваются нормативно-правовые основания участия прокурора, разъяснения судебной практики и механизмы реализации полномочий на различных стадиях процесса.

Ключевые слова: прокурор, гражданский процесс, правовой статус, представление интересов.

Правовой статус прокурора в гражданском судопроизводстве представляет собой фундаментальную институциональную характеристику, определяющую роль государственных органов в обеспечении законности и защите общественных интересов. Юридическая доктрина традиционно определяет прокурора как субъекта, наде-

ленного особыми полномочиями в процессуальных действиях, направленных на защиту прав граждан, интересов общества и государства. Значимость прокурора обусловлена не только его компетенциями, закрепленными в гражданско-процессуальном законодательстве, но и его участием в формировании единообразной правоприме-

нительной практики, что является важным элементом стабильности правовой системы.

Нормативной основой для участия прокурора в гражданском судопроизводстве является статья 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, которая предусматривает участие прокурора в судебных разбирательствах в случаях, когда этого требует закон или защита публичного интереса [1]. Публичный интерес определяется как совокупность общественных интересов, требующих правовой защиты и обеспечения на уровне государственного правового регулирования. Данная норма устанавливает, что прокурор не является обязательной стороной в каждом гражданском деле, а его участие обусловлено необходимостью защиты особо значимых социальных ценностей, прав несовершеннолетних и недееспособных лиц, а также интересов государства, которое в ряде случаев не способно самостоятельно осуществлять судебную защиту своих интересов.

В рамках гражданского судопроизводства прокурор обладает рядом процессуальных полномочий, включая подачу заявлений, предъявление исковых требований, участие в деле в качестве третьего лица или стороны, а также поддержание государственного обвинения по делам об административных правонарушениях, рассматриваемым в порядке гражданского судопроизводства [2, с. 105]. Однако, данные полномочия ограничены предметом спора. Прокурор не вправе вмешиваться в частноправовые споры, если они не затрагивают публичные интересы или интересы лиц, находящихся под особой защитой законодательства.

Процессуальные полномочия прокурора охватывают широкий спектр действий, включая право на представление доказательств, подачу ходатайств о дополнении доказательственной базы, предъявление требований о применении обеспечительных мер, а также участие в рассмотрении дел в суде первой и апелляционной инстанций. Прокурор имеет право на ознакомление с материалами дела на равных основаниях с другими участниками процесса, что обусловлено нормами о равенстве процессуальных прав всех сторон. Важно отметить, что прокурор не обладает правом на голосование при вынесении судебного решения, что является характерной особенностью его процессуального статуса. Роль прокурора заключается в осуществлении правового сопровождения процесса, а не в формальном участии в принятии диспозитивных решений [4, с. 23].

Ключевым аспектом правового статуса прокурора является его обязанность обеспечивать соблюдение законности в рамках судебного процесса (реагирование на процессуальные нарушения, злоупотребление процессуальными правами и действия, препятствующие осуществлению правосудия). Данная обязанность является

императивной нормой, направленной на обеспечение справедливого судопроизводства, беспристрастности судей и соблюдения процессуальных прав участников.

Прокурор выполняет функцию защиты наименее защищенных участников процесса: интересы несовершеннолетних, недееспособных, отсутствующих граждан, а также представителей неконкурентоспособных социальных групп. В таких делах законодатель вводит преференциальный порядок участия прокурора: вмешательство и поддержка исковых требований осуществляется с целью недопущения ущемления прав, обусловленного неспособностью стороны полноценно представлять свои интересы [5, с. 209]. Таким образом, прокурор не только обеспечивает соблюдение объективных норм права, но и способствует равенству сторон в процессе, минимизируя риски неравноценности возможностей сторон в юридическом споре.

Прокурорский надзор в сфере защиты государственной собственности является важным элементом правовой системы. В ситуациях, когда имущественные интересы государства или его права находятся под угрозой или нарушаются, прокурор вправе инициировать судебные процессы, подавать иски или поддерживать действия, направленные на восстановление нарушенных прав. Данная практика особенно актуальна в делах о возмещении ущерба, причиненного государственному имуществу, где прокурорская инициатива играет ключевую роль в формировании судебного решения о компенсации утрат.

Прокурор наделен полномочиями представлять доказательства, заявлять ходатайства, обжаловать неправомерные судебные акты, участвовать в рассмотрении дел в апелляционных и кассационных инстанциях, а также давать заключения по существу дела. При этом его деятельность не носит характера стороны в споре, а направлена на формирование позиции, основанной на требованиях законодательства [3, с. 115]. Суд не обязан руководствоваться данной позицией, однако судебная практика свидетельствует о том, что мнение прокурора имеет особое значение в делах, касающихся социальных аспектов, а также в случаях, когда существует риск нарушения прав граждан. Таким образом, прокурор в гражданском процессе является важным гарантом соблюдения публичных интересов и единообразного применения закона.

Прокурор в гражданском процессе реализует специфическую публично-правовую функцию, направленную на обеспечение законности и защиту интересов, которые физические и юридические лица не всегда способны защитить самостоятельно. Присутствие прокурора способствует усилению контроля за соблюдением прав граждан, содействует объективности судебного разбирательства и укрепляет принцип законности, являющийся фундаментальной основой гражданского судопроизводства.

Литература:

1. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Российская газета. 2002. 20 ноября.

2. Ергашев Е. Р., Поджаров Д. А. О некоторых проблемах участия прокурора в гражданском процессе // Российское право: образование, практика, наука. — 2020. — № 1. — С. 103–113.
3. Осипова О. Я. Некоторые проблемы участия прокурора в гражданском судопроизводстве // Молодой ученый. — 2025. — № 13 (564). — С. 114–116.
4. Соколова М. А. Участие прокурора в арбитражном процессе: особенности правового статуса / М. А. Соколова // Арбитражный и гражданский процесс. — 2022. — № 4. — С. 22–27.
5. Фадеев А. В., Прокудина Н. О. Участие прокурора в гражданском процессе: актуальные проблемы // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2019. — № 1–2. — С. 208–210.

Особенности квалификации неоконченного преступления

Васильев Андрей Сергеевич, студент;

Емельянова Анна Андреевна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Статья посвящена проблемам квалификации неоконченных преступлений, включая разграничение приготовления и покушения, вменение квалифицирующих признаков и фактическую ошибку в причинной связи. На основе позиций Верховного Суда РФ анализируются правила применения ст. 30 УК РФ к различным составам преступления. Акцентируется значение точной квалификации для дифференциации ответственности.

Ключевые слова: неоконченное преступление, квалификация преступлений, покушение на преступление, фактическая ошибка, направленность умысла, судебная практика.

В постановлениях Пленума ВС РФ подробно рассмотрены особенности квалификации неоконченных преступлений. Эти нюансы имеют существенное значение в ходе расследования, поскольку от них зависит корректная юридическая оценка содеянного и точное установление этапа, на котором преступление было прекращено. Чтобы должным образом отразить этап прерывания преступного деяния, недостаточно ограничиться общей ссылкой на ст. 30 УК РФ, необходимо указать конкретную часть данной статьи, как того требует ч. 3 ст. 29 УК РФ. Эта деталь приобрела особую значимость современных норм уголовного законодательства, которое ограничивает ответственность за подготовку к преступлению и существенно уменьшает наказание за нее по сравнению с покушением.

В практике квалификации неоконченных преступлений с простым составом обычно не возникает существенных затруднений. Если у лица был явный умысел на совершение определенного преступления, то ответственность наступает за те действия, которые были фактически осуществлены. В случае преступлений с формальным составом учитываются действия, которые охватываются намерением виновного, а в случае материальных составов — те последствия, нанесение которых входило в планы преступника. Однако, когда речь идет о неоконченных преступлениях с отягчающими обстоятельствами, возникают сложности, связанные с субъективной стороной деяния. Одна из проблем заключается в том, чтобы обосновать вменение квалифицирующих признаков, связанных с объектом посягательства. Решением этой проблемы должна стать квалификация неоконченного преступления в соответствии с умыслом виновного. Если лицо осознавало

наличие квалифицирующего обстоятельства, предусмотренного законом, то оно должно нести ответственность за покушение или приготовление к преступлению с учетом этих отягчающих факторов. Если же отягчающее обстоятельство не входило в планы преступника, его действия следует квалифицировать без данного признака [1]. Определить направленность умысла виновного порой бывает непросто, и это может привести к неправильной квалификации преступления, и как следствие, к некорректному назначению наказания.

В уголовном праве существуют два основных подхода к квалификации действий лица в ситуации фактической ошибки: совершенное деяние рассматривается как стадия покушения на преступление; деяние образует покушение, которое охватывается умыслом виновного, и одновременно неосторожное преступление. Ученые, исследующие вопросы квалификации преступлений при фактической ошибке в развитии причинной связи, отмечают, что в подобных ситуациях уголовная ответственность наступает за совокупность преступлений — покушение и неосторожное преступление. В. Н. Винокуров отмечает: если виновный предвидит возможность наступления нескольких однородных последствий, то его действия образуют совокупность умышленных преступлений, одно из которых считается неоконченным из-за неполной реализации преступного замысла. Например, если преступник целится в одного человека, но из-за того, что тот пригнулся, убивает стоящего за ним, то это квалифицируется как покушение на убийство с косвенным умыслом, поскольку виновный осознавал риск нанесения вреда третьим лицам при стрельбе в общественном месте [2].

Квалифицирующие признаки, связанные с объективной стороной преступления, также должны учитываться в соответствии с умыслом виновного. В материальных составах преступление считается завершенным с момента наступления общественно опасных последствий, предусмотренных законом. Если такие последствия не наступили, то речь идет о предварительной преступной деятельности. В случае формального состава преступления момент его окончания определяется совершением действий, указанных в диспозиции статьи Особенной части УК РФ, и не зависит от наступления последствий. Когда действия, составляющие объективную сторону преступления, реализованы лишь частично содеянное квалифицируется как покушение.

При установлении стадии преступления в формальном составе необходимо учитывать, что момент окончания преступления связан с совершением действий, описываемых в диспозиции статьи Особенной части, и не зависит от наступления вредных последствий.

В то же время определение момента завершения такого преступления, как незаконный сбыт наркотических средств или психотропных веществ, сопряжено с определенными сложностями. В теории уголовного права существует точка зрения, согласно которой данный вид преступления следует рассматривать не как формальный, а как усеченный состав. Это обусловлено тем, что на стадии покушения деяние уже считается завершенным [3]. Проанализировав практику ВС РФ, можно увидеть, что в случаях, когда информация о месте закладок наркотиков не была передана потенциальным покупателям из-за независящих от преступника причин, речь идет о неоконченном преступ-

лении. В качестве примера можно привести решение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ, которая пере-квалифицировала действия лиц с п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ на ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, признав их деяние покушением на незаконный сбыт наркотических средств [4].

Сформулируем ключевые правила квалификации неоконченного преступления. При квалификации такого деяния правоприменительный орган обязан указать, на какой стадии предварительной преступной деятельности преступление было прервано. При этом в формуле квалификации необходимо сослаться на ч. 1 или 3 ст. 30 УК РФ. В преступлениях с материальным составом возможно наличие двух стадий неоконченного преступления, однако если отсутствие вредных последствий, предусмотренных законом, влечет лишь административную или дисциплинарную ответственность (ст. 171, 285 УК РФ), ситуация меняется. В преступлениях с формальным составом приготовление возможно практически всегда, за исключением случаев преступного бездействия (ст. 125 УК РФ). Покушение же возможно, когда преступление предполагает совершение ряда последовательных действий (ст. 131, 228.1 УК РФ).

Таким образом, правильная квалификация неоконченного преступления и точное определение стадии совершения умышленного деяния имеют большое юридическое значение. Это позволяет дифференцировать преступления действия с учетом их общественной опасности, степени реализации преступного умысла и объема совершенных действий. В результате лицо, совершившее преступление, получает справедливое наказание и иные меры уголовно-правового воздействия.

Литература:

1. Рарог А. И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений. — М.: Проспект, 2008. С. 162.
2. Винокуров В. Н. Значение понимания непосредственного объекта преступления против жизни для квалификации при ошибке в развитии причинной связи и при отклонении действия. // Законность, 2022. № 4. С. 39.
3. Рожнов В. А. Понятие и момент окончания незаконного сбыта наркотических средств и психотропных веществ. // Проблемы науки, 2018. № 12 (36). С. 72–75.
4. Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации № 164-П06 по делу Нефедова. // Верховный суд Российской Федерации. // [Электронный ресурс] // URL: <https://base.garant.ru/1779810/> (дата обращения: 23.06.2026).

Проблемы правового регулирования кибербезопасности в условиях цифровизации: российский и зарубежный опыт

Власов Павел Витальевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Левченко Татьяна Викторовна, доцент

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Саратов)

В статье проведён всесторонний анализ правового регулирования кибербезопасности в условиях цифровизации с акцентом на российский и зарубежный опыт. Определено понятие права на кибербезопасность как составной части права на безопасность личности в информационной сфере, соотносимого с фундаментальными правами человека. Рассмо-

тренны ключевые нормативно-правовые акты Российской Федерации в этой сфере. Проанализирована судебная-административная практика, проведён сравнительный анализ с иностранными государствами.

Ключевые слова: кибербезопасность, цифровые права, защита данных, информационная безопасность, право на безопасность, персональные данные.

С переходом к цифровому обществу информационные технологии проникают во все сферы жизни, что создаёт новые риски для прав и свобод человека. В частности, вопрос права на кибербезопасность становится актуальным: обществу и государству важно гарантировать гражданам безопасность их данных и коммуникаций в киберпространстве. Право на кибербезопасность логически вытекает из общего права на безопасность личности и неприкосновенность частной жизни. Так, согласно международным стандартам, каждый человек имеет право «на жизнь, свободу и личную неприкосновенность» (ст.3 Всеобщей декларации прав человека) [16], а Хартия ЕС прямо гарантирует «право на уважение частной жизни» и «право на защиту относящихся к нему данных личного характера» [18]. В юридической литературе право на кибербезопасность рассматривается как часть права на безопасность в информационной сфере, включающее право на защиту персональных данных и иной личной информации и право на кибербезопасность. Оно еще не закреплено явно в конституциях или международных договорах, но проистекает из существующих прав и обязывает государство создавать правовую инфраструктуру для противодействия киберугрозам.

В российской правовой системе понятие «кибербезопасность» скорее определяется через информационную безопасность государства и общества (указ Президента России № 646 от 2016 г. «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» [10]). Однако в контексте правового статуса личности становится важным рассматривать кибербезопасность как условие реализации других прав: неприкосновенности частной жизни (ст.23 Конституции РФ), свободы мысли и слова (ст.29 Конституции). Значительное внимание уделяется защите персональных данных — универсального блага цифровой эпохи. В настоящем исследовании дается определение «права на кибербезопасность» и анализируется, какие нормы регулируют его содержание, а также как защищается это право на практике в России и за рубежом.

В работе применены методы юридического анализа и сравнения нормативных актов, изучена судебная и административная практика, использованы статистические данные Роскомнадзора и отчетов отраслевых агентств. Основные источники включают тексты федеральных законов, указы Президента и Правительства, решения судов, официальные доклады органов власти.

Понятие «право на кибербезопасность» в науке права обычно трактуется как составная часть более общего права личности на безопасность в информационной сфере. Это комплексное право включает защиту персональных данных, защиту от информационно-деструктив-

ного воздействия и собственно безопасность в киберпространстве. Формально «право на кибербезопасность» не выделено в конституциях или международных договорах, однако оно вытекает из фундаментальных прав. Так, Институт ООН по правам человека подчеркивает, что «право на жизнь, свободу и личную неприкосновенность» (ст.3 Всеобщей декларации ООН) служит основанием для правовых гарантий безопасности человека в целом [16]. В европейском контексте защита частной жизни и данных является основным правом: Хартия ЕС гарантирует право на неприкосновенность личной и семейной жизни и право на защиту относящихся к нему данных личного характера [18]. Таким образом, право на кибербезопасность следует понимать как право каждого гражданина не подвергаться незаконному сбору, утечке или воздействию на его цифровые данные и коммуникации, а государству — обеспечивать необходимые меры защиты в киберпространстве. Оно находится на стыке классических прав человека: неприкосновенности частной жизни, свободы слова и безопасности личности. Задача законодательства — конкретизировать и обеспечить это право в условиях технологий (шифрование, биометрия, ИИ и т. д.) и противостояния киберугрозам.

Правовое регулирование кибербезопасности в России представлено комплексом нормативных правовых актов:

1) Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» — основной акт о защите личной информации. Он вводит понятия оператора и обработчика персональных данных, устанавливает требования к их деятельности. Так, ст.1.1 ФЗ-152 распространяет нормы закона на иностранные организации при обработке персональных данных граждан РФ [5]. Статья 21 ФЗ-152 определяет обязанности оператора при инцидентах: он обязан уведомить Роскомнадзор о несанкционированном доступе к персональным данным в течение 24 часов (п.3.1 ст.21) [5]. Законом предусматриваются штрафы (КоАП) за нарушение режима обработки персональных данных, а с конца 2024 г. — и уголовная ответственность за незаконное использование/передачу персональных данных (ст.272.1 УК РФ) [8].

2) Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» — рамочный закон об информационном пространстве. Он провозглашает свободу информации и одновременно определяет уровни защиты информации [6]. ФЗ-149 закрепляет общие принципы (гласность, безопасность, ответственность). Конкретные нормы защиты информации (государственной, банковской и пр.) детализируются в подзаконных актах и отраслях (например, закон «О связи», «О государственной тайне»). Прямого

указания на «кибербезопасность» в 149-ФЗ нет, но он формулирует ответственность за распространение вредоносной информации, участие в несанкционированных подключениях и прочее (например, запрещает взлом информационных систем).

3) Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» — устанавливает правовой режим и ответственность для субъектов КИИ. В законе даётся определение «компьютерной атаки» и «безопасности КИИ» [7]. При этом ст.3 ФЗ-187 обязывает владельцев объектов КИИ (классифицированных по степени значимости) применять меры защиты информации, проводить аудит безопасности и сообщать о киберинцидентах. КИИ-предприятиям предписано обеспечить устойчивость систем при компьютерных атаках [7]. Контроль за исполнением возложен на ФСТЭК и ФСБ. Таким образом, ФЗ-187 вводит специальные требования к «инфраструктурным» сектору (энергетика, связь, транспорт и др.).

4) Уголовный кодекс РФ — норма ст.272.1 УК (введена 30.11.2024) устанавливает наказание за незаконное использование, передачу и сбор компьютерной информации с ПД. Закон № 421-ФЗ 2024 г. ввёл ст.272.1 (применяется с 11.12.2024): она предусматривает до 4 лет лишения свободы за правонарушения с данными (до 10 лет — при особо тяжких последствиях) [8]. Ранее УК содержал статьи 272–274, касающиеся взлома, создания вредоносных программ и нарушения работы компьютеров. Дополнительно уголовно наказуемо хищение (кража) персональных данных — согласно УК введены составы «кражи ПД» (до 4 лет, до 5 лет при отношении к несовершеннолетним). Таким образом, в УК наряду с «традиционными» статьями есть и специальные нормы, предусмотренные под цифровые угрозы.

5) Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, в том числе, поправки ст.13.11 КоАП, которые ввели части 12–15 для крупных утечек. Размеры штрафов теперь дифференцированы по числу субъектов и характеру данных (до 15 млн руб. за массовые утечки особо чувствительной информации) [3]. На практике первые дела по этим частям уже рассматриваются судами. Кроме того, п.3.1 ст.21 ФЗ-152 прямо привязывает несвоевременное уведомление об утечке к КоАП (штрафы до 3 млн для юрлиц) [5].

6) Президентские Указы и правительственные программы формируют общую политику: так, Указ Президента РФ № 646 (2016) утвердил Доктрину информационной безопасности, где кибербезопасность названа стратегической задачей (развитие собственных ИТ, защита критической инфраструктуры, просвещение населения) [10]. Указ № 683 (2015) о Стратегии национальной безопасности РФ включает аспекты информационной безопасности [11]. Кроме того, приняты ведомственные стратегии (Минцифры, МВД, ФСБ) по защите ИТ-систем и противодействию киберпреступности. В то же время, понятия и требования распределены между раз-

ными законами, есть перекрытия и пробелы: например, нет единого закона «О кибербезопасности», и вопросы защиты данных решаются в рамках смежных правовых институтов.

На практике ответственность за нарушение норм кибербезопасности реализуется через административную и судебную практику. Ведущую роль здесь играет Роскомнадзор (Контроль за обработкой ПД) и суды общей юрисдикции (арбитраж и мировые суды).

По данным Роскомнадзора, в 2024 году зафиксировано 135 случаев крупных утечек данных (свыше 710 млн записей) [26]. Тем не менее число уведомлений операторами снизилось: в 2024 г. РКН получило 200 сообщений об утечках, тогда как в 2023–380 [29]. По результатам 2025 года (после вступления в силу новых норм) количество протоколов РКН (за утечки ПД) за период май–дек.2025 составило 31, что почти не отличается от 33 протоколов за аналогичный период 2024 [29]. Это указывает на то, что рынок пока адаптируется, а нарушения выявляются активно (РКН штрафует по-прежнему относительно мало).

Рассматривая практические случаи недавних инцидентов, связанных с вопросом кибербезопасности, можно отметить случай, произошедший с ООО «Инвестиционные проекты» (ПКР Аналитика) в марте 2026 года. Хакеры получили доступ к платформе «Инвестиционные проекты» (3000 инвесторов) и в публичный доступ выложили ПД 70 тыс. человек (ФИО, e-mail, телефоны). Роскомнадзор квалифицировал нарушение по ч.13 ст.13.11 КоАП (неправомерная передача ПД 10–100 тыс. субъектов) [28]. Арбитражный суд Санкт-Петербурга признал это нарушение, однако, учитывая впервые и малый масштаб по новым правилам, отменил штраф и ограничился предупреждением [13]. Суд указал, что компания заплатит штрафы только при повторном нарушении.

В 2026 г. арбитраж Петербурга рассмотрел дело ООО «Юкидс» — издателя детского журнала: из-за взлома утекли ПД 300 тыс. клиентов. По части 13 ст.13.11 КоАП РФ (утечка свыше 100 тыс. ПД) предусматривался штраф 10–15 млн руб., но суд, ссылаясь на то, что компания — микробизнес, ограничился штрафом лишь 0,4 млн руб. (минимальный) и смягчил санкции. Как отмечает практика, суды часто снижают штрафы «ниже нижнего предела» или заменяют их предупреждением, по примеру подобного дела (оценка последствий, статус компании, факт первого нарушения и другие смягчающие факторы) [14].

В июле 2025 г. произошёл взлом информационных систем двух компаний «Гаскар Интеграция» и «Гаскар Технологии» (обе — подразделения АО «ГК «Аметист»). Злоумышленники получили доступ к личным данным работников и кандидатов (анкеты с ФИО, должностями, контактами). РКН привлёк обе компании к ответственности. Поскольку число затронутых лиц было небольшим, нарушение квалифицировали как ч.1 ст.13.11 КоАП РФ (утечка ПД незначительного масштаба) [25]. По решению суда первой компании дали предупреждение, второй — минимальный штраф 75 тыс. руб. [25].

Министерство труда РФ, январь 2026 (решение ВС РФ). Хотя формально не дело о штрафах, Верховный Суд РФ разъяснил, что оператор ПД отвечает за безопасность данных независимо от вины хакеров. Минтруд пытался переложить ответственность на подрядчика, но ВС подтвердил: «оператор ПД несёт полную ответственность за их защиту» [12]. Это существенно упрощает правоприменение по утечкам — не нужно доказывать «виновность» компании, достаточно факта нарушения требований защиты.

В 2025–2026 гг. фигурировали также аварийные инциденты, рассмотренные мировыми судами (по поправкам КоАП дела должны рассматриваться арбитражами, но на практике некоторые уже дошли до мировых). Так, в 2024 г.

РКН привлекал «Спортмастер» за утечку клиентских ПД (штраф был назначен по ФЗ-152), в 2023–2024 к ответственности привлекались «Почта России», «Ростелеком» (частные утечки, штрафы), «РЖД» [25]. Практика показывает: суды при оценке санкции обращают внимание на надлежащее (или ненадлежащее) исполнение оператором мер защиты (сертификаты, аудит ФСТЭК, внутренние регламенты). При смягчении наказания учитывают первый характер нарушения, небольшую численность утечки, признание вины и уведомление РКН, статус малого бизнеса. Тем не менее наличие административного дела влечёт обязательную ответственность по ст.13.11 независимо от виновности хакеров [25].

Таблица 1. Примеры крупных случаев (последние 3 года) с кратким описанием обстоятельств, квалификацией и последствиями

Год	Описание инцидента	Квалификация (закон)	Результат (штраф/наказание)
2026	Платформа «Инвестиционные проекты» — утечка 70 тыс. ПД (ФИО, Email, телефоны) после хакерской атаки.	ч.13 ст.13.11 КоАП РФ (10–100 тыс.) и ст.6(1),7 ФЗ-152.	Штраф отменён (предупреждение; прим. 4.1.1 КоАП).
2026	Издатель «Юкидс» — утечка 300 тыс. ПД (связанные с детскими журналами).	ч.13 ст.13.11 КоАП (свыше 100 тыс.).	Штраф 0,4 млн руб. (минимальный; компания — МП, смягчение).
2025	«Гаскар Интеграция» и «Гаскар Технологии» — утечка персональных данных анкет работников (несколько сотен лиц).	ч.1 ст.13.11 КоАП (до 10 тыс.).	Первой компании — предупреждение, второй — штраф 75 тыс. руб.
2026	Минтруд РФ — передача ПД по контракту подрядчику, после чего произошла утечка.	УК РФ ст.272.1 (новый состав о ПД) и ФЗ-152.	ВС РФ: Минтруд несёт ответственность как оператор ПД.
2023	ОАО «РЖД» — хакерская утечка 17 млн строк служебных ПД (данные сотрудников) до изменений в КоАП.	ч.1 ст.13.11 КоАП РФ (до 10 тыс.).	Инстанция 1: штраф 150 тыс. (первое нарушение); апелляция: штраф отменён (вину не доказали).

Рассматривая международную практику правового регулирования вопроса кибербезопасности, приведем в качестве примера опыт Евросоюза в этом вопросе. ЕС избрал комплексный подход к защите персональных данных и кибербезопасности как части прав человека. В 2018 г. вступил в силу Регламент GDPR (2016/679), который признаёт защиту ПД как фундаментальное право, возлагает на контролеров обязанность защищать данные и предусматривает жёсткие санкции (до 4 % годового оборота компании или €20 млн) [15]. Кроме того, в январе 2023 г. начала действовать директива NIS2 (Directive (EU) 2022/2555) — Еврокомиссия подчёркивает, что NIS2 «направлена на повышение кибербезопасности по всему ЕС, требуя от операторов существенных и значимых организаций внедрять меры по управлению рисками» [17]. NIS2 обязывает компании из критических секторов (энергетика, финансы, здравоохранение и пр.) и важные цифровые сервисы (интернет-магазины, облачные провайдеры, интернет-платформы) выполнять строгие требования по безопасности сетей, а также оперативно сообщать о киберинцидентах на национальный уровень и координироваться на общеевропейском уровне [17]. При этом государства-члены внедряют и собственные

меры: например, в Германии принят IT-Sicherheitsgesetz 2.0 (2021–2023) — национальный закон о безопасности ИТ, заставляющий компании в критической инфраструктуре устанавливать сертифицированные системы защиты и сообщать о кибер-атаках. Германия сочетает директивно-правовые нормы ЕС (в т. ч. реализует GDPR и NIS), а также собственные законы. В дополнение к упомянутому IT-Sicherheitsgesetz 2.0 (инициативы BSI — Федерального ведомства информационной безопасности), в Германии действует Федеральный закон о защите данных (Bundesdatenschutzgesetz, BDSG), который дополняет GDPR национальными мерами. Немецкий подход подчёркивает ответственность организаций за надлежащие средства защиты (например, сертифицированные технологии ИБ), а уполномоченные органы (ANSSI, BfDI) активно контролируют исполнение.

Что касается правового регулирования данного вопроса в Соединенных Штатах Америки, необходимо отметить, что в государстве нет единого комплексного закона о кибербезопасности; регулирование преимущественно секторальное и субъектное. На федеральном уровне действует Федеральный закон об информационной безопасности (FISMA, 2002/2014), касающийся прежде всего

защиты госучреждений [19]. Для частного сектора существуют лишь рамочные рекомендации (например, NIST Cybersecurity Framework). Некоторые отрасли регулируются специальными актами (HIPAA — здравоохранение, GLBA — финансы). На уровне штатов наиболее известен Калифорнийский закон о защите данных (ССРА, 2020) [21], который вводит права граждан на удаление/запрет продажи их данных и штрафы (до \$7,500 за умышленное нарушение). В Нью-Йорке действует SHIELD Act, регулирующий обработку данных. Важно отметить, что в США превалирует ответственность бизнеса: Федеральная торговая комиссия (FTC) активно штрафует за нарушения конфиденциальности (пример: крупный штраф Equifax за утечку) и рассматривает это как «недобросовестную практику» с точки зрения защиты потребителей. Кибербезопасность рассматривается также на уровне стандартов (NIST, ISO, киберфреймворков) и обязательных требований в финансовом секторе.

В то же время подход Китайской Народной Республики к кибербезопасности наиболее централизованный. С 2017 г. действует Закон о кибербезопасности (Cybersecurity Law), требующий, в частности, локализовать критические данные внутри страны и получать разрешения на трансграничную передачу личных данных [22]. В 2021 г. Китай принял Закон о личной информации (PIPL) — аналог GDPR, вводящий строжайшие правила обработки ПД и штрафы (до 50 млн юаней или 5 % годового оборота компании) [23]. В отличие от Запада, китайское законодательство подчёркивает приоритет национальной безопасности и контроля государства. Законы

расширенно определяют информационную безопасность как компонент государственной безопасности, при этом должностные лица облагаются личной ответственностью за нарушения.

Таким образом, проведя анализ правового регулирования вопросов кибербезопасности в Российской Федерации и иностранных государствах, можно сформулировать следующие выводы:

1) В правовой системе Российской Федерации нет единого закона «О кибербезопасности» или «о защите цифрового пространства». Отсутствуют чёткие «клиентские» гарантии безопасности для граждан (например, право на «безопасное подключение» к Интернету).

2) Новые административные штрафы за утечки очень высоки (до 15 млн. рублей), но практика их применения показывает послабления: суды часто заменяют штрафы на предупреждения.

3) Надзорному органу, уполномоченному реагировать на кибер-угрозы, не хватает полномочий или ресурсов. Множество норм содержатся в подзаконных актах (приказы ФСТЭК, ФСБ), что затрудняет их соблюдение и публичный контроль. Отсутствует обязательная сертификация ИБ-решений или аудит кибербезопасности для всех организаций.

4) Существуют пробелы в уголовной ответственности. Только в конце 2024 года были введены составы УК по ПД (272.1), но прочие киберпреступления (фишинг, DDoS, криптозаманивание и пр.) не всегда корректно квалифицируются. Отсутствуют эффективные механизмы борьбы с трансграничными киберугрозами и защитой крити-

Таблица 2. Основные нормативные акты и подходы в РФ и упомянутых юрисдикциях

Юрисдикция	Ключевое нормативное требование	Ответственность/санкции
Россия	ФЗ-152 (ПД): защита ПД, уведомление РКН (ст.21); КоАП 13.11 (утечки ПД): штрафы до 15 млн; УК 272.1 (2024): до 10 лет за незаконное использование ПД; ФЗ-187 (КИИ): обязанность защищать ИС критической инфраструктуры.	Адм. штрафы: от сотен тыс. до оборотных (в зависимости от масштаба); Уголовная ответственность (штрафы до 1 млн, лишение свободы до 6–10 лет) за крупные киберпреступления (ст.272–274, 272.1 УК РФ).
ЕС (GDPR/NIS2)	GDPR (2016): согласие на ПД, право «быть забытым», уведомление атак; NIS2 (2022): обязует CI-провайдеров усиливать защиту и сообщать об инцидентах.	GDPR: штрафы до 4 % годового оборота или €20 млн за утечку ПД; NIS2: национальные санкции (до нескольких % оборота) за несообщение о кибератаках; Ответственность руководителей компаний и надзор национальных агентств.
США	Нет единого закона. FISMA (2002) — для госорганов; NIST Cybersecurity Framework — рекомендации; CISA (2015) — обмен информацией; штатные законы (например, Калифорнийский ССРА, Нью-Йорк SHIELD) о конфиденциальности данных.	Отраслевые штрафы (FTC — до \$50 тыс. на лиц, \$1,5 млн на корпорацию за нарушения конфиденциальности в отдельных сферах); штрафы по ССРА — до \$7,500 за умышленное нарушение; нет «универсальных» уголовных киберпреступлений на федеральном уровне (исключая отдельные акты, например, Computer Fraud and Abuse Act).
Китай	Закон о кибербезопасности (2016): сертификация оборудования, мониторинг; PIPL (2021): защита ПД, согласие на сбор, ограничения на трансграничную передачу.	Штрафы за несоблюдение киберзаконов до 5–50 млн юаней (или 1–5 % оборота); Уголовная ответственность за масштабные киберпреступления; Административная ответственность должностных лиц.

чески важной инфраструктуры от новых видов атак (IoT, блокчейн, ИИ).

5) Правоприменение в области ИИ, облаков, интернета вещей по-прежнему носит реактивный характер. Например, нет отдельных норм об ИИ-безопасности, а технологии облачного хранения ПД практически свободно развиваются без особого контроля, что создаёт новые уязвимости.

На основе выявленных проблем и зарубежной практики можно предложить следующие конкретные меры:

1. Установить прямое конституционное (или законодательно фиксированное) право на безопасность информационной среды. Например, расширить ст.23 Конституции или ввести отдельную норму о праве на информационную безопасность. Это придаст силовой характер защите данных.

2. Обязать бизнес и госорганизации применять стандарты информационной безопасности. Законодательно ввести требование об обязательной сертификации и регламентном контроле ИБ-систем (с подключением к схожему подходу NIS2). Например, закрепить, что оператор КИИ должен использовать только сертифицированные ФСТЭК/ФСБ средства защиты (аналог BSI в Германии).

3. Усилить органы надзора и межведомственное взаимодействие. Примером может быть создание национального Центра по кибербезопасности (как NCSC в Великобритании или ENISA в ЕС) с полномочиями как проводить аудит, так и помогать реагировать на инциденты. В России эту роль частично выполняют ФСТЭК и ФСБ, но необходима координация — можно учесть опыт Германии (BSI) или Франции (ANSSI). Разработать сквозную процедуру обмена информацией о кибер-инцидентах между ведомствами и бизнесом (как это делает Cybersecurity Information Sharing Act в США).

4. Уточнить составы преступлений с учётом новых технологий. Дополнить УК РФ новыми составами, регулирующими кражу цифровых активов, DDoS-атаки, вымогательство криптовалютой и др. Например, установить конкретную норму за кибермошенничество с криптовалютой. Подобный подход есть в ряде стран (например, в Китае строго преследуются кибермошенники, в США — отдельные статьи о распространении зловредного ПО и др.).

5. Сбалансировать санкции за утечки. Снизить порог и дифференциацию санкций таким образом, чтобы наказание не зависело исключительно от количества жертв (что позволяет компаниям сознательно разделять базы данных). Ввести кумулятивную ответственность за повторные утечки или неуведомление РКН. Или, напротив, усилить «корпоративный иммунитет»: если компания

фактически заплатила компенсацию пострадавшим и доказала меры безопасности, смягчать санкции.

6. Улучшить механизмы защиты прав пострадавших. Законодательно обеспечить гражданам возможность и порядок иска компенсаций за утечку данных (например, в порядке защиты прав потребителей или через объединительные иски, как в США). На уровне НПА — ввести чёткий регламент рассылки предупреждений об утечке пострадавшим (аналогичное требование есть в GDPR: уведомить прямо каждого субъекта).

7. Разработать регулирование технологий ИИ, облаков и IoT. Ввести специальные стандарты безопасности для систем, использующих ИИ (например, сертификация алгоритмов на устойчивость к атакам) и для устройств IoT (требование обновляемого ПО, отсутствие «серийных паролей»). Кроме того, регламентировать хранение данных в облаках (запретить ключевую информацию вне РФ без разрешения, развивать технологии отечественных «облаков»).

8. Создать механизм подготовки и сертификации специалистов по кибербезопасности в госструктурах и бизнесе. Усилить финансирование исследований в области ИБ (как в китайской Национальной программе). Ввести критерии оценки эффективности органов ИБ (количество предотвращённых инцидентов, качество отчетности) и публиковать ежегодные доклады.

Таким образом, законодательство должно быстро реагировать на технологические изменения: вводить новые требования и понятия по мере появления угроз (например, обозначить «социально значимые ИИ»).

Право на кибербезопасность, будучи новой гранью обеспечения безопасности личности, требует системного подхода. Российское законодательство уже содержит элементы этого права (через правила защиты ПД, ответственности за киберпреступления и стратегические документы), однако на практике возникают значительные пробелы. Большие штрафы за утечки пока смягчаются судами, а технологические вызовы (ИИ, IoT, облака) создают новые проблемы. Сравнительный анализ показал, что зарубежные системы чаще опираются на единые рамки (ЕС) и проактивный надзор (США, Китай). Предложенные рекомендации призваны устранить выявленные недостатки. Важно, чтобы законодательная модернизация сопровождалась ростом цифровой грамотности общества и бизнеса, а также прозрачностью правоприменения. Только так можно обеспечить реальную безопасность граждан в цифровую эру, соблюдая баланс между инновациями и защитой прав человека.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63ФЗ: ред. от 23.03.2026 г.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ (ред. от 23 марта 2026 года)

4. Федеральный закон от 07.02.2011 г. № 3ФЗ «О полиции» (ред. от 28.12.2025 г.)
5. Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 152ФЗ «О персональных данных» (ред. от 24.06.2025 г.)
6. Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 29 декабря 2025 г.)
7. Федеральный закон от 26.07.2017 г. № 187ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» (ред. от 7 апреля 2025 г.)
8. Федеральный закон от 30.11.2024 г. № 421ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»
9. Федеральный закон от 26.07.2017 г. № 187ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» (ред. от 07.04.2025 г.)
10. Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации»
11. Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»
12. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 21.01.2026 г. № 5-АД25-119-К2
13. Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 10 марта 2026 г. по делу № А56-4733/2026
14. Решение Арбитражного суда г.Москвы от 5 марта 2026 г. по делу N А40-351064/2025
15. Регламент (ЕС) 2016/679 Европейского парламента и Совета от 27.04.2016 г. «О защите физических лиц в отношении обработки персональных данных и о свободном перемещении таких данных» (GDPR)
16. Всеобщая декларация прав человека // Организация Объединённых Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 07.04.2026)
17. Директива (ЕС) 2022/2555 Европейского парламента и Совета о мерах по обеспечению высокого уровня кибербезопасности в Союзе (NIS2) от 14 декабря 2022 г.
18. Хартия Европейского Союза об основных правах: принята в г. Ницце 07.12.2000 г.
19. Federal Information Security Modernization Act of 2002 (FISMA)
20. Cybersecurity Information Sharing Act (CISA) of 2015
21. California Consumer Privacy Act (CCPA) of 2020
22. Закон Китайской Народной Республики «О кибербезопасности» (принят 7 ноября 2016 г.)
23. Закон Китайской Народной Республики о защите личной информации (PIPL) (принят 20 августа 2021 г.)
24. General Comment № 35 «Liberty and security of person»: adopted by the Human Rights Committee, принят 16 декабря 2014 г. (п. 4)
25. Утеkanie и наказание. Как компании штрафуют за утечку персональных данных / Коммерсантъ. — 2026. — 5 апреля. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8569285> (дата обращения: 07.04.2026).
26. РКН выявил 135 утечек... / РБК. — 2024. — URL: <https://www.rbc.ru/life/news/67889c599a794776102ecd92> (дата обращения: 07.04.2026).
27. Первые штрафы за крупные утечки персональных данных: новые требования ст. 13.11 КоАП РФ / АКГ «Деловой профиль». — 2026. — URL: <https://delprof.ru/press-center/law-news/pervye-shtrafy-za-krupnye-utechki-personalnykh-dannykh-novye-trebovaniya-st-13-11-koap-rf/> (дата обращения: 07.04.2026).
28. Суд не стал штрафовать владельца платформы... / SecPost. — 2026. — Март. — URL: <https://secpost.ru/sud-ne-stal-shtrafovat-vladelca-platforny-investiczionnye-proekty-za-utechku-dannyh-70-tys-klientov?ysclid=mnrc0phak1573216857> (дата обращения: 07.04.2026).
29. Отчёты Роскомнадзора за 2023–2025 гг.: официальные сообщения о количестве инцидентов
30. Рекомендации по кибербезопасности: ENISA, принят Европейским парламентом и Советом ЕС 17 апреля 2019 г.

Кибербезопасность и защита данных в цифровом обществе

Власов Павел Витальевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Левченко Татьяна Викторовна, доцент

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Саратов)

Статья посвящена актуальной проблеме кибербезопасности и защиты персональных данных в условиях цифровизации общества. На основе статистических данных продемонстрирован системный характер утечек персональных данных в России. В работе проведён анализ действующего российского законодательства в сфере защиты информации,

выявлены ключевые проблемы правового регулирования. Предложены меры институционального и законодательного уровня.

Ключевые слова: кибербезопасность, защита персональных данных, утечки информации, правовое регулирование, ответственность операторов, сертифицированные средства защиты.

В эпоху стремительной цифровизации вопросы кибербезопасности и защиты персональных данных приобретают первостепенное значение. Расширение спектра цифровых сервисов, повсеместное внедрение информационных технологий и накопление огромных массивов данных создают не только новые возможности для развития общества и экономики, но и существенные риски — от утечек персональных данных до кибератак на критически важную инфраструктуру.

Утечки персональных данных приобретают в России системный характер. По данным Роскомнадзора, в 2024 году зарегистрировано 135 случаев массового распространения баз персональных данных, содержащих более 710 млн записей [9]. Количество официальных уведомлений об утечках снизилось (200 уведомлений в 2024 г. против 380 в 2023 г.) [12]. Аналитики отмечают большие объёмы информации: по оценкам, в 2024 г. в утечках было раскрыто около 397 млн строк личных данных (против 1,4 млрд в 2022 г.) [9]. Наиболее уязвимы оказались сектора ритейла, услуг, здравоохранения и образования.

Действующие нормы прямо устанавливают обязанности операторов персональных данных. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (ст.6,7) требует обеспечения безопасности данных, а ст.21 вводит обязанность уведомлять Роскомнадзор в случае утечки [3]. КоАП РФ (ст.13.11) теперь подразделяет правонарушения на несколько категорий по количеству утекших записей (части 12–15) с базовым диапазоном штрафов для компаний от 5 до 15 млн руб. [2]. Уголовный кодекс (ст.272.1 УК РФ) предусматривает наказание за несанкционированный сбор или передачу данных — вплоть до 4 лет лишения свободы [6]. Несмотря на ужесточение норм, практика показывает слабое правоприменение: первое решение по крупной утечке (70 тыс. записей в марте 2026 года) ограничилось предупреждением, хотя исходная квалификация предполагала штраф [11]. При этом в нормативных актах остаются пробелы: например, нет прямых норм о компенсации жертвам, а сами штрафы на практике оказываются чрезмерно малы и редко назначаются. Это указывает на необходимость доработки существующих мер.

Основные проблемы регулирования сферы кибербезопасности в российской правовой системе заключаются в следующем:

1) Невозмездность операторов. В Федеральном законе «О персональных данных» отсутствует обязанность компенсировать пострадавшим причинённый ущерб (материальный или моральный). Операторы мотивированы лишь административными штрафами, которые нередко оборачиваются для них формальным предупреждением [3].

2) Недостаточная судебная практика. Несмотря на крупные утечки, суды зачастую смягчают наказания (часто вместо штрафа выносят предупреждение) [10] [11]. Это снижает сдерживающий эффект закона.

3) Фрагментарность мер. Требование об уведомлении РКН и новые штрафы введены, но отсутствуют механизмы проверки соответствия заявленному уровню безопасности. Например, нет обязательного аудита или сертификации систем у операторов, а полномочия регулятора по контролю ограничены.

В связи с этим в рамках исследования предлагается внести в российское законодательство следующие конкретные изменения:

1) Поправка в Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»: дополнить статью 24 пунктом 3 следующего содержания:

«3. Оператор персональных данных в случае утечки обязан выплатить субъекту персональных данных компенсацию сверх возмещения вреда, причинённого вследствие нарушения требований настоящего Федерального закона. Размер компенсации, порядок определения факта утечки персональных данных, а также процедура выплаты компенсации устанавливается в зависимости от категории персональных данных Правительством Российской Федерации».

Обоснование: введение прямой нормы о компенсации позволит систематизировать порядок выплат по возмещению вреда пострадавшим и перевести выплаты в беззависительный характер.

2) Поправка в Уголовный кодекс Российской Федерации: предусмотреть установление уголовной ответственности за незаконное хранение или распространение персональных данных, полученных легальным путём, но обработанных с нарушением закона. Дополнить статью 272.1 УК РФ частью 7 следующего содержания:

«7. Незаконное хранение или распространение компьютерной информации, содержащей персональные данные, полученной законным путём, но обработанной с нарушением требований законодательства о персональных данных, если эти действия повлекли нарушение конституционных прав и свобод граждан, наказываются штрафом в размере от ста до трёхсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осуждённого за период до одного года с лишением права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью на срок до 3 лет».

Обоснование: ответственность за незаконное хранение или распространение персональных данных, полученных законным путём, но обработанных с нарушением

закона, устраняет пробел в текущем регулировании, где ответственность предусмотрена только для данных, изначально полученных незаконно.

3) Дополнение в статью 13 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»:

«8. Операторы государственных информационных систем и коммерческие организации обязаны регулярно проводить аудиты безопасности, внедрять сертифицированные средства защиты информации и резервировать критические данные».

Обоснование: поправка закрепляет на уровне базового закона требования к аудитам безопасности, использованию сертифицированных средств защиты информации и резервированию критических данных. Это систематизирует существующие разрозненные нормы из отраслевых

приказов ФСТЭК и ФСБ, делая их более доступными и понятными для операторов.

Дополнительные меры: помимо поправок в конкретные статьи, необходимо усилить институциональные механизмы контроля: развивать единый реестр инцидентов (под надзором Роскомнадзора), предусмотреть систему страхования киберрисков для операторов персональных данных, повысить квалификацию сотрудников регуляторов и создать специализированные подразделения в МВД/ФСБ для расследования массовых утечек. Эти меры помогут обеспечить реальную ответственность и снизить число инцидентов.

Предложенные изменения призваны закрыть выявленные пробелы в правовом регулировании. Их реализация снизит риски утечек информации и повысит гарантии защиты прав граждан в цифровом пространстве.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63ФЗ: ред. от 23.03.2026 г.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ (ред. от 23 марта 2026 года)
3. Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 152ФЗ «О персональных данных» (ред. от 24.06.2025 г.)
4. Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 29 декабря 2025 г.)
5. Федеральный закон от 26.07.2017 г. № 187ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» (ред. от 7 апреля 2025 г.)
6. Федеральный закон от 30.11.2024 г. № 421ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»
7. Федеральный закон от 26.07.2017 г. № 187ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» (ред. от 07.04.2025 г.)
8. Утечение и наказание. Как компании штрафуют за утечку персональных данных / Коммерсантъ. — 2026. — 5 апреля. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8569285> (дата обращения: 07.04.2026).
9. РКН выявил 135 утечек... / РБК. — 2024. — URL: <https://www.rbc.ru/life/news/67889c599a794776102ecd92> (дата обращения: 07.04.2026).
10. Первые штрафы за крупные утечки персональных данных: новые требования ст. 13.11 КоАП РФ / АКГ «Деловой профиль». — 2026. — URL: <https://delprof.ru/press-center/law-news/pervye-shtrafy-za-krupnye-utechki-personalnykh-dannykh-novye-trebovaniya-st-13-11-koap-rf/> (дата обращения: 07.04.2026).
11. Суд не стал штрафовать владельца платформы... / SecPost. — 2026. — Март. — URL: <https://secpost.ru/sud-ne-stal-shtrafovat-vladelca-platforny-investiczionnye-proekty-za-utechku-dannyh-70-tys-klientov?ysclid=mnrc0phak1573216857> (дата обращения: 07.04.2026).
12. Отчёты Роскомнадзора за 2023–2025 гг.: официальные сообщения о количестве инцидентов.

Местное самоуправление и его роль в единой системе публичной власти: к вопросу о трансформации

Газизов Андрей Назыфович, студент
Владивостокский государственный университет

В рамках данной статьи предлагается осмысление конституционных принципов и положений законодательства, лежащих в основе единой системы публичной власти. Отмечается, что в основе законодательного регулирования лежит необходимость обеспечения построения властного аппарата на основе системы сдержек и противовесов. Необходимость и порядок разграничения полномочий предусматривается как в Конституции РФ, так и в специальном законодательстве. Выявлены формы взаимодействия органов публичной власти и местного самоуправления и конституционные принципы, лежащие в их основе.

Ключевые слова: публичная власть, органы власти, органы местного самоуправления, полномочия, разграничение полномочий, делегирование.

Local government and its role in the unified system of public authority: on the issue of transformation

This article proposes an analysis of the constitutional principles and legal provisions that underlie the unified system of public power. It is noted that the legislative framework is based on the need to ensure the construction of a power apparatus based on a system of checks and balances. The need and procedure for delineating powers are provided for both in the Constitution of the Russian Federation and in special legislation. The article identifies the forms of interaction between public authorities and local self-government, as well as the constitutional principles that underlie them.

Keywords: public authority, government bodies, local government bodies, powers, delineation of powers, and delegation.

На сегодняшний день, учитывая взятый государством курс на построение вертикали публичной власти, изменения претерпевают конституционные принципы, лежащие в основе разграничения полномочий между субъектами в рамках единой системы публичной власти. Однако неизблемым остается утверждение о том, что местное самоуправление является одной из основ конституционного строя [5, с. 41].

Конституция РФ закрепляет местное самоуправление не только как институт управления, но и как основу конституционного строя (ч. 2 ст. 3, ст. 130–133 Конституции РФ) [1]. Местное самоуправление является самостоятельным и составным элементом публичной власти, за счет которого реализуется народовластие.

На сегодняшний день местное самоуправление институционально интегрировано в общую систему публичной власти, при сохранении исключительной компетенции. Как было отмечено Конституционным Судом РФ от 16 марта 2020 года № 1-3 [7], включение МСУ в единую систему публичной власти не преследовало цели трансформировать конституционный статус органа, и никак не умаляло его самостоятельности. Органы МСУ «входят в единую систему публичной власти как уровень, наиболее приближенный к населению, реализующий задачи публичного управления на территории муниципального образования». Следовательно, речь идет не о подчинении муниципальных органов государственным, а о согласовании их деятельности в рамках общего публичного механизма [6, с. 6].

После принятия Закона № 131-ФЗ долгое время институт развивался в дискурсе о необходимости повышения степени участия органов местного самоуправления в реализации государственных функций, а сами вопросы местного значения были четко дифференцированы в зависимости от типа муниципального образования [2]. Однако в текущих реалиях, несмотря на закрепленную в ст. 12 Конституции РФ самостоятельность органов местного самоуправления, степень автономии органов стала значительно ограниченной.

Исходя из анализа положений Конституции РФ и норм закона № 33 — ФЗ [3], в числе принципов взаимодействия

органов власти и местного самоуправления в единой системе публичной власти лежат:

— признание и гарантированность местного самоуправления как основы конституционного строя. Органы государства лишены права усмотрения по вопросу о существовании. Подобная норма также приводится в статье 3 Закона № 33-ФЗ, в силу которого формируется дуалистическая концепция местного самоуправления, а последнее надлежит рассматривать как форму осуществления публичной власти, направленной на обеспечение интересов населения;

— самостоятельность органов местного самоуправления в силу норм ст. ст. 12, 130, 133 Основного закона. Органы местного самоуправления обладают правом самостоятельно управлять собственностью муниципалитета, составлять и исполнять бюджет местного уровня, решать вопросы непосредственного жизнеобеспечения жителей. Данный принцип получает развитие в ст. 6,7 закона № 33 — ФЗ, где указывается, что органы местного самоуправления реализуют деятельность на основе собственной компетенции;

— принцип участия населения в осуществлении МСУ. В силу ст. 130 Конституции РФ, где отмечено, что население осуществляет местное самоуправление в следующих формах — непосредственной и в форме органов местного самоуправления. Такая концепция построения системы призвана приблизить население и наделить его инструментами участия во власти;

— принцип единства системы публичной власти. В статье 132 Конституции РФ закреплено, что органы МСУ и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти и взаимодействуют для эффективного решения задач. В Законе № 33-ФЗ (статья 4) эта идея получила развитие: установлено, что местное самоуправление является частью системы публичной власти, деятельность которой направлена на согласованное функционирование всех уровней управления;

— принцип организационного обособления. Несмотря на вхождение органов в систему публичной власти, речи о прямом подчинении, обязанности строго следовать любым указаниям иных субъектов данной системы у ор-

ганов местного самоуправления нет, их независимость сохраняется. Поэтому прямого подчинения одних органов другим не предполагается;

— принцип взаимодействия и сочетания местных, региональных и федеральных интересов. В основе данного принципа лежат положения ст. 132 Конституции РФ, где содержится указание на то, что органы местного самоуправления осуществляют взаимодействие с органами государственной власти для наиболее эффективного решения задач. В статье 9 Закона № 33-ФЗ конкретизируется, что деятельность МСУ должна учитывать баланс местных, региональных и федеральных интересов;

— принцип финансовой самостоятельности. Конкретику принцип получает в ст. 10 Закона № 33-ФЗ, где указаны источники доходов местных бюджетов и гарантии их финансовой устойчивости;

— принцип законности и ответственности органов МСУ закрепляет обязанность органов осуществлять свои полномочия на основе закона и строго в предусмотренных законом пределах. Подобное регулирование получает закрепление в статьях 15 и 133 Конституции РФ, которые обязывают все органы публичной власти соблюдать Конституцию и законы РФ. В Законе № 33-ФЗ (статья 11) установлено, что органы и должностные лица МСУ несут ответственность перед населением и государством.

При всем при этом, некоторые противоречия заложены в содержании норм ст. 12 и ч. 3 ст. 132 Конституции РФ, что приводит к неунифицированности в вопросе разграничения полномочий. С одной стороны, общность публичных интересов, в условиях территориального единства и суверенитета, предопределяет тесный характер взаимосвязей между любыми элементами в системе [4, с. 56]. Однако органы местного самоуправления сохраняют свою организационную самостоятельность, а их отдельные полномочия, именуемые по закону № 33-ФЗ полномочиями по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения, носят исключительный характер и дают возможность, не выходя за их границы, действовать независимо.

Однако в рамках трансформированной модели взаимодействия федеральной, региональной и местной власти, предполагается качественное расширение воз-

можностей государственной власти оказывать влияние на органы местного самоуправления. Прежде всего, инструментом данного влияния выступает право органов государственной власти участвовать в формировании муниципальных органов и должностных лиц. И если в силу ч. 1 ст. 131 Конституции население местного самоуправления самостоятельно в вопросе определения структуры органов, то в силу ч. 1.1 той же статьи органы государственной власти могут участвовать в формировании органов местного самоуправления, назначать и освобождать от должности должностных лиц муниципального уровня, если их полномочия закреплены на уровне федерального законодательства. И это положение является наиболее спорным с точки зрения его соответствия принципу независимости и организационной обособленности органов местного самоуправления.

Однако не вызывает сомнений то обстоятельство, что конструкт, в соответствие с которым государственная власть лишь принимает участие в формировании соответствующих органов, а не непосредственно формирует их, предполагает нахождение существующих законодательных норм в условиях конкуренции положений ст. 12 и ч. 1.1 ст. 131 Конституции РФ. В свою очередь, предоставление полномочий непосредственно назначать муниципальные органы государственным властям полностью уничтожит всю независимость местного самоуправления, поэтому данного простого решения следует избегать.

Таким образом, на основе проанализированных положений законодательства, приходим к выводу о том, что Конституция РФ и Закон № 33-ФЗ в совокупности формируют новую модель МСУ, включенную в единую систему публичной власти, но не потерявшую своей автономии. Такие конституционные принципы МСУ — самостоятельность, организационная обособленность, участие населения, законность и финансовая независимость — не только определяют правовой статус муниципальных образований, но и гарантируют их реальную способность выполнять публичные функции. На сегодняшний день развитие системы проходит в рамках таких процессов, как повышение единства, оперативной управляемости и верховенства государственной власти в сочетании со снижением степени самостоятельности муниципальной власти.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 20.03.2025) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 06.10.2003. № 40. Ст. 3822.
3. Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 12. ст. 1200.
4. Баранов, П. П. Реформирование местного самоуправления в свете его интеграции в систему публичной власти Российской Федерации // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 3. С. 53–62.
5. Забелина, Е. П. Муниципальное процессуальное регулирование деятельности органов местного самоуправления // Конституционное и муниципальное право. 2025. № 7. С. 41–44.

6. Югов, А. А. Органы публичной власти в свете конституционной реформы — 2020: понятие и основные признаки // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 6. С. 3–9.
7. Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции РФ порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента РФ» // Собрание законодательства РФ. 23.03.2020. № 12. ст. 1855.

Проблемы передачи отдельных государственных полномочий органам местного самоуправления и возможные пути их решения

Газизов Андрей Назыфович, студент
Владивостокский государственный университет

Передача отдельных государственных полномочий органам местного самоуправления сопровождается рядом проблем, негативно влияющих как на развитие института, а также на эффективность функционирования системы местного самоуправления в целом. В рамках настоящей статьи были выявлены такие проблемы передачи отдельных государственных полномочий, как недофинансирование, неясность по вопросу о пределах вмешательства государственных органов в деятельность органов местного самоуправления, а также неурегулированность вопросов предоставления отчетности о реализации переданных государственных полномочий органами местного самоуправления. Разработаны предложения по усовершенствованию законодательства о местном самоуправлении, призванные обеспечить оптимизацию института в рамках единой системы публичной власти.

Ключевые слова: публичная власть, органы власти, органы местного самоуправления, полномочия, передача отдельных государственных полномочий, финансовые основы местного самоуправления.

Problems of transferring certain state powers to local governments and possible ways to solve them

The transfer of certain state powers to local self-government bodies is accompanied by a number of problems that negatively affect the development of the institution itself, as well as the effectiveness of the local self-government system as a whole. This article identifies the following problems associated with the transfer of certain state powers: underfunding, unclear limits on the interference of state bodies in the activities of local self-government bodies, and unresolved issues related to reporting on the implementation of transferred state powers by local self-government bodies. The article also proposes improvements to the legislation on local self-government to optimize the institution of the transfer of certain state powers within the unified system of public authority.

Keywords: public authority, government bodies, local self-government bodies, powers, transfer of certain state powers, and financial foundations of local self-government.

Эффективное функционирование публичной власти в России требует юридической определенности в вопросе разграничения полномочий между всеми элементами системы публичной власти. Конституционная модель местного самоуправления определяет власть на местах как самостоятельную деятельность населения по решению вопросов местного значения [1]. Однако на практике значительный объем деятельности органов местного самоуправления (далее — ОМСУ) связан с исполнением переданных государственных полномочий.

Очевидным плюсом института является нивелирование необходимости формирования особых уполномоченных органов государственной власти для решения

ряда социально значимых вопросов, относящихся к компетенции органов государственной власти, но территориально и организационно тяготящихся к местному уровню. В таких условиях передача данных полномочий на местный уровень обеспечивает экономию ресурсов, их более адресное расходование [6, с. 96].

Несмотря на значительный потенциал, присущий институту передачи отдельных государственных полномочий, реализация его на практике сопровождается значительным числом проблем и сложностей. Например, требование о финансировании любых переданных ОМСУ полномочий на практике обеспечивается не в полной мере, что вынуждает местную власть расходовать местные

бюджеты на несоответствующие законодательству цели. Не менее важной является проблема, связанная с отсутствием у органов местного самоуправления права на отказ от передаваемых им полномочий, что лишает их субъектности в этом вопросе, делая полностью зависимыми от решений региональных и федеральных властей.

Еще одна проблема связана с неясностью по поводу пределов вмешательства государственных органов в деятельность ОМСУ в рамках реализации первыми полномочий по контролю и надзору. Текущая модель контроля не предполагает адекватный учет существенной специфики работы муниципальной власти. В таких условиях нередко ситуации, когда выносятся заведомо неисполнимые предписания, назначаются штрафы за допущенные нарушения, а органы местного самоуправления вынуждены уплачивать их, что, опять же, приводит к оттоку средств местных бюджетов.

Проблемным является вопрос ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления за неисполнение или ненадлежащее исполнение возложенных на них полномочий. Несмотря на то, что в судебной практике устоялось правило о том, что ответственность исключается в случае недофинансирования переданных полномочий, иногда избежать ответственности региональным властям может быть затруднительно [5].

Так, проблема делегирования полномочий в условиях отсутствия определения компетентного подразделения или должностного лица, отвечающего за осуществление такого полномочия, приводит к тому, что ответственность размывается, а полномочия реализуются недостаточно эффективно. Чтобы эффективно разрешить такую проблему, необходимо закрепить в законодательстве обязанность указывать в законе о передаче отдельных государственных полномочий орган в рамках системы управления, на который возлагается ответственность за осуществление переданных полномочий.

Неясность порядка контроля за передаваемыми полномочиями обусловлена разночтениями в законодательстве. На уровне регионов данное регулирование также зачастую воспринимается формально, а региональный закон в полной мере не регулирует механизм передачи полномочий, закрепляя лишь ряд необходимых элементов. Отсутствие законодательного регулирования процедуры предоставления отчетов ОМС в части исполнения переданных полномочий и использования переданных финансовых и прочих ресурсов на данные цели также может быть проблемой. Соответственно, невнимательность законодателя к указанному вопросу затрудняет проведение проверочных мероприятий, не позволяет оценивать эффективность передачи полномочий на соответствующий уровень, порождает иные проблемы.

Законы о передаче полномочий чаще всего определяют вопросы предоставления отчетности на основе отсылочных норм, касающихся контроля и надзора. Иногда вопрос об отчетности в ее комплексном, широком понимании, подменяется вопросом определения порядка от-

четности использования средств субвенций. Исходя из чего получается, что само расходование предоставленных средств свидетельствует о надлежащем исполнении обязанности несмотря на то, что это различные категории. Можно отметить, что незакрепление органами власти в законе о передаче полномочий процедуры, формы, сроков предоставления ОМС отчетов именно в части осуществления переданных полномочий минимизирует возможности превентивного контроля [4, с. 53].

Отсутствие однозначности по вопросу регулирования условий осуществления ОМС переданных полномочий также может быть серьезной проблемой. На федеральном уровне законодательство не предусматривает перечня условий для прекращения осуществления переданных полномочий. Законодательство субъектов также носит разнородный характер. Представители научного сообщества предлагают ориентироваться на гражданско-правовой подход, закрепляя возможности сторон — участников правоотношений, инициировать их прекращение [7, с. 137]. Как представляется, муниципальное право строится на принципиально иных началах, нежели право гражданское, поэтому данный подход не будет соответствовать природе указанных правоотношений. Тем самым, прекращение полномочий должно быть возможно только на основании закона.

Проблемой является отсутствие в законодательстве критериев для признания полномочия ненадлежаще осуществленным. Подобное регулирование служит предпосылкой для возникновения коррупциогенных факторов ввиду неограниченной дискреции при оценке полномочий в сочетании с юридико-лингвистической неопределенностью. В силу ч. 3 ст. 20 Закона № 131-ФЗ ОМС несут ответственность за осуществление переданных полномочий исключительно в пределах выделенных исключительно в рамках специального целеполагания материальных ресурсов и финансовых средств [2].

Кроме того, серьезной проблемой является хаотичность в передаче полномочий и неопределенность их общего перечня на уровне регионов.

Вопрос, касающийся упорядочивания числа переданных полномочий на уровне федеральных и региональных властей, решен более оптимально. Закон № 141 — ФЗ предусматривает в соответствии с ч. 8 ст. 51 ведение реестра соглашений между федеральными и региональными органами исполнительной власти о передаче осуществления полномочий и ведение соответствующего реестра уполномоченным органом в рамках процедуры, определенной специальными правилами ведения соглашений [3]. Полагаем, что подобный опыт можно заимствовать применительно к передаче полномочий с регионального на местный уровень, которые также должны аккумулироваться в рамках единого реестра. Для этого, предлагаем дополнить ст. 34 Закона № 33-ФЗ п. 11 следующего содержания: Уполномоченные органы исполнительной власти субъекта федерации ведут реестры законов субъекта Российской Федерации, предусматри-

вающие наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями.

Кроме того, полагаем, что назрела потребность разработки федеральным органом власти примерной (типовой) формы закона субъекта федерации о передаче полномочий органам местного самоуправления. Принятие такой формы позволит уточнить многие неоднозначные вопросы, сделать практику передачи отдельных государственных полномочий более определенной, минимизировать число пробелов и дефектов законодательного регулирования в регионах.

Полагаем, что на сегодняшний день вопрос о передаче отдельных государственных полномочий нуждается в упорядочивании некоторых спорных положений. Развитие данного института должно проходить по таким основным направлениям, как:

- полная инвентаризация системы полномочий органов местного самоуправления с особым акцентом на вопросы финансовой самостоятельности органов местного самоуправления;

- закрепление обязанности ведения реестров региональных законов о делегировании отдельных государственных полномочий;

- разработка и утверждение примерной формы закона субъекта федерации о передаче полномочий органам местного самоуправления.

Общий итог исследования состоит в том, что институт наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями обладает потенциалом для повышения эффективности публичной власти. Однако для его реализации необходима не точечная коррекция, а системная модернизация, направленная на устранение фундаментальных дисбалансов, прежде всего, в финансовой и контрольной сферах. Только при условии подлинного партнерства, основанного на взаимной ответственности и адекватном ресурсном обеспечении, данный конституционный институт сможет в полной мере выполнять свою предназначенную роль в системе публичного управления России.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 20.03.2025) «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.
3. Постановление Правительства РФ от 22.08.2022 № 1479 «О ведении реестра соглашений между федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов РФ о передаче ими друг другу осуществления части своих полномочий» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 35. ст. 6109.
4. Басиев М. С. Совершенствование компетенции местного самоуправления в Российской Федерации в условиях единства публичной власти // Конституционное и муниципальное право. 2025. № 8. С. 52–56.
5. Беликов, П.П., Ведяева, Е.С., Гребенникова, А. А. Комментарий к Федеральному закону от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» (постатейный) // СПС КонсультантПлюс. 2016. (Дата обращения. 10.06.2026).
6. Дерюга, А. Н. Сурова, Д. В. Анализ законодательства РФ в области передачи органам местного самоуправления отдельных государственных полномочий // Правоприменение: от теории к практике. Сборник докладов X Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 50-летию БАМа. Хабаровск, 2024. С. 93–99.
7. Хрущева, О. И. О некоторых проблемах правового регулирования наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями субъекта Российской Федерации // Общество и право. 2024. № 4. С. 136–143.

Причины и условия совершения преступлений, связанных с вовлечением несовершеннолетних и молодежи в экстремистскую деятельность

Гайнутдинов Артур Айратович, слушатель

Научный руководитель: Шалагин Антон Евгеньевич, кандидат юридических наук, доцент
Казанский юридический институт МВД России

В данной статье автором определен причинно-условный комплекс совершения преступлений, связанных с вовлечением несовершеннолетних и молодежи в экстремистскую деятельность, а также основные тенденции в исследуемой области.

Ключевые слова: экстремизм, молодежь, скулишутинг, несовершеннолетний.

В современных условиях проблема вовлечения несовершеннолетних и молодежи в экстремистскую деятельность приобретает особую остроту. Ее актуальность обусловлена не только ростом числа деструктивных проявлений в молодежной среде, но и усложнением социальных процессов, влияющих на формирование личности. Молодые люди все чаще сталкиваются с потребностью в социальном признании, стремлением повысить свой статус, преодолеть ощущение социальной несправедливости, самоутвердиться и найти устойчивые жизненные ориентиры. Вместе с тем кризис ценностей, деформация общественных установок и размытость нравственных ориентиров создают благоприятную почву для формирования девиантных и радикальных моделей поведения.

Высокая динамика общественного развития также оказывает существенное влияние на сознание подростков и молодых людей. Традиционные ценности постепенно утрачивают прежнее значение, однако продолжают оказывать давление на общественное сознание, тогда как новые социальные отношения еще не всегда воспринимаются как устойчивые и понятные. В результате несовершеннолетние и молодежь нередко оказываются в состоянии социальной и психологической неопределенности, испытывают тревогу по поводу будущего, неуверенность в возможности самореализации и пессимистическое восприятие жизненных перспектив. Подобное состояние может сопровождаться повышенной агрессивностью, правовым нигилизмом, склонностью к протестным формам поведения и восприимчивостью к радикальным идеям, включая экстремистские.

Существенное значение в формировании личности несовершеннолетнего и молодого человека имеет микро-среда. Прежде всего речь идет о семье как базовом институте социализации, а также о ближайшем окружении, включая круг общения, образовательную среду, досуговые сообщества и неформальные объединения. Именно в этих условиях закладываются основные нравственные установки, модели поведения, представления о допустимом и недопустимом, а также отношение к праву, государству и обществу.

Вовлечение несовершеннолетних и молодежи в экстремистскую деятельность обусловлено совокупностью взаимосвязанных причин и условий. В криминологии их традиционно подразделяют на несколько основных

групп: психологические, социально-экономические, семейно-воспитательные и политические. Вместе с тем в настоящее время обоснованно выделяется и еще одна самостоятельная группа факторов — информационная. Ее значение постоянно возрастает в связи с практически неограниченным доступом к ресурсам сети Интернет, где подростки и молодые люди могут не только получать информацию, но и включаться в сообщества, ориентированные на оправдание, романтизацию и стимулирование противоправной, в том числе экстремистской, активности.

Распространение цифровых технологий и их глубокое проникновение в повседневную жизнь оказывают двойственное воздействие. С одной стороны, они расширяют возможности коммуникации, обучения и самовыражения, с другой — создают условия для деструктивного влияния на процесс воспитания, социализации и личностного становления несовершеннолетних и молодежи. Особую опасность представляют те направления цифровой среды, которые способствуют искажению ценностных ориентаций, формированию зависимости от виртуального одобрения, снижению критичности мышления и вовлечению в радикальные субкультуры.

В настоящее время в молодежной среде заметно распространяются идеи анархизма, суицида, терроризма и экстремизма, активно транслируемые через социальные сети и иные интернет-ресурсы. Особую тревогу вызывает то обстоятельство, что доступ к подобному контенту зачастую остается фактически открытым, а механизмы его критического осмысления у несовершеннолетних и части молодых людей сформированы недостаточно. Вследствие этого радикальные идеи могут восприниматься не как угроза, а как допустимый или даже привлекательный способ самовыражения, протеста или самоутверждения.

Одним из наиболее опасных деструктивных явлений, получивших распространение в подростковой и молодежной среде, стал скулишутинг. Его широкая известность во многом связана с трагическими событиями 1999 года в школе «Колумбайн». После распространения в сети Интернет видеоматериалов и личных записей участников нападения их образы стали предметом подражания, а сама трагедия — объектом романтизации в определенных сегментах молодежной интернет-среды. Часть подростков и молодых людей ограничивалась созданием мемов, рас-

пространением символики и эстетизацией преступников, однако для других это стало основой для формирования установки на воспроизведение подобного сценария. Несмотря на то что нападения в образовательных организациях происходили и ранее, именно данный случай приобрел символическое значение и вызвал волну подражательных действий в разных странах.

Еще одним распространенным деструктивным явлением в подростковой и молодежной среде выступает движение «АУЕ», связанное с романтизацией криминального образа жизни, пропагандой норм преступной субкультуры, использованием тюремного жаргона и усвоением криминальных правил поведения. Наиболее восприимчивыми к подобному влиянию оказываются лица в возрасте примерно от 12 до 20 лет, то есть как несовершеннолетние, так и молодежь, находящаяся на этапе активного личностного и социального самоопределения.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что формирование личности несовершеннолетних и молодежи находится в прямой зависимости от характера микросреды, включающей семью, друзей, образовательное пространство и иное ближайшее окружение. Вовлечение в экстремистскую деятельность не является следствием

какого-либо одного фактора; напротив, оно возникает под воздействием совокупности причин и условий, которые взаимно усиливают друг друга.

В целом следует подчеркнуть, что поведение человека в значительной степени детерминировано политическими, экономическими, идеологическими, культурно-воспитательными, демографическими и социально-психологическими процессами, происходящими в обществе. Именно они в наиболее общем виде определяют условия жизни, специфику социализации, характер обучения и воспитания несовершеннолетних и молодежи, а также особенности межличностного взаимодействия в семье, образовательной среде и обществе в целом. При определенном сочетании неблагоприятных обстоятельств эти процессы способны порождать и усиливать такие негативные явления, как рост заболеваемости и смертности, семейное неблагополучие, жестокое обращение, суицидальное поведение, алкоголизация, проституция, наркотизация и иные формы социальной дезадаптации. Все они образуют комплекс социальных факторов, способствующих отклоняющемуся, в том числе преступному, поведению, включая вовлечение несовершеннолетних и молодежи в экстремистскую деятельность.

Литература:

1. Радоуцкая И. Н. Вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность, уголовно-правовые и криминологические аспекты / И. Н. Радоуцкая // Инновации. Наука. Образование. — 2022. — № 53. — С. 534–538.
2. Романова Е. Н. Воздействие цифровизации на процессы социализации и развития ребенка / Е. Н. Романова // Человек в цифровой реальности: технологические риски. Материалы V Международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. — Тверь, 2020. — С. 410–414.
3. Румянцев Н. В., Фумм А. М. АУЕ: миф или реальность? // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. — 2018. — № 1. — С. 16–19.
4. Румянцев Н. В., Фумм А. М. АУЕ: миф или реальность? // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. — 2018. — № 1. — С. 16–19.

Процедура привлечения работника к дисциплинарной ответственности: актуальные проблемы и пути их решения

Галанцева Елена Владимировна, студент магистратуры

Научный руководитель: Редикульцева Елена Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Вятский государственный университет (г. Киров)

В статье анализируются пробелы, связанные с отсутствием в законодательстве требования о письменном запросе объяснения от работника. Анализ судебной практики показывает: устные запросы или сообщения в мессенджерах приводят к тому, что дисциплинарные взыскания признаются незаконными. Для устранения этого пробела предлагается редакция нормы, которая закрепляет письменную форму требования и определяет допустимые способы его вручения.

Ключевые слова: дисциплинарная ответственность, письменное объяснение, затребование объяснения, мессенджеры, процедура привлечения, акт о непредставлении объяснения, восстановление на работе

Институт дисциплинарной ответственности в трудовом праве выполняет функцию обеспечения трудовой дисциплины и надлежащего исполнения работни-

ками своих обязанностей. Однако эффективность данного института определяется не только содержанием материально-правовых норм, закрепленных в Трудовом кодексе Рос-

сийской Федерации (далее — ТК РФ [1]), но и качеством их процессуальной реализации. Как отмечается в правовой литературе, дисциплинарная ответственность — это обязанность работника претерпеть неблагоприятные последствия личного характера, применяемые работодателем в установленном законом порядке [8, с. 145]. Соблюдение данного «установленного законом порядка» является условием законности применения дисциплинарного взыскания.

Разъяснения по вопросам применения дисциплинарной ответственности содержатся в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» [2]. Если суд установит, что дисциплинарное взыскание применено без учета тяжести проступка, обстоятельств его совершения и предшествующего поведения работника, то взыскание может быть признано незаконным даже при доказанности факта нарушения.

В рамках правового регулирования дисциплинарной ответственности одной из проблем является несовершенство механизма фиксации как факта совершения дисциплинарного проступка, так и момента начала процедуры привлечения к ответственности. Особого внимания в данном случае заслуживает стадия истребования от работника письменного объяснения, регламентированная ст. 193 ТК РФ. Анализ данной нормы выявляет пробел законодательного регулирования. Так, устанавливая безусловную обязанность работодателя затребовать объяснение до применения взыскания, закон прямо не определяет форму, в которой должно быть сделано такое требование, — устной или письменной.

Толкование ч. 1 ст. 193 ТК РФ не содержит императивного предписания о письменной форме требования. Законодатель закрепляет лишь обязанность работодателя затребовать объяснение и получить письменное объяснение от работника, но форма самого требования остается неурегулированной.

Факт затребования объяснения является юридически значимым обстоятельством, подлежащим доказыванию работодателем. Отсутствие письменного доказательства такого требования порождает сложности в подтверждении соблюдения процедуры, предусмотренной ст. 193 ТК РФ. Если требование сделано устно, работодатель лишается возможности представить суду документ, фиксирующий содержание требования, дату его предъявления работнику и способ вручения.

Согласно ч. 1 ст. 193 ТК РФ, если по истечении двух рабочих дней после затребования объяснения работник его не представил, составляется соответствующий акт. Начало течения двухдневного срока законодатель связывает с моментом затребования объяснения. При устном требовании невозможно достоверно установить этот момент, что порождает спор о факте, имеющем юридическое значение. Работник может утверждать, что требование не

предъявлялось или предъявлялось в иную дату, а работодатель, не имея письменного доказательства, не может опровергнуть эту позицию. В результате акт о непредставлении объяснения, составленный работодателем, теряет доказательственную силу, так как отсутствует первичный документ: требование о представлении объяснения, от которого исчисляется срок.

Цель ст. 193 ТК РФ состоит в обеспечении права работника на защиту, что предполагает его своевременное информирование о вменяемом проступке и предоставление реальной возможности дать объяснения в установленный срок. Устное требование, не закрепленное в документальной форме, не позволяет работнику достоверно знать содержание вменяемого нарушения и момент, с которого начинается течение срока на подготовку объяснения.

Суды приходят к выводу о несоблюдении порядка применения дисциплинарного взыскания в случае истребования объяснений в устной форме [3, 4].

Особого внимания заслуживает квалификация отдельных способов истребования объяснения. Судебная практика признает ненадлежащими такие способы, как телефонный звонок, направление сообщения через мессенджеры.

Так, суд рассмотрел дело о признании незаконным увольнения работника за прогул. Работник отсутствовал на рабочем месте в течение нескольких дней без уважительных причин, что работодатель квалифицировал как прогул. В рамках процедуры привлечения к дисциплинарной ответственности работодатель направил работнику запрос о представлении письменного объяснения через мессенджер WhatsApp¹, полагая такой способ коммуникации допустимым в силу развития современных технологий и фактического использования данного канала для деловой переписки. Работник объяснений не представил, после чего был уволен.

Суды трех инстанций, включая кассационную, признали увольнение незаконным, указав на нарушение работодателем процедуры, установленной ст. 193 ТК РФ. Основной правовой вывод суда заключается в том, что направление требования о представлении письменного объяснения через мессенджер не может быть признано надлежащим способом истребования объяснения, так как не соответствует требованиям закона к форме и способу фиксации юридически значимого действия.

Суд подчеркнул, что закон прямо предписывает работодателю затребовать письменное объяснение, что предполагает не только получение объяснения в письменной форме, но и наличие самого требования, облеченного в письменную форму, позволяющую достоверно установить его содержание, дату предъявления и факт ознакомления с ним работника. Сообщение, направленное через мессенджер, не обладает необходимыми реквизитами и не обеспечивает достоверного подтверждения того, что требование исходило именно от работодателя и было получено именно работником.

¹ Продукт компании Meta, чья деятельность признана в России экстремистской и запрещена.

Суд указал, что отметка о доставке в мессенджере не является юридически значимым доказательством, равноценным собственноручной подписи работника на уведомлении или уведомлению о вручении заказного почтового отправления. Также суд обратил внимание на то, что работодатель составил акт о непредставлении объяснения еще до направления сообщения в мессенджере, что само по себе исключает возможность ссылаться на такой способ коммуникации как на доказательство добросовестного соблюдения процедуры. Данное обстоятельство суд квалифицировал как злоупотребление правом со стороны работодателя, попытавшегося задним числом восполнить отсутствие надлежащего истребования объяснений [5].

Следует подчеркнуть, что непредставление работником объяснения не является препятствием для применения дисциплинарного взыскания. Однако работодатель обязан доказать, что он надлежащим образом исполнил обязанность по истребованию объяснения. Так, суд признал незаконным увольнение дистанционного работника по той причине, что работодатель не истребовал объяснения по каждому из актов об отсутствии взаимодействия и не довел эти акты до сведения работника [6]. Данный пример указывает на то, что формальный подход к истребованию объяснений (например, направление требования по электронной почте без подтверждения получения или однократное требование по множеству эпизодов) не может быть признан надлежащим.

Кроме того, судебная практика выработала еще одно ограничение: истребование письменного объяснения, равно как и любое иное процессуальное действие в рамках дисциплинарного производства, не может быть осуществлено в период временной нетрудоспособности работника. Так, суд указал, что даже если работник по требованию работодателя явился в офис, получил письменное требование и представил объяснения, находясь на боль-

ничном, такое увольнение подлежит признанию незаконным, так как работодатель не вправе совершать какие-либо процессуальные действия в период, когда работник освобожден от исполнения трудовых обязанностей [7].

Так как нарушение процедуры допущено на начальном этапе дисциплинарного производства, оно не может быть восполнено последующими действиями работодателя. Составление акта об отказе от дачи объяснений, издание приказа о применении взыскания и ознакомление с ним работника при отсутствии надлежащего письменного требования о представлении объяснения не устраняют процессуальное нарушение. Суд, установив отсутствие письменного доказательства затребования объяснения, признает дисциплинарное взыскание незаконным ввиду несоблюдения установленного порядка применения взыскания. В случае увольнения как меры дисциплинарной ответственности последствия включают восстановление работника на работе, выплату среднего заработка за время вынужденного прогула и компенсацию морального вреда.

В данной связи ч. 1 ст. 193 ТК РФ целесообразно изложить следующим образом: «До применения дисциплинарного взыскания работодатель должен затребовать у работника письменное объяснение. Требование о представлении письменного объяснения оформляется в письменной форме и вручается работнику под подпись либо направляется работнику заказным почтовым отправлением с уведомлением о вручении по адресу, указанному в трудовом договоре, а при наличии письменного согласия работника — иными способами, позволяющими достоверно установить факт и дату получения требования. Если по истечении двух рабочих дней со дня вручения требования (получения уведомления о вручении при направлении по почте) указанное объяснение работником не представлено, то составляется соответствующий акт».

Литература:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 06.07.2026).
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 (ред. от 09.12.2025) «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // Верховный Суд Российской Федерации. — URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8223/> (дата обращения: 06.07.2026).
3. Определение суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 17.05.2022 № 33–1148/2022 // Судебные Решения. РФ. — URL: <https://xn—90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn—p1ai/68125078> (дата обращения: 06.07.2026).
4. Определение Санкт-Петербургского городского суда от 07.10.2021 № 33–16965/2021 // Судебные Решения. РФ. — URL: <https://xn—90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn—p1ai/61186082> (дата обращения: 06.07.2026).
5. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 11.09.2025 № 88–15429/2025 // Время бухгалтера. — URL: <https://www.v2b.ru/documents/opredelenie-shestogo-kassatsionnogo-suda-obschey-urisdiksii-ot-11-09/> (дата обращения: 06.07.2026).
6. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 31.03.2025 № 88–4974/2025 // Время бухгалтера. — URL: <https://www.v2b.ru/documents/opredelenie-tretego-kassatsionnogo-suda-obschey-urisdiksii-ot-31-03-2/> (дата обращения: 06.07.2026).
7. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 05.08.2025 № 88–10807/2025 // Время бухгалтера. — URL: <https://www.v2b.ru/documents/opredelenie-vosmogo-ksouy-ot-05-08-2025-88-10807-2025/> (дата обращения: 06.07.2026).

8. Снегирева, П. Е. Сущностная характеристика дисциплинарной ответственности как разновидность юридической ответственности в трудовом праве / П. Е. Снегирева, А. И. Левченко // Актуальные проблемы совершенствования законодательства и правоприменения. Сборник материалов VI Внутривузовского круглого стола, Курск, 16 ноября 2020 года. — Курск : ООО «Планета+», 2020. — С. 145–149.

Особенности криминалистической характеристики ятрогенных преступлений

Дворянов Данила Александрович, студент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье автор исследует сущность ятрогенных преступлений и особенности криминалистической характеристики данной категории.

Ключевые слова: ятрогенные преступления, криминалистическая характеристика, криминалистическая характеристика ятрогенных преступлений, оказание медицинской помощи.

Прежде чем рассмотреть особенности криминалистической характеристики ятрогенных преступлений, необходимо обратиться к определению и правовой регламентации указанных преступных деяний. Термин «ятрогения» (от греч. *iatros* — врач и *gennao* — создавать) был введён немецким психиатром Освальдом Бумке в 1925 году и первоначально обозначал причинение вреда пациенту неосторожным словом врача [1, с. 386]. В течение времени понимание данного явления трансформировалось, и на сегодняшний день ятрогенные преступления представляют собой общественно опасные деяния, совершаемые медицинскими работниками в процессе оказания профессиональной помощи и повлекшие причинение вреда жизни и здоровью пациента [2, с. 66].

Касаемо нормативного регулирования, следует уточнить, что в российском Уголовном кодексе отсутствуют специализированные нормы, предусматривающие ответственность медицинских работников [3]. Ввиду этого в научной среде нет единства мнений касемо перечня ятрогенных преступлений. В большинстве случаев авторы к числу ятрогенных преступлений относят следующие составы преступлений:

- ч. 2 ст. 109 УК РФ — смерть по неосторожности, наступившая изза ненадлежащего выполнения профессиональных обязанностей;
- ч. 2 ст. 118 УК РФ — по неосторожности причинён тяжкий вред здоровью;
- ч. 4 ст. 122 УК РФ — заражение лица ВИЧ-инфекцией;
- ст. 123 УК РФ — искусственное прерывание беременности, проведённое лицом без соответствующего высшего медицинского образования;
- ст. 124 УК РФ — неоказание необходимой помощи больному лицом, которое по закону или специальным правилам обязано её предоставлять; при условии, что это бездействие по неосторожности привело к вреду средней тяжести здоровью пациента [4, с. 139].

При этом некоторые исследователи включают в данный перечень и иные составы преступлений, например, ст. 293 УК РФ (халатность) и 238 УК РФ (оказание небезопасных услуг) [5, с. 9–10]. В рамках нашего исследования возьмем за основу наиболее распространенную классификацию ятрогенных преступлений.

Итак, криминалистическая характеристика преступлений выступает важной научной категорией, неотъемлемой частью криминалистической методологии и является ориентиром для организации и планирования расследования. Под криминалистической характеристикой ятрогенных преступлений следует понимать систему типовых сведений о криминалистически значимых признаках данных деяний, используемую для построения частных методик расследования и выдвижения следственных версий. Особенности характеристики ятрогенных преступлений обусловлены спецификой медицинской деятельности: преступления совершаются в рамках легитимного профессионального процесса, что затрудняет разграничение врачебной ошибки, несчастного случая и уголовно наказуемого деяния.

В научной литературе структура криминалистической характеристики ятрогенных преступлений включает следующие элементы:

1) жертва ятрогенного преступления — это физическое лицо, обратившееся за медицинской помощью. Криминалистически значимыми признаками жертвы выступают: возраст, характер патологии, генетические и индивидуальные особенности организма, наличие хронических заболеваний, вредных привычек, соблюдение пациентом предписанного режима лечения. Как отмечает А. А. Гебгардт, именно от поведения жертвы может зависеть результат лечения, что придает изучению личности потерпевшего особое значение в расследовании ятрогенности [6, с. 142].

2) личность преступника. Это медицинский работник, обладающий специальным образованием. Криминалистически значимыми признаками являются: наличие права

на оказание медицинской помощи (лицензия), уровень квалификации и стаж работы, психологическая устойчивость, наличие вредных привычек, склонность к коррупционному поведению.

3) способ преступления. Непосредственно способ совершения преступления состоит из действия или бездействия ятрогенного характера. Деяние может выражаться в активных действиях (неправильное проведение манипуляций, ошибочное назначение лечения) либо бездействии (неоказание помощи, оставление пациента без наблюдения). Причинами ятрогенных последствий выступают диагностические, тактические, технические и организационные дефекты оказания медицинской помощи. Сюда же следует отнести действия по сокрытию преступления, которые могут включать себя документальные подлоги.

4) обстановка преступления. Ятрогенные преступления совершаются в лечебно-профилактических учреждениях в процессе диагностических, лечебных и реабилитационных мероприятий. Особое значение имеют факторы экстренности, интенсивности лечебного процесса и степень документирования действий.

5) механизм слеодообразования. Преобладают идеальные следы (в сознании участников) и документальные следы (медицинская документация). Характерной особенностью является высокая латентность и корпоративная солидарность медицинского персонала, что затрудняет выявление следов преступления.

Обозначим особенности криминалистической характеристики ятрогенных преступлений. Отличительной чертой является то, что они совершаются в ходе профессиональной деятельности, направленной на сохранение жизни и здоровья. Это предопределяет ряд особенностей их криминалистической характеристики. В этих условиях речь идет о сложности установления причинно-следственной связи между действиями (бездействием) меди-

цинского работника и наступившими последствиями. Неблагоприятные последствия могут быть следствием как объективных факторов (индивидуальные особенности организма пациента, течение заболевания), так и субъективных (врачебная ошибка, небрежность).

Вдобавок, большую роль в данной категории дел играет изучение медицинской документации, которая выступает в качестве основного источника криминалистически значимой информации. Выявление признаков интеллектуального подлога в медицинских картах, протоколах операций и иных документах приобретает решающее значение для доказывания.

В научной литературе отмечается высокая степень корпоративности медицинского сообщества, что создаёт дополнительные препятствия для получения объективных показаний от свидетелей-коллег подозреваемого [7, с. 121].

Особое внимание заслуживает следующее обстоятельство — необходимость использования специальных медицинских знаний на всех этапах расследования, что включает в себя обязательность проведения судебно-медицинских экспертиз, в том числе комиссионных. Результаты экспертных исследований выступают важнейшими средствами доказывания по данной категории дел.

Таким образом, особенности криминалистической характеристики ятрогенных преступлений обусловлены спецификой медицинской деятельности и требуют разработки специализированных методик расследования, учитывающих сложность установления всех элементов конкретного состава преступления. Знание криминалистической характеристики может повысить уровень расследования, поскольку если субъект расследования будет владеть научной основой, то это позволит сократить время при планировании расследования, оптимизировать процессы производства следственных действий.

Литература:

1. Рыбакова, Т. И. Ятрогенные преступления: понятие, сущность, законодательное регулирование. Вопросы российской юстиции. 2023. № 26.
2. Галимова, М. А., Наветов С. В., Чёрный, В. В. Ятрогенные преступления: к вопросу о понятии и содержании. Научный компонент. 2023. № 2 (18). doi:10.51980/2686-939X_2023_2_60.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 10.06.2026).
4. Моторин, В. А. Криминалистическая характеристика преступлений против жизни и здоровья, совершаемых при оказании медицинской помощи: понятие и содержание / В. А. Моторин. — Текст: непосредственный // Молодой учёный. — 2026. — № 15 (618). — С. 138–140. — URL: <https://moluch.ru/archive/618/135038>.
5. Петрова, Т. Н. Особенности расследования преступлений, связанных с некачественным оказанием медицинской помощи при родовспоможении // Consilium Medicum. 2017. № 19 (6). С. 9–31.
6. Гебгард, А. А. Жертва ятрогенных преступлений: криминалистический аспект. Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2018. № 1 (19).
7. Парфейников, И. С. Повышение эффективности расследования преступлений, совершаемых медицинскими работниками в профессиональной сфере // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 10.

Идентификация и анализ производственных рисков в розничной торговле алкогольной продукцией (на примере ООО «Альфа-М»)

Долбня Тамара Александровна
ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет» (г. Тюмень)

В статье представлены результаты идентификации и анализа производственных рисков в организации розничной торговли алкогольной продукцией на примере ООО «Альфа-М». Рассмотрены физические и психофизиологические опасные факторы, возникающие на всех этапах технологического процесса, включая приемку, хранение, выкладку и реализацию товара, а также утилизацию отходов. Особое внимание уделено рискам, обусловленным противоправными действиями третьих лиц, специфичным для деятельности магазинов формата самообслуживания, и установлена необходимость их учета в системе управления охраной труда.

Ключевые слова: идентификация опасностей, анализ производственных рисков, розничная торговля, алкогольная продукция, технологический процесс, физические опасные факторы, психофизиологические факторы, противоправные действия третьих лиц, система управления охраной труда, производственный травматизм.

Деятельность организаций розничной торговли алкогольной продукцией сопряжена со специфическими условиями труда, обусловленными взаимодействием персонала с покупателями, обращением значительных объемов товаров в стеклянной таре и соблюдением требований к хранению подакцизных товаров. Объектом исследования выступает ООО «Альфа-М» — федеральная сеть магазинов «Красное&Белое», насчитывающая 9584 филиала с численностью работников 3198 человек. Актуальность идентификации производственных рисков обусловлена статистикой травматизма: за период 2023–2024 годов зафиксировано 37 несчастных случаев и 5 случаев профессиональной патологии с установлением третьей группы инвалидности. Нормативно-правовую основу исследования составляет Федеральный закон от 24.07.98 № 125-ФЗ, определяющий порядок возмещения вреда, причиненного здоровью работника при исполнении трудовых обязанностей [2, ст. 1].

Технологический процесс в розничной торговле алкогольной продукцией включает последовательность операций, каждая из которых характеризуется специфическим набором опасных и вредных факторов. В соответствии с классификацией ГОСТ 12.0.003–2015, опасные факторы подразделяются на физические, химические, биологические и психофизиологические. На этапе приемки товара доминируют физические факторы, связанные с перемещением грузов в стеклянной таре. Хранение товара сопряжено с рисками падения продукции с высоты стеллажей, подготовка к продаже — с вероятностью травмирования при подъеме тяжестей. Продажа в формате самообслуживания создает предпосылки для конфликтных ситуаций и противоправных действий третьих лиц, утилизация отходов сопровождается рисками порезов осколками стекла [3, с. 48].

Физические факторы представлены рисками падения на скользкой поверхности вследствие пролитых жидкостей (алкоголь, вода, моющие средства), причинами которых выступают недостаточная уборка, несвоевременная очистка крыльца от наледи и отсутствие предупреждающих знаков. Последствиями реализации риска являются переломы, сотрясения и ушибы. Данные факторы относятся к группе

опасных факторов, связанных с повышенной скользкостью поверхностей. Транспортные происшествия при следовании работников на служебном транспорте обусловлены нарушением правил дорожного движения [4, с. 22]. В соответствии с Федеральным законом от 24.07.98 № 125-ФЗ, несчастный случай на производстве определяется как событие, повлекшее повреждение здоровья при исполнении трудовых обязанностей, в том числе при следовании к месту работы на транспорте работодателя [2, ст. 3]. Неправильное складирование товаров с превышением высоты приводит к падениям продукции на работников, опасность усугубляется весом стеклянной тары.

Особую категорию рисков составляют психофизиологические факторы, включая повреждения в результате противоправных действий третьих лиц. Практика магазинов самообслуживания свидетельствует о высокой вероятности агрессивного поведения покупателей, обусловленного состоянием алкогольного опьянения или отказом в продаже. Недостаточная подготовка персонала повышает степень реализации риска. Состояние здоровья работника (усталость, переутомление, хронические заболевания) также влияет на вероятность несчастного случая [5, с. 61]. Согласно Федеральному закону от 24.07.98 № 125-ФЗ, профессиональное заболевание определяется как результат воздействия вредного производственного фактора, повлекший утрату профессиональной трудоспособности [2, ст. 3].

В ООО «Альфа-М» функционирует система управления охраной труда, утвержденная приказом директора от 13 марта 2022 года № 76. Структура отдела охраны труда включает 13 сотрудников с распределением обязанностей по направлениям: производственный контроль, обучение, обеспечение средствами защиты, оценка рисков, пожарная и электробезопасность. Вопросы противодействия противоправным действиям третьих лиц в отдельное направление не выделены. Система обучения включает вводный, первичный, повторный, внеплановый и целевой инструктажи. При стопроцентном охвате работников обучением анализ содержания программ показывает недостаточное внимание к поведению при противоправных действиях

третьих лиц. В соответствии с Федеральным законом от 24.07.98 № 125-ФЗ, страхователь обязан обеспечивать меры по предотвращению страховых случаев [2, ст. 17].

Общее количество несчастных случаев за 2023–2024 годы составило 37, что при численности 3198 человек превышает среднеотраслевые значения. В 2023 году зарегистрировано 5 случаев профессиональной патологии с установлением третьей группы инвалидности, в 2024 году впервые выявленных профессиональных заболеваний не зафиксировано. Основными причинами несчастных случаев являются падения на скользких поверхностях, неправильное складирование и транспортные происшествия. Значительную долю составляют несчастные случаи по вине третьих лиц. Специфика розничной торговли алкогольной продукцией создает предпосылки для конфликтных ситуаций: отказ в продаже алкоголя может спровоцировать агрессивное поведение, работники не имеют специальной подготовки к таким ситуациям, значительные объемы наличных средств создают риски криминальных посягательств. В соответствии с Федеральным законом от 24.07.98 № 125-ФЗ, застрахованный имеет право на защиту своих прав и законных интересов [2, ст. 16].

Литература:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 25.12.2023).
2. Федеральный закон от 24.07.98 № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» (ред. от 20.02.2026).
3. Андруш, В. Г. Охрана труда: учебник / В. Г. Андруш, Л. Т. Ткачёва, К. Д. Яшин. — 3-е изд. — Минск: Республиканский институт профессионального образования (РИПО), 2024. — 339 с.
4. Кривова, М. А. Охрана труда: учебное наглядное пособие для СПО / М. А. Кривова, Д. А. Мельникова, Н. Г. Яговкин. — Саратов: Профобразование, 2022. — 156 с.
5. Орловский, С. Н. Охрана труда: учебное пособие / С. Н. Орловский. — Москва, Вологда: Инфра-Инженерия, 2025. — 120 с.

Проблемы реализации административно-правового регулирования ответственности контрольно-надзорных субъектов

Елкибаев Салават Айнурович, студент магистратуры
Уфимский университет науки и технологий

В статье рассмотрены проблемы реализации административно-правового регулирования ответственности контрольно-надзорных субъектов. Исследование показало, что противоречие между универсальным составом административного правонарушения и множественностью процедурных требований, установленных специальными нормами о конкретных видах государственного контроля (надзора), снижает эффективность правоприменения и создаёт неопределённость в квалификации нарушений. Предлагаются пути совершенствования механизма, включая разработку межотраслевого перечня грубых процедурных нарушений.

Ключевые слова: административная ответственность, субъекты, контрольно-надзорная деятельность, контроль и надзор, юридическая ответственность.

Административная ответственность субъектов контрольно-надзорной деятельности установлена в целях обеспечения реализации положений Федераль-

Проведенная идентификация и анализ производственных рисков в ООО «Альфа-М» позволили выявить комплекс опасных факторов, среди которых наиболее значимыми являются физические риски (падения на скользкой поверхности, при перемещении грузов, транспортные происшествия) и психофизиологические риски, обусловленные противоправными действиями третьих лиц. Существующая система управления охраной труда включает структурное подразделение, систему обучения и локальные нормативные акты, однако анализ травматизма показывает недостаточную эффективность мер в отношении рисков, связанных с агрессивным поведением покупателей, поскольку данный фактор не выделен в отдельную категорию и отсутствуют специализированные программы обучения персонала.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения подхода к идентификации рисков в аналогичных организациях. Статистика ООО «Альфа-М» свидетельствует о необходимости совершенствования управления рисками, связанными с противоправными действиями третьих лиц.

ного закона от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля

(надзора) и муниципального контроля» (далее — Федеральный закон № 294-ФЗ) [1], направленных на ограничение чрезмерного вмешательства в хозяйственную деятельность проверяемых лиц. Статья 19 Федерального закона № 294-ФЗ закрепляет перечень грубых нарушений, влекущих недействительность проверки, тем самым усиливая гарантии прав проверяемых лиц.

Рассматривая административную ответственность субъектов контрольно-надзорной деятельности, необходимо проанализировать статью 19.6.1 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее — КоАП РФ) [5]. Указанная статья предусматривает ответственность за несоблюдение законодательства о государственном контроле (надзоре), муниципальном контроле (далее — законодательство о контроле (надзоре)), которое включает, но не ограничивается одним упомянутым законом.

Отсылочная конструкция статьи 19.6.1 КоАП РФ позволяет законодателю расширять перечень правонарушений, поскольку её содержание охватывает практически любые случаи несоблюдения контрольно-надзорными органами требований законодательства о контроле (надзоре). Универсальный механизм привлечения к административной ответственности обеспечивает адаптацию правового регулирования к меняющимся условиям без необходимости кардинального пересмотра нормы. Вместе с тем широкое содержание нормы порождает риск неоднозначного толкования, что затрудняет четкое определение границ правомерного поведения для субъектов контрольно-надзорной деятельности.

Несмотря на системообразующее значение Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 249-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», закрепившего единые принципы контрольной деятельности, значительное количество видов государственного контроля продолжает регулироваться специальными правовыми актами, содержащими особенности организации отдельных видов надзора. Так, особенности федерального государственного санитарно-эпидемиологического контроля регламентируются Федеральным законом от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» [2], федеральный государственный пожарный надзор — Федеральным законом от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ «О пожарной безопасности» [3], государственный экологический контроль — Федеральным законом от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» [4] и т. д. Наличие большого массива специальных норм приводит к формированию множества процедурных требований, которые должны соблюдаться должностными лицами при осуществлении контрольных мероприятий.

В условиях, когда каждый вид контрольно-надзорных мероприятий имеет свои процедурные особенности, актуализируется проблема реализации административно-

правового механизма привлечения к ответственности соответствующих субъектов. Противоречие между унифицированным составом административного правонарушения и множественностью процедурных требований, установленных специальными законами, порождает неопределённость в квалификации нарушений, сложность доказывания вины должностного лица и, как следствие, низкую эффективность института административной ответственности контрольно-надзорных субъектов.

Например, на практике нередки случаи, когда контрольный орган инициирует внеплановую проверку на основании обращения гражданина, не содержащего достаточных данных о фактах нарушения обязательных требований. Судебная практика показывает отсутствие единообразного подхода: в одних случаях подобные действия квалифицируются по части 1 статьи 19.6.1 КоАП РФ как нарушение порядка организации и проведения проверки, в других рассматриваются как дисциплинарный проступок либо вовсе не влекут юридической ответственности вследствие признания нарушения малозначительным

В современных условиях одним из направлений совершенствования механизма привлечения к административной ответственности контрольно-надзорных субъектов выступает цифровизация контрольных и надзорных процедур. Она реализуется в рамках национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», утверждённой распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р [6], а также во исполнение Указа Президента от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [7], предусматривающего цифровую трансформацию государственного управления. Однако сама по себе цифровизация не устраняет неопределённости отсылочной нормы — она может лишь облегчить фиксацию нарушений и унифицировать документооборот.

Также необходимо рассмотреть возможность разработки межотраслевого перечня процедурных нарушений, по аналогии со ст. 20 Федерального закона № 294-ФЗ (грубые нарушения порядка проведения проверки), влекущих безусловную ответственность по статье 19.6.1 КоАП РФ, независимо от вида контроля. Такой перечень должен утверждаться Правительством РФ по согласованию с Генеральной прокуратурой.

Предлагаемые изменения позволят достичь баланса между универсальностью правового регулирования и учётом отраслевых особенностей, что в конечном счёте укрепит законность и защиту прав проверяемых лиц. Внедрение межотраслевого перечня грубых процедурных нарушений повысит предсказуемость квалификации действий должностных лиц и облегчит доказывание вины. Дальнейшие исследования могут быть направлены на анализ правоприменительной практики по ст. 19.6.1 КоАП РФ и разработку цифровых инструментов контроля за соблюдением процедурных требований.

Литература:

1. Федеральный закон «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ (последняя редакция)
2. Федеральный закон «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» от 30.03.1999 N 52-ФЗ (последняя редакция)
3. Федеральный закон «О пожарной безопасности» от 21.12.1994 N 69-ФЗ (последняя редакция)
4. Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 N 7-ФЗ (последняя редакция)
5. КоАП РФ Статья 19.6.1. Несоблюдение должностными лицами органов государственного контроля (надзора), органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, государственных корпораций, публично-правовых компаний, наделенных полномочиями по осуществлению государственного контроля (надзора), муниципального контроля, требований законодательства о государственном контроле (надзоре), муниципальном контроле (в ред. Федерального закона от 04.11.2022 N 411-ФЗ)
6. Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 N 1632-р Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»
7. Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. N 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»
8. Морозов С. А. Современное правовое регулирование административных контрольно-надзорных процедур // Право и политика. 2024. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-pravovoe-regulirovanie-administrativnyh-kontrolno-nadzornyh-protsedur> (дата обращения: 03.06.2026).
9. Проблема толкования государственного контроля (надзора) в разрезе КоАП. [Электронный ресурс] // URL: https://zakon.ru/blog/2023/9/22/problema_tolkovaniya_gosudarstvennogo_kontrolya_nadzora_v_razreze_koap (дата обращения: 12.05.2026).
10. Судебная практика по ст. 19.6.1 КоАП РФ. [Электронный ресурс] // URL: https://dogovor-urist.ru/судебная_практика/статья/коап_рф/ст_19_6_1/ (дата обращения: 12.05.2026).

Понятие организации занятия проституцией как правового и социального явления

Зуева Елизавета Владимировна, студент;

Пачгин Вадим Игоревич, студент

Научный руководитель: Пропостин Андрей Александрович, кандидат юридических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский государственный университет

Статья посвящена исследованию объективной стороны организации занятия проституцией как состава преступления, предусмотренного статьей 241 Уголовного кодекса РФ и уголовно-правовой категории. Авторы освещают проблематику определения понятий «организация занятия проституцией», «содержание притонов для занятия проституцией», «систематическое предоставление помещений для занятия проституцией», а именно неясность соотношения указанных категорий между собой, отсутствие законодательного определения каждого из понятий.

Ключевые слова: организация занятия проституцией, содержание притонов для занятия проституцией, систематическое предоставление помещений для занятия проституцией, секс-индустрия, оказание услуг интимного характера.

В Уголовном кодексе Российской Федерации среди преступлений против здоровья населения и общественной нравственности установлена уголовная ответственность за организацию занятия проституцией (ст. 241 УК РФ).

Из содержания статьи 241 УК РФ следует, что «организация занятия проституцией» как уголовно-правовая категория является понятием собирательным, поскольку ч. 1 указанной нормы Особенной части УК РФ определяет, что уголовно наказуемыми в Российской Федерации яв-

ляются: — содержание притонов для занятия проституцией; — систематическое предоставление помещений для занятия проституцией. Содержание этой статьи многими исследователями уголовной ответственности за преступления, способствующими распространению такого социального явления как проституция, оценивается критически. В основном это связано с неразработанностью понятийного аппарата. [1]

В УК РФ отсутствуют легальные определения «проституция», «организации занятия проституцией», «при-

тоны», «содержание притонов для занятия проституцией», «систематическое предоставление помещений для занятия проституцией». В связи с этим в учебной и научной литературе можно встретить различные подходы к пониманию указанных понятий как уголовно-правовых категорий.

Говоря о понятии «проституция», в справочной литературе оно определяется как «продажа женщинами своего тела с целью добыть средства к существованию, а также с целью личного обогащения» [2], «вступление за плату в сексуальные отношения, не основанные на личной симпатии (влечении)» [3]. Однако приведенные определения из справочной литературы в полной мере не охватывают признаки рассматриваемого явления. Е. Н. Курилова своей работе исследовала различные позиции ученых в сфере уголовного права относительно понятия «проституция» и предлагает следующую дефиницию проституции как социально-правового явления: «это систематическая, промысловая деятельность лица (как женского, так и мужского пола), направленная на извлечение материальной выгоды, путем предоставления своих сексуальных услуг другим лицам, которая влечет за собой негативные медицинские и социальные последствия» [4]. На наш взгляд, указанное определение содержит в себе все существенные признаки рассматриваемого явления.

Что касается определения понятий «организация занятия проституцией», «содержание притонов для занятия проституцией», «систематическое предоставление помещений для занятия проституцией», по нашему мнению, можно выделить две самостоятельных проблемы:

1) неясность в соотношении указанных категорий между собой;

2) отсутствие законодательного определения каждого из понятий;

В работе Чумаченко А. С. представлено несколько позиций, разработанных в науке. Согласно первой позиции, организация занятия проституцией выделяется как собирательная категория, разновидностью которой являются содержание притонов для занятия проституцией и систематическое предоставление помещений для занятия проституцией. Вторая позиция — рассматриваемые категории являются самостоятельными формами объективной стороны состава преступления, предусмотренного ч.1 ст. 241 УК. [5]

Из анализа автором работы мнений иных исследователей следует, что разграничивать содержание притонов и систематического предоставления помещений для занятия проституцией по критерию приспособленности некорректно, поскольку по смыслу статьи притон понима-

ется исключительно в целях проституции, а не комплекса услуг и особых приспособлений не требует. В таком случае возникает вопрос о том, как следует разграничивать данные категории. Суды при квалификации действий по ст. 241 УК РФ формы организации не выделяют вообще, ограничиваясь формулировкой «организация занятия проституцией». В связи с чем автор предлагает вообще законодательно отказаться от выделения форм организации занятия проституцией.

Л. В. Готчина и Е. Н. Курилова понимают под содержанием притонов для занятия проституцией владение или аренду помещения, совершения действий, обеспечивающих его функционирование (уборку, смену белья, поддержание помещения в надлежащем виде, снабжению его мебелью и необходимыми аксессуарами). А под систематическим предоставлением помещений авторы понимают такое деяние, при котором помещение сдается как организованной группе лиц, для оказания платных сексуальных услуг, так и одной проститутке [6]. Кроме того, Готчина и Курилова предлагают разграничивать эти категории по критерию приспособленности («предоставленное помещение не приспособлено для оказания сексуальных услуг, что является главным условием при содержании притона, так как притон включает в себя целый комплекс услуг за определенную плату, а помещение, переданное для занятия проституцией, предназначено лишь для оказания сексуальных услуг»), что критикуется А. С. Чумаченко.

Готчина и Курилова предлагают понимать под организацией занятия проституцией подбор персонала в сфере секс-индустрии, наем лиц для охраны, распространение рекламы, поиск клиентов, предоставление транспорта, финансовое обеспечение, привлечение к такой деятельности медицинских работников, сбор и распределение денежных средств.

Таким образом, очевидно, что законодателю необходимо доработать положения ч.1 ст. 241 УК РФ. На наш взгляд, следует отказаться от выделения форм организации занятия проституцией и разработать легальное определение для данной уголовно-правовой категории.

По нашему мнению, под организацией занятия проституцией следует понимать деятельность, направленную на регулирование и обеспечение условий для занятия проституцией другими лицами, которая может быть выражена в содержании притонов для занятия проституцией, систематическом предоставлении помещений для занятия проституцией, подборе персонала, поиске и подготовке помещений, рекламе услуг, поиске клиентов, финансовом обеспечении и других действиях.

Литература:

1. Чумаченко А. С. Уголовно-правовой анализ организации занятия проституцией / А. С. Чумаченко. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2024. — № 29 (528). — С. 154. — URL: <https://moluch.ru/archive/528/116757/>
2. Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведова. — [Б. м.], 2025. — С. 1. — URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/191466>

3. Большая российская энциклопедия. — [Б. м.], 2025. — С. 1. — URL: <https://old.bigenc.ru/law/text/3168631>
4. Курилова, Е. Н. Проституция как социально-правовое явление и факторы, способствующие сексуальной эксплуатации несовершеннолетних / Е. Н. Курилова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2015. — № 4(68). — С. 118. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prostitutsiya-kak-sotsialno-pravovoe-yavlenie-i-factory-sposobstvuyuschie-seksualnoy-ekspluatatsii-nesovershennoletnih>
5. Чумаченко А. С. Уголовно-правовой анализ организации занятия проституцией / А. С. Чумаченко. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2024. — № 29 (528). — С. 154. — URL: <https://moluch.ru/archive/528/116757/>
6. Чумаченко А. С. Уголовно-правовой анализ организации занятия проституцией / А. С. Чумаченко. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2024. — № 29 (528). — С. 154. — URL: <https://moluch.ru/archive/528/116757/>

Проблематика объективной стороны организации занятия проституцией как состава преступления

Зуева Елизавета Владимировна, студент;

Пачгин Вадим Игоревич, студент

Научный руководитель: Пропостин Андрей Александрович, кандидат юридических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский государственный университет

Статья посвящена исследованию объективной стороны организации занятия проституцией как состава преступления, предусмотренного статьей 241 Уголовного кодекса РФ и уголовно-правовой категории. Авторы освещают проблематику определения понятий «организация занятия проституцией», «содержание притонов для занятия проституцией», «систематическое предоставление помещений для занятия проституцией, а также на примере судебной практики показывают, как существующие проблемы вызывают трудности у правоприменителей.

Ключевые слова: организация занятия проституцией, содержание притонов для занятия проституцией, систематическое предоставление помещений для занятия проституцией, секс-индустрия, оказание услуг интимного характера.

В диспозиции ч.1 ст. 241 УК РФ установлено три формы совершения рассматриваемого деяния, за которые предусматривается уголовная ответственность — это организация занятия проституцией другими лицами; содержание притонов для занятия проституцией; систематическое предоставление помещений для занятия проституцией.

Состав преступления является формальным, в связи с чем преступление считается оконченным с момента выполнения хотя бы одного из действий, указанных в диспозиции.

Объективная сторона деяния, предусмотренного ч.1 ст. 241 УК РФ, в доктрине представляет собой достаточно популярный предмет для различного рода дискуссий. Вероятно, это обусловлено отсутствием легальных определений указанных уголовно-правовых категорий. Конечно, этот фактор выступает причиной неопределенности в толковании норм правоприменителями, а это является проблемой в уголовном праве, требующей незамедлительного реагирования государства и ее устранения.

В учебной литературе раскрывают понятие и значение таких уголовно-правовых категорий достаточно кратко. Так, например, в учебнике А. И. Чучаева рассматривают организацию занятия проституцией другими лицами как выполнение действий, направленных на регулирование занятия проституцией другими лицами (определение оплаты, распределение обязанностей и т. д.). Под содер-

жанием притонов — обеспечение мест для таких занятий, а под систематическим предоставлением помещений — предоставление более двух раз. [1]. В учебнике под редакцией Л. М. Прокументова к деяниям, направленным на организацию занятия проституцией относят подбор мужчин и женщин, желающих оказывать сексуальные услуги на постоянной основе в притонах; выборе помещений для занятия проституцией, их обустройстве; обеспечении охраны, логистики и других служб, обеспечивающих работу притона; рекламе оказываемых сексуальных услуг, поиске клиентуры и т. п. [2] В свою очередь, толкование организации притона и содержания притона для занятия проституцией автор учебника рассматривает через официальное толкование организации и содержания притонов в целях потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, указанное в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ. [3] А под систематическим предоставлением помещений для занятия проституцией понимается предоставление в указанных целях комнат, квартир, загородных домов, дач, спортивных и оздоровительных комплексов (помещений в них) и т. п. не менее двух раз. Некоторые авторы считают, что под систематичностью в данном случае следует понимать предоставление помещений не менее трех раз. Однако законодатель четко обозначил количественный критерий систематичности, указав в примечании к ст. 232 УК РФ, что под систематическим предоставлением поме-

щений в настоящей статье, а также в ст. 241 УК РФ понимается предоставление помещений более двух раз.

Если мы рассмотрим судебную практику по данному деянию, то можем так же судить о неоднозначности в понимании сущности деяний, отраженных в диспозиции ч.1 ст. 241 УК РФ:

1. Приговор № 1-682/2024 от 19 июля 2024 г. по делу № 1-682/2024

ФИО совершила организацию занятия проституцией другими лицами, а равно содержание притона для занятия проституцией. Из обстоятельств дела следует, что ФИО с целью извлечения материальной выгоды из занятия проституцией другими лицами в осуществляла организационно-административные функции в салоне по оказанию услуг сексуального характера в виде эротического массажа за денежное вознаграждение, принимала заказы от клиентов и предоставляла к осмотру клиентам девушек, оказывающих услуги в виде эротического массажа, осуществляла контроль за временем посещения салона, записывая время прибытия клиента и имя девушки, оказывающей услугу и т.д., осуществляла контроль за наличием средств личной гигиены, по итогам рабочей смены выдавала девушкам заработную плату. [4]

Суд квалифицировал деяние по ч.1 ст. 241 УК РФ как организацию занятия проституцией другими лицами, а равно содержание притона для занятия проституцией.

2. Приговор № 1-143/2024 от 15 июля 2024 г. по делу № 1-143/2024

ФИО являясь ИП, с целью извлечения материальной выгоды за оказание иными лицами услуг сексуального характера арендовала помещение, оборудовала его как салон эротического массажа. Осуществляла организационно-административные функции, выдавала заработную плату девушкам, оказывающим услуги сексуального характера в виде эротического характера и классического секса, определяла перечень услуг и стоимость и т. д. [5]

Действия подсудимой суд квалифицировал по ч.1 ст. 241 УК РФ как организацию занятия проституцией другими лицами, а равно содержание притона для занятия проституцией.

3. Приговор № 1-284/2024 от 13 июня 2024 г. по делу № 1-284/2024

ФИО1 совершил деяния, направленные на организацию занятия проституцией другими лицами, а равно содержание притона для занятия проституцией и систе-

матическое предоставление помещения для занятия проституцией.

Исходя из обстоятельств дела, ФИО1 осуществлял аналогичные деяния, что и лицо, в отношении которого был вынесен приговор № 2, приведенный нами ранее, однако указывается, что в целях извлечения материальной выгоды, ФИО1 наряду с организацией и содержанием притона для занятия проституцией приискал помещение, которое так же использовалось для оказания сексуальных услуг другими лицами. [6]

Из рассматриваемого приговора не достаточно ясно усматривается грань между содержанием притона для занятия проституцией и систематическим предоставлением помещений.

4. Приговор № 1-668/2024 от 4 июня 2024 г. по делу № 1-668/2024

Суд квалифицировал как организацию занятия проституцией по ч.1 ст. 241 УК РФ.

Из обстоятельств дела следует, что ФИО1 организовала в гостинице «Кавказ» и приняла на работу в качестве проститутки для оказания клиентам платных сексуальных услуг, которым установила и разъяснила условия оказания сексуальных услуг клиентам в указанной гостинице. Осуществляла прием заказов от клиентов, разъясняла им условия и стоимость оказания проститутками платных сексуальных услуг. Далее сообщала о поступившем заказе проституткам, а также указывала адрес расположения гостиницы-притона. После чего получала денежные средства за оказанные ею платные сексуальные услуги от проститутки либо от самих клиентов наличными денежными средствами, либо безналичными денежными средствами путем перевода на принадлежащую ей банковскую карту. [7]

В данном случае суд не указал, что квалифицирует деяние как организацию занятия проституцией и, например, систематическое предоставление помещения для занятия проституцией или организацию притона для занятия проституцией, хотя из обстоятельств дела усматривается, что ФИО1 предоставляла помещение, кроме того, в приговоре указывается на «гостиницу-притон».

Таким образом, мы можем сделать вывод, что размытость формулировки диспозиции ч.1 ст. 241 УК РФ порождает неоднозначность в том числе на практике, то есть в правоприменении рассматриваемого состава.

Литература:

1. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / под ред. проф. Ю. В. Грачевой и проф. А. И. Чуачаева — М.: Инфра-М; Znanium.com — 2017 — С. 233. — URL: <https://znanium.ru/read?id=309089>
2. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под общ. ред. Прокументова. — Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2019. — С. 512 — URL: <https://jasulib.org/kg/wp-content/uploads/2024/04/Уголовное-право.-Особенная-часть.pdf>
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 N 14 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами»

4. Приговор № 1–682/2024 от 19 июля 2024 г. по делу № 1–682/2024 — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/kkmYfVcE12xU/>
5. Приговор № 1–143/2024 от 15 июля 2024 г. по делу № 1–143/2024 — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/blmhfHZmFQNG/>
6. Приговор № 1–284/2024 от 13 июня 2024 г. по делу № 1–284/2024 — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/OAvhyg6KLSYm/>
7. Приговор № 1–668/2024 от 4 июня 2024 г. по делу № 1–668/2024 — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/S9w2bBx2BOYa/>

Налоговая реконструкция при выявлении дробления бизнеса: современные проблемы правоприменения

Комиссарова Александра Сергеевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Институт противодействия получению необоснованной налоговой выгоды в последние годы претерпел существенные изменения, обусловленные развитием как законодательства, так и судебной практики. Одним из наиболее распространенных оснований проведения мероприятий налогового контроля остается искусственное дробление бизнеса, используемое налогоплательщиками для сохранения права на применение специальных налоговых режимов, снижения налоговой нагрузки либо перераспределения налоговых обязательств между взаимозависимыми лицами. Анализ современной судебной практики свидетельствует о том, что споры, связанные с квалификацией деятельности налогоплательщиков как схем дробления бизнеса, занимают значительное место среди дел о получении необоснованной налоговой выгоды [5; 14; 19; 22].

Принятие статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации изменило подход к оценке действий налогоплательщиков. Если ранее ключевое значение придавалось установлению недобросовестности и формального характера хозяйственных операций, то в настоящее время правоприменительная практика ориентирована на определение действительного объема налоговой обязанности исходя из реального экономического содержания деятельности налогоплательщика. Именно такой подход получил в судебной практике наименование налоговой реконструкции [1; 3; 15].

Несмотря на широкое применение данного механизма, налоговая реконструкция не получила самостоятельного законодательного регулирования. Налоговый кодекс Российской Федерации не содержит ее определения, оснований и порядка проведения, а также критериев определения действительной налоговой обязанности. В результате соответствующие подходы были сформированы преимущественно судебной практикой и разъяснениями Федеральной налоговой службы России, что обусловило неоднородность правоприменения при разрешении налоговых споров [1; 15; 16; 17].

Наиболее остро указанные проблемы проявляются при рассмотрении дел о дроблении бизнеса. Установление факта искусственного разделения предпринимательской деятельности само по себе не позволяет определить размер налоговых обязательств, подлежащих уплате в бюджет. Для этого требуется восстановление реальных экономических показателей деятельности налогоплательщика, консолидация доходов и расходов, учет налогов, ранее уплаченных участниками соответствующей структуры, а также определение налогового режима, который подлежал бы применению при отсутствии искусственного разделения бизнеса. Именно на этом этапе возникает большинство практических вопросов, не получивших единообразного разрешения в законодательстве и судебной практике.

Дополнительную актуальность исследованию придают изменения государственной политики в сфере противодействия дроблению бизнеса. Наряду с сохранением курса на пресечение схем получения необоснованной налоговой выгоды законодатель внедрил механизм налоговой амнистии при добровольном отказе от дробления бизнеса. Это требует переосмысления роли налоговой реконструкции в системе налогового контроля и оценки ее значения для обеспечения баланса публичных интересов государства и имущественных прав налогоплательщиков [4; 20].

Таким образом, налоговая реконструкция представляет собой один из ключевых элементов современного механизма налогового контроля, позволяющий определить действительный объем налоговой обязанности после выявления искусственного дробления бизнеса. Вместе с тем отсутствие нормативного регулирования порядка ее проведения, сохранение значительной роли судебного усмотрения и неоднородность правоприменительной практики свидетельствуют о необходимости комплексного научного исследования данного института, направленного на выработку предложений по совершенствованию законодательства и практики его применения [1; 6; 7; 8].

Цель настоящего исследования заключается в комплексном анализе правовой природы налоговой реконструкции при выявлении дробления бизнеса, исследовании действующего правового регулирования и судебной практики, выявлении существующих проблем правоприменения, а также разработке предложений по совершенствованию законодательства и практики его применения.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: исследовать содержание понятия налоговой реконструкции и определить ее место в системе налогового права; раскрыть правовую природу дробления бизнеса как основания проведения налоговой реконструкции; проанализировать нормативные и судебные основания применения налоговой реконструкции; исследовать механизм определения действительной налоговой обязанности; определить особенности распределения бремени доказывания при рассмотрении соответствующих налоговых споров; выявить основные проблемы современной судебной практики и сформулировать предложения по совершенствованию действующего законодательства.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся при осуществлении налогового контроля в случаях выявления искусственного дробления бизнеса.

Предмет исследования составляют положения налогового законодательства Российской Федерации, правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации, судебная практика арбитражных судов, разъяснения Федеральной налоговой службы России, а также научные исследования, посвященные вопросам налоговой реконструкции, необоснованной налоговой выгоды и дробления бизнеса [1; 2; 5; 14; 15; 16; 17; 19].

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы познания, включая анализ, синтез, системный и сравнительно-правовой методы, а также специальные юридические методы: формально-юридический, метод толкования правовых норм и метод анализа судебной практики.

Научная новизна исследования определяется комплексным анализом института налоговой реконструкции с учетом современных изменений законодательства и судебной практики, включая формирование механизма налоговой амнистии при отказе от дробления бизнеса. В работе обосновывается необходимость нормативного закрепления института налоговой реконструкции, предлагаются подходы к определению порядка ее проведения и процессуальных гарантий, обеспечивающих соблюдение баланса публичных и частных интересов при определении действительной налоговой обязанности.

Несмотря на то что термин «налоговая реконструкция» получил широкое распространение в судебной практике и научной литературе сравнительно недавно, предпосылки формирования данного института возникли задолго до появления статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации. Его развитие представляет собой

пример последовательного формирования правового механизма преимущественно судебной практикой в условиях отсутствия специального законодательного регулирования.

Первоначально противодействие злоупотреблениям в сфере налогообложения основывалось на концепции недобросовестности налогоплательщика. Ключевую роль в ее становлении сыграло Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12 октября 2006 г. № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды». Впервые были систематизированы признаки необоснованной налоговой выгоды и закреплён подход, согласно которому налоговые последствия должны определяться с учетом действительного экономического содержания хозяйственных операций, а не только их формального оформления [5].

Вместе с тем Постановление № 53 регулировало главным образом вопросы квалификации налоговой выгоды как необоснованной и не содержало правил определения размера налоговых обязательств после выявления злоупотребления. На практике это нередко приводило к полному исключению расходов налогоплательщика либо отказу в применении налоговых вычетов без оценки того, каким был бы действительный размер налоговой обязанности при надлежащем исполнении требований налогового законодательства. Подобный подход подвергался обоснованной критике, поскольку фактически приводил к налогообложению последствий нарушения, а не реального экономического результата деятельности.

Следующим этапом развития института стало принятие Федерального закона от 18 июля 2017 г. № 163-ФЗ, которым Налоговый кодекс Российской Федерации был дополнен статьей 54.1. Законодатель отказался от использования оценочной категории недобросовестности налогоплательщика и определил пределы осуществления права на уменьшение налоговой обязанности посредством закрепления критериев допустимого налогового поведения [3].

Однако статья 54.1 НК РФ не решила вопрос о порядке определения действительной налоговой обязанности после выявления искажения сведений о фактах хозяйственной жизни или искусственного распределения предпринимательской деятельности между взаимозависимыми лицами. Закон определил основания отказа в налоговой выгоде, но не установил механизм расчета налоговых обязательств в подобных ситуациях [1; 15; 16].

Формирование такого механизма произошло в последующем благодаря судебной практике Верховного Суда Российской Федерации. При рассмотрении налоговых споров Суд последовательно исходил из того, что выявление нарушения само по себе не освобождает налоговый орган от обязанности определить размер налога, который подлежал бы уплате при отсутствии соответствующего нарушения. Следовательно, налоговые последствия должны определяться исходя из действительного эконо-

мического содержания хозяйственной деятельности, а не исключительно из формального характера выявленных нарушений [9; 10; 11; 12; 13; 14].

Дальнейшее развитие данный подход получил в административной практике Федеральной налоговой службы России. Существенное значение имели письма ФНС России от 10 марта 2021 г. № БВ-4-7/3060@ и от 14 октября 2022 г. № БВ-4-7/13774@, в которых были обобщены основные правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации относительно определения действительной налоговой обязанности, распределения бремени доказывания и учета фактически произведенных расходов при применении статьи 54.1 НК РФ [15; 17].

Таким образом, современная модель налоговой реконструкции сформировалась преимущественно в судебной и административной практике. Несмотря на широкое применение данного института, Налоговый кодекс Российской Федерации по-прежнему не содержит его определения, не устанавливает основания и пределы проведения реконструкции, а также не закрепляет единых правил определения действительной налоговой обязанности. В результате один из ключевых элементов современного механизма налогового контроля продолжает существовать в условиях нормативной неопределенности, что негативно отражается на единообразии правоприменения и предсказуемости налоговых последствий для участников экономической деятельности [1; 6; 7; 8].

Несмотря на широкое использование термина «налоговая реконструкция» в судебной практике и профессиональной литературе, действующее налоговое законодательство Российской Федерации не содержит его определения. Отсутствие нормативного закрепления обусловило формирование содержания данного института преимущественно в судебной практике и административных разъяснениях Федеральной налоговой службы России [1; 15; 16; 17].

В юридической литературе отсутствует единый подход к пониманию налоговой реконструкции. Наиболее распространенной является позиция, согласно которой она представляет собой способ определения действительной налоговой обязанности после установления факта получения необоснованной налоговой выгоды. Наряду с этим отдельные авторы рассматривают налоговую реконструкцию как механизм восстановления экономического содержания хозяйственных операций либо как самостоятельный правовой инструмент реализации принципа справедливого налогообложения посредством исчисления налогов исходя из фактических результатов предпринимательской деятельности [21; 24].

Несмотря на различия в научных подходах, их объединяет общий признак: налоговая реконструкция применяется не для установления факта налогового нарушения, а после его выявления, когда возникает необходимость определить размер налоговой обязанности, соответствующий реальному экономическому содержанию хозяйственной деятельности. Следовательно, реконструкция

представляет собой самостоятельный этап определения налоговых последствий уже установленного нарушения налогового законодательства.

Такой подход последовательно отражен в практике Верховного Суда Российской Федерации. Суд исходит из того, что установление необоснованной налоговой выгоды само по себе не является основанием для определения налоговой обязанности в размере, превышающем реальные потери бюджета. При применении статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации налоговые последствия должны определяться так, как если бы хозяйственные операции были совершены и отражены в соответствии с их действительным экономическим содержанием. Указанные выводы получили дальнейшее развитие в разъяснениях ФНС России, обобщивших соответствующую судебную практику [16].

Из этого следует, что налоговая реконструкция не носит карательного характера. Ее назначение состоит не в увеличении суммы налоговых доначислений вследствие выявленного нарушения, а в определении действительного объема налоговой обязанности. В отличие от мер налоговой ответственности, предусмотренных главой 16 Налогового кодекса Российской Федерации, реконструкция направлена на устранение последствий как необоснованного уменьшения, так и необоснованного увеличения налоговой обязанности [1].

Не представляется обоснованным и отождествление налоговой реконструкции с расчетным способом определения налоговых обязательств, предусмотренным подпунктом 7 пункта 1 статьи 31 НК РФ. Расчетный метод применяется при невозможности определить налоговую обязанность на основании имеющихся документов вследствие отсутствия учета либо непредставления необходимых сведений. Основанием же налоговой реконструкции является необходимость определить действительный размер налоговой обязанности после устранения последствий искусственного искажения хозяйственной деятельности. Следовательно, указанные институты имеют различную правовую природу, цели и основания применения [1].

Не может рассматриваться налоговая реконструкция и в качестве самостоятельной формы налогового контроля. Перечень таких форм закреплен в статье 82 Налогового кодекса Российской Федерации и является исчерпывающим. Реконструкция осуществляется в рамках уже проводимой налоговой проверки и представляет собой элемент определения налоговых последствий выявленных нарушений, а не самостоятельную контрольную процедуру [1].

Правовая природа налоговой реконструкции наиболее полно раскрывается через категорию действительной налоговой обязанности. Ее содержание заключается в определении суммы налога, которая подлежала бы уплате при отсутствии злоупотребления правом и при надлежащем отражении хозяйственной деятельности. Такой подход исключает как сохранение необоснованной налоговой

выгоды, так и взыскание налогов в размере, превышающем фактическую налоговую обязанность.

Применительно к делам о дроблении бизнеса это означает, что налоговая реконструкция предполагает не простое объединение доходов взаимозависимых лиц, а комплексное определение налоговых обязательств с учетом произведенных расходов, ранее уплаченных налогов, применявшихся налоговых режимов и иных обстоятельств, характеризующих действительные экономические результаты предпринимательской деятельности. Именно такой подход сформулирован Верховным Судом Российской Федерации, который указал на необходимость учета налогов, ранее уплаченных участниками искусственно разделенной структуры, при определении налоговой обязанности лица, признанного фактическим субъектом предпринимательской деятельности [10; 11; 17].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что налоговая реконструкция представляет собой особый правовой механизм определения действительной налоговой обязанности, применяемый после установления факта неправомерного уменьшения налоговых обязательств посредством искажения сведений о хозяйственной деятельности либо искусственного распределения предпринимательской деятельности между взаимозависимыми лицами. Ее содержание заключается не в применении дополнительных мер государственного принуждения, а в восстановлении тех налоговых последствий, которые возникли бы при добросовестном исполнении налогоплательщиком своих обязанностей.

Исходя из изложенного, налоговую реконструкцию целесообразно определить как основанный на принципе определения действительной налоговой обязанности правовой механизм перерасчета налоговых обязательств, применяемый после установления факта получения необоснованной налоговой выгоды и направленный на определение размера налогов, подлежащих уплате исходя из реального экономического содержания хозяйственной деятельности.

Одним из наиболее распространенных оснований проведения налоговой реконструкции является установление факта искусственного дробления бизнеса. Несмотря на длительное использование данного термина в судебной практике и налоговом администрировании, до принятия Федерального закона от 12 июля 2024 г. № 176-ФЗ российское законодательство не содержало его определения; в настоящее время оно закреплено исключительно для целей применения налоговой амнистии и не приобрело значения общей нормы налогового законодательства [4].

Само по себе создание нескольких юридических лиц либо регистрация нескольких индивидуальных предпринимателей не противоречит законодательству Российской Федерации. Конституционный принцип свободы экономической деятельности позволяет хозяйствующим субъектам самостоятельно определять организационную структуру бизнеса, распределять предпринимательские функции и выбирать применяемый налоговый режим.

Следовательно, наличие взаимосвязанных организаций само по себе не свидетельствует о нарушении налогового законодательства [22; 23].

Правовое значение имеет не количество участников предпринимательской деятельности, а экономическое содержание созданной структуры. Если разделение бизнеса обусловлено исключительно либо преимущественно стремлением уменьшить налоговую нагрузку при отсутствии самостоятельной хозяйственной функции каждого участника, возникают основания для вывода о получении необоснованной налоговой выгоды.

Именно такой подход закреплен в статье 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации, которая допускает уменьшение налоговой обязанности лишь при отсутствии искажения сведений о фактах хозяйственной жизни и при условии, что основной целью соответствующих действий не является неуплата либо неполная уплата налога [1; 3; 14].

В судебной практике сформирован комплекс признаков, позволяющих установить искусственное дробление бизнеса. К ним относятся единое руководство несколькими организациями, использование общих трудовых и материальных ресурсов, единая кадровая и бухгалтерская политика, совпадение поставщиков и покупателей, централизованное управление денежными потоками, а также распределение доходов между взаимозависимыми лицами с целью сохранения права на применение специальных налоговых режимов [14; 19; 22; 23].

Вместе с тем Верховный Суд Российской Федерации неоднократно подчеркивал, что ни один из указанных признаков не обладает самостоятельным доказательственным значением. Вывод о наличии схемы дробления бизнеса может быть сделан только на основании оценки совокупности обстоятельств конкретного дела. Само по себе совпадение участников, руководителей, адресов регистрации либо наличие взаимозависимости не свидетельствует об искусственном характере организации предпринимательской деятельности [14; 19].

Определяющее значение имеет наличие либо отсутствие самостоятельной деловой цели. Если распределение деятельности между несколькими лицами обусловлено объективными экономическими причинами — различными направлениями бизнеса, необходимостью разделения и имущественных рисков, особенностями управления либо требованиями отраслевого регулирования, — налоговая экономия сама по себе не свидетельствует о злоупотреблении правом. И наоборот, отсутствие самостоятельной хозяйственной функции участников при наличии единого центра принятия решений является одним из ключевых критериев искусственного дробления бизнеса [1; 5; 14; 22].

Установление факта дробления бизнеса означает лишь наличие оснований для пересмотра налоговых последствий соответствующей деятельности. Само по себе признание нескольких организаций единым хозяйствующим субъектом не позволяет определить размер налоговых

обязательств, поскольку требует восстановления действительных экономических результатов деятельности. Именно поэтому следующим этапом становится налоговая реконструкция, предполагающая консолидацию доходов и расходов, учет ранее уплаченных налогов, применявшихся налоговых режимов и иных обстоятельств, влияющих на определение действительной налоговой обязанности [10; 11; 14; 17].

Отказ от проведения такой реконструкции приводит к определению налоговой обязанности без учета реальных экономических показателей деятельности. Если налоговый орган учитывает только совокупный объем доходов, но не принимает во внимание произведенные расходы и налоги, ранее уплаченные участниками искусственно разделенной структуры, размер доначислений перестает соответствовать действительному объекту налогообложения и фактически приобретает штрафной характер, что противоречит принципам экономической обоснованности налогообложения и соразмерности государственного вмешательства [6; 9; 10; 11].

Таким образом, дробление бизнеса следует рассматривать не как самостоятельное налоговое правонарушение, а как способ неправомерного уменьшения налоговой обязанности посредством искусственного распределения предпринимательской деятельности между взаимозависимыми лицами. Его выявление влечет необходимость определения действительного размера налоговой обязанности посредством проведения налоговой реконструкции, что позволяет одновременно исключить сохранение необоснованной налоговой выгоды и предотвратить взывание налогов в размере, превышающем фактические налоговые обязательства.

Установление факта искусственного дробления бизнеса само по себе не определяет размер налоговых обязательств налогоплательщика. Признание нескольких взаимозависимых лиц единым хозяйствующим субъектом означает лишь наличие оснований для пересмотра налоговых последствий их деятельности. Следующим этапом становится определение действительного размера налоговой обязанности посредством проведения налоговой реконструкции.

Действующее налоговое законодательство не содержит специального порядка проведения налоговой реконструкции. В связи с этим соответствующий механизм сформировался преимущественно на основе судебной практики Верховного Суда Российской Федерации и разъяснений Федеральной налоговой службы России, прежде всего письма ФНС России от 14 октября 2022 г. № БВ-4-7/13774@, обобщившего сложившиеся подходы к определению действительной налоговой обязанности [17].

Проведение налоговой реконструкции предполагает последовательное решение нескольких взаимосвязанных задач. Прежде всего определяется круг лиц, деятельность которых подлежит консолидации для целей налогообложения. Налоговый орган должен установить не только взаимозависимость участников, но и наличие единого

хозяйствующего субъекта, что подтверждается исследованием организационной структуры бизнеса, распределения управленческих функций, движения денежных средств, использования трудовых и материальных ресурсов, а также иных обстоятельств, свидетельствующих о существовании единого центра принятия управленческих решений [14; 19].

После определения состава участников осуществляется консолидация финансовых результатов их деятельности. При этом объединению подлежат не только доходы, но и расходы, фактически понесенные всеми участниками единой предпринимательской деятельности. Такой подход обусловлен тем, что действительный экономический результат определяется совокупностью доходов и расходов, а игнорирование последних неизбежно приводит к искусственному завышению налоговой базы [10; 11; 17].

Именно вопрос учета расходов продолжает оставаться одним из наиболее дискуссионных в судебной практике. Ранее налоговые органы нередко ограничивались консолидацией доходов, отказывая в учете расходов при отсутствии полного документального подтверждения. Верховный Суд Российской Федерации сформировал иной подход, согласно которому при признании нескольких организаций единым хозяйствующим субъектом должны учитываться все расходы, объективно необходимые для осуществления соответствующей предпринимательской деятельности. Иной подход противоречил бы принципу определения налоговой обязанности исходя из действительных экономических результатов деятельности [11; 13; 14; 16].

Неотъемлемым элементом налоговой реконструкции является учет налогов, ранее уплаченных участниками искусственно разделенной структуры. При определении налоговой обязанности налоговый орган обязан исключить повторное налогообложение одного и того же экономического результата. Наибольшее практическое значение данный вопрос приобретает при консолидации деятельности лиц, применявших специальные налоговые режимы, а также при определении обязательств по налогу на добавленную стоимость, когда наряду с ранее уплаченными налогами подлежит оценке право на применение соответствующих налоговых вычетов [10; 11; 12; 13; 14; 17].

Заключительным этапом реконструкции является определение налогового режима, который должен был применяться при осуществлении деятельности единым хозяйствующим субъектом. От правильного решения данного вопроса зависит порядок определения налоговой базы, возможность применения специальных налоговых режимов, объем налоговых вычетов и итоговый размер налоговой обязанности.

Таким образом, налоговая реконструкция представляет собой последовательный процесс определения действительной налоговой обязанности, включающий установление состава участников единой предпринимательской деятельности, консолидацию доходов и расходов, учет ранее исполненных налоговых обязательств,

определение применимого налогового режима и расчет суммы налога, соответствующей реальному экономическому содержанию хозяйственной деятельности. Именно комплексное применение указанных элементов обеспечивает достижение основной цели реконструкции — определение действительной, а не формально исчисленной налоговой обязанности.

Проведение налоговой реконструкции предполагает установление не только факта получения необоснованной налоговой выгоды, но и действительного размера налоговой обязанности. В отличие от большинства налоговых споров, предмет доказывания в данной категории дел включает как обстоятельства, подтверждающие искусственное дробление бизнеса, так и сведения, необходимые для определения налоговых последствий соответствующей деятельности.

Общие правила распределения бремени доказывания вытекают из положений статей 82, 87, 89, 100 и 101 Налогового кодекса Российской Федерации, а также статьи 65 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации. Из содержания указанных норм следует, что обязанность доказывания обстоятельств, послуживших основанием для принятия решения по результатам налоговой проверки, возлагается на налоговый орган [1; 2].

Особенность налоговой реконструкции заключается в том, что после установления факта искусственного дробления бизнеса налоговый орган обязан определить действительный размер налоговой обязанности. Как отмечено в обзоре судебной практики, направленном письмом ФНС России от 10 октября 2022 г. № БВ-4-7/13450@, выявление необоснованной налоговой выгоды не освобождает инспекцию от принятия исчерпывающих мер по установлению суммы налога, которая действительно подлежала уплате в бюджет. Данный подход основан на правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации, согласно которым налог не может быть взыскан в размере, превышающем установленную законом налоговую обязанность [6; 7; 8; 16].

Следовательно, предмет доказывания охватывает две взаимосвязанные группы обстоятельств. Первая касается подтверждения искусственного характера разделения предпринимательской деятельности, включая наличие единого центра управления, использование общих ресурсов, отсутствие самостоятельной хозяйственной функции участников и согласованность их действий. Вторая связана с определением действительной налоговой обязанности и предполагает установление размера доходов, произведенных расходов, сумм ранее уплаченных налогов, а также иных обстоятельств, влияющих на расчет налоговой базы [14; 16; 17; 19].

На практике наиболее сложным остается вопрос подтверждения расходов и права на налоговые вычеты. Налоговые органы нередко исходят из того, что отсутствие документов, представленных налогоплательщиком, исключает возможность их учета. Вместе с тем Верховный

Суд Российской Федерации сформировал иную правовую позицию: если инспекция признает деятельность нескольких лиц единым хозяйствующим субъектом, она обязана использовать все предусмотренные законом средства налогового контроля для определения действительного размера налоговой обязанности. Непринятие мер по установлению фактически произведенных расходов не может служить основанием для их автоматического исключения из расчета [9; 10; 11; 13; 14].

При этом обязанность налогового органа определить действительную налоговую обязанность не освобождает налогоплательщика от активного участия в процессе доказывания. Лицо, претендующее на учет расходов либо применение налоговых вычетов, должно представить имеющиеся у него доказательства, подтверждающие соответствующие обстоятельства. Такой подход соответствует принципу состязательности арбитражного процесса [2].

Специфика рассматриваемой категории дел обуславливает широкое использование косвенных доказательств. На практике выводы налогового органа основываются на совокупности сведений о едином управлении организациями, использовании общего имущества и персонала, движении денежных средств между участниками группы, совпадении поставщиков и покупателей, применении единых информационных ресурсов, а также иных обстоятельствах, свидетельствующих о фактическом единстве предпринимательской деятельности [19]. Верховный Суд Российской Федерации исходит из того, что ни одно из подобных обстоятельств не обладает самостоятельным доказательственным значением и должно оцениваться исключительно в совокупности с другими доказательствами [2; 14].

В последние годы существенную роль приобретают цифровые источники доказательственной информации. Налоговые органы используют сведения автоматизированных информационных систем ФНС России, данные онлайн-касс, результаты анализа движения денежных средств, информацию операторов электронного документооборота и государственных информационных систем. Применение таких инструментов значительно расширяет возможности выявления признаков искусственного дробления бизнеса, однако одновременно ставит вопрос о достаточности процессуальных гарантий налогоплательщика, прежде всего в части возможности проверки достоверности используемой налоговым органом аналитической информации [19].

Дополнительные сложности возникают в случаях недостаточности первичной документации. Судебная практика исходит из того, что отсутствие отдельных документов не освобождает налоговый орган от обязанности определить налоговую обязанность максимально приближенно к действительным экономическим результатам деятельности. Для этого могут использоваться иные доказательства, сведения о сопоставимых хозяйственных операциях и объективные данные, позволяющие установить размер налоговых обязательств [16; 17].

Таким образом, особенности доказывания при проведении налоговой реконструкции обусловлены необходимостью одновременно установить факт искусственного дробления бизнеса и определить действительный размер налоговой обязанности. Именно сочетание указанных элементов отличает данную категорию споров от иных налоговых дел и определяет специфику распределения доказательственных обязанностей между налоговым органом и налогоплательщиком.

Поскольку институт налоговой реконструкции не получил самостоятельного законодательного закрепления, его содержание сформировано преимущественно судебной практикой Верховного Суда Российской Федерации. Именно судебные акты последних лет определили основные принципы установления действительной налоговой обязанности при выявлении необоснованной налоговой выгоды, в том числе в случаях искусственного дробления бизнеса [1; 9; 10; 11; 12; 13; 14].

Анализ судебной практики позволяет выделить несколько устойчивых правовых позиций, имеющих принципиальное значение для применения налоговой реконструкции.

Во-первых, выявление схемы дробления бизнеса само по себе не освобождает налоговый орган от обязанности определить действительный размер налоговой обязанности. В Определении Верховного Суда Российской Федерации от 23 марта 2022 г. № 307-ЭС21-17087 по делу № А66-1193/2019 указано, что налоговый контроль не может ограничиваться констатацией получения необоснованной налоговой выгоды. Инспекция обязана принять исчерпывающие меры для определения суммы налога, которая действительно подлежала бы уплате при отсутствии выявленного нарушения [9].

Во-вторых, налоговая реконструкция предполагает обязательный учет налогов, ранее уплаченных участниками искусственно разделенной структуры. Данная правовая позиция получила развитие в определениях Верховного Суда Российской Федерации от 23 марта 2022 г. № 307-ЭС21-17713 по делу № А66-1735/2019 и от 21 июля 2022 г. № 301-ЭС22-4481 по делу № А29-2698/2020. Верховный Суд указал, что консолидация деятельности нескольких взаимозависимых лиц должна сопровождаться учетом уже исполненных ими налоговых обязательств, поскольку иной подход приводит к повторному налогообложению одного и того же экономического результата [10; 11].

В-третьих, определение налоговой обязанности должно осуществляться исходя из действительного экономического содержания предпринимательской деятельности. В определениях Верховного Суда Российской Федерации от 17 октября 2022 г. № 301-ЭС22-11144 по делу № А43-21183/2020 и от 23 декабря 2022 г. № 308-ЭС22-15224 по делу № А63-18516/2020 подтверждено, что выявление необоснованной налоговой выгоды не исключает обязанности налогового органа определить реальный объем налоговых обязательств с учетом всех обстоятельств конкретного дела [12; 13].

Сформированные Верховным Судом Российской Федерации подходы были восприняты Федеральной налоговой службой России. В письмах от 10 октября 2022 г. № БВ-4-7/13450@ и от 14 октября 2022 г. № БВ-4-7/13774@ ФНС России систематизировала судебную практику и рекомендовала территориальным налоговым органам учитывать ранее уплаченные налоги, фактически произведенные расходы и иные обстоятельства, влияющие на определение действительной налоговой обязанности [16; 17].

Окончательное закрепление указанные подходы получили в Обзоре практики применения арбитражными судами положений законодательства о налогах и сборах, связанных с оценкой обоснованности налоговой выгоды, утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 13 декабря 2023 г. Верховный Суд подтвердил, что применение статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации предполагает определение налоговых последствий исходя из реального экономического содержания хозяйственных операций и исключает возможность формального подхода к исчислению налоговых обязательств [14].

Таким образом, современная судебная практика сформировала основные принципы налоговой реконструкции: обязанность налогового органа определить действительную налоговую обязанность, необходимость учета расходов и ранее уплаченных налогов участников искусственно разделенной структуры, а также недопустимость определения налоговых обязательств исключительно на основании формального выявления налогового нарушения. Вместе с тем отсутствие нормативного закрепления указанных принципов сохраняет неоднородность правоприменительной практики и подтверждает необходимость их законодательной институционализации.

Несмотря на то что налоговая реконструкция фактически стала обязательным элементом определения налоговой обязанности при выявлении искусственного дробления бизнеса, ее правовой статус остается неопределенным. Основные правила применения данного института сформированы судебной практикой Верховного Суда Российской Федерации и административными разъяснениями Федеральной налоговой службы России, тогда как Налоговый кодекс Российской Федерации не содержит ни самого понятия налоговой реконструкции, ни оснований и порядка ее проведения [1; 15; 16; 17].

Подобная модель правового регулирования вызывает вопросы с точки зрения принципа правовой определенности, являющегося одним из элементов конституционного принципа верховенства права. Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно отмечал, что налоговые обязанности должны быть сформулированы таким образом, чтобы налогоплательщик мог заранее определить правовые последствия своей деятельности. При этом размер налоговой обязанности должен устанавливаться исходя из действительных обстоятельств хозяйственной деятельности, а не исключительно из формальной оценки совершенных действий [6].

Действующая редакция статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации определяет пределы осуществления права на уменьшение налоговой обязанности и закрепляет критерии оценки правомерности налоговой выгоды, однако не регулирует порядок определения налоговых обязательств после установления факта искусственного искажения хозяйственной деятельности либо дробления бизнеса [1; 3; 15]. В результате механизм налоговой реконструкции продолжает существовать вне рамок законодательного регулирования.

Отсутствие нормативной регламентации восполняется судебной практикой Верховного Суда Российской Федерации и разъяснениями Федеральной налоговой службы России. Существенную роль в формировании единых подходов сыграли Обзор практики применения арбитражными судами положений законодательства о налогах и сборах, связанных с оценкой обоснованности налоговой выгоды, утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 13 декабря 2023 г., а также письма ФНС России от 14 октября 2022 г. № БВ-4-7/13774@ и от 10 октября 2022 г. № БВ-4-7/13450@ [14; 16; 17]. Вместе с тем судебные акты и ведомственные разъяснения не способны заменить законодательное регулирование, поскольку не устанавливают общеобязательных правил определения налоговой обязанности.

Следствием такого подхода становится расширение пределов административного усмотрения. На практике именно налоговый орган определяет объем налоговой реконструкции, порядок учета расходов, ранее уплаченных налогов, налоговых вычетов и иных элементов расчета действительной налоговой обязанности. При отсутствии законодательно закрепленной методики сходные фактические обстоятельства могут получать различную правовую оценку, что снижает предсказуемость налогового регулирования и затрудняет реализацию принципа равенства налогоплательщиков перед законом [1; 14; 17].

Дополнительной проблемой остается отсутствие единых критериев квалификации дробления бизнеса. Хотя Федеральный закон от 12 июля 2024 г. № 176-ФЗ закрепил соответствующее определение для целей налоговой амнистии, оно не приобрело значения универсальной нормы налогового законодательства [4]. По-прежнему решающее значение имеет судебная оценка совокупности обстоятельств каждого конкретного дела, что позволяет учитывать особенности предпринимательской деятельности, но одновременно увеличивает степень правовой неопределенности.

Таким образом, основной проблемой современного регулирования является не отсутствие сформировавшихся подходов к налоговой реконструкции, а отсутствие их законодательного закрепления. Судебная практика уже выработала базовые принципы определения действительной налоговой обязанности, однако их применение по-прежнему зависит от усмотрения правоприменителя. Представляется, что дальнейшее развитие института налоговой реконструкции должно быть связано с его зако-

нодательной институционализацией, включающей закрепление понятия налоговой реконструкции, оснований ее проведения и общих правил определения действительной налоговой обязанности.

Институт налоговой реконструкции сформировался как правовой механизм, обеспечивающий согласование публичных и частных интересов в налоговых правоотношениях. Необходимость его развития обусловлена тем, что выявление схем искусственного дробления бизнеса требует одновременно решения двух взаимосвязанных задач: восстановления полноты исполнения налоговой обязанности и недопущения возложения на налогоплательщика обязанности по уплате налогов в размере, превышающем установленный законом.

Публичный интерес в рассматриваемых правоотношениях выражается в обеспечении полноты поступления налоговых платежей в бюджет и пресечении способов неправомерного уменьшения налоговой нагрузки. Искусственное дробление бизнеса способно привести к необоснованному применению специальных налоговых режимов и иному сокращению налоговых обязательств, вследствие чего восстановление действительного объема налоговой обязанности отвечает задачам налогового контроля и обеспечивает реализацию принципа всеобщности налогообложения.

Вместе с тем реализация фискального интереса государства ограничена принципами налогового права. В соответствии со статьей 3 Налогового кодекса Российской Федерации налоги должны иметь экономическое основание и не могут носить произвольный характер. Следовательно, выявление необоснованной налоговой выгоды само по себе не предоставляет налоговому органу права определять налоговую обязанность без учета действительных экономических результатов деятельности налогоплательщика [1].

Указанный подход последовательно развивается в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации, который неоднократно указывал, что обязанность по уплате налогов предполагает внесение исключительно законно установленных налоговых платежей, определенных с учетом всех элементов налогового обязательства. Из этого следует, что налоговый контроль должен обеспечивать не только защиту публичных финансовых интересов, но и соблюдение имущественных прав налогоплательщика [6; 7; 8].

Именно в этом проявляется правовое назначение налоговой реконструкции. Ее применение направлено не на смягчение последствий налогового правонарушения и не на ограничение контрольных полномочий налогового органа, а на установление действительной налоговой обязанности. Такой подход позволяет одновременно исключить сохранение необоснованной налоговой выгоды и предотвратить взыскание налогов в размере, превышающем сумму, которая действительно подлежала уплате в бюджет.

Сформированная Верховным Судом Российской Федерации практика исходит из необходимости опреде-

ления налоговых последствий исходя из действительного экономического содержания хозяйственных операций. Данная позиция получила закрепление в Обзоре практики применения арбитражными судами положений законодательства о налогах и сборах, связанных с оценкой обоснованности налоговой выгоды, утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 13 декабря 2023 г., а также в разъяснениях Федеральной налоговой службы России, предусматривающих обязанность налоговых органов устанавливать действительный размер налоговой обязанности с учетом фактических обстоятельств конкретного дела [14; 18].

Следовательно, налоговая реконструкция выступает не самостоятельной мерой государственного принуждения, а способом реализации принципов справедливости, соразмерности и экономической обоснованности налогообложения. Именно благодаря этому данный институт позволяет обеспечить баланс между публичным интересом государства в полном поступлении налоговых доходов и частным интересом налогоплательщика, заключающимся в недопустимости возложения на него обязанности по уплате налогов сверх действительного объема налогового обязательства.

Вместе с тем достижение указанного баланса в настоящее время во многом зависит от судебной практики и административного усмотрения налоговых органов. Отсутствие законодательного регулирования порядка проведения налоговой реконструкции сохраняет риск неодинакового применения выработанных судебной практикой подходов. В этой связи дальнейшее развитие института должно быть связано с нормативным закреплением общих принципов определения действительной налоговой обязанности, что позволит обеспечить большую предсказуемость налогового регулирования и повысить уровень правовой защищенности участников налоговых правоотношений.

Проведенное исследование показывает, что современная судебная практика в целом сформировала основные подходы к определению действительной налоговой обязанности при выявлении искусственного дробления бизнеса. Вместе с тем отсутствие законодательного закрепления соответствующих правил сохраняет высокий уровень правовой неопределенности и препятствует единообразному применению выработанных правовых позиций. Это обуславливает необходимость дальнейшего совершенствования как налогового законодательства, так и правоприменительной практики [9; 10; 11; 12; 13; 14; 17].

Первоочередным направлением представляется нормативное закрепление института налоговой реконструкции в Налоговом кодексе Российской Федерации. Действующая редакция статьи 54.1 НК РФ определяет пределы реализации права на уменьшение налоговой обязанности, однако не регулирует порядок определения налоговых обязательств после установления факта получения необоснованной налоговой выгоды. Представля-

ется целесообразным дополнить указанную статью положениями, предусматривающими обязанность налогового органа определять действительный размер налоговой обязанности в случаях выявления искусственного искажения хозяйственной деятельности либо дробления бизнеса [1; 3; 14].

Одновременно требуется законодательное закрепление основных принципов проведения налоговой реконструкции. Представляется достаточным определить на уровне федерального закона базовые правила, обязательные для всех налоговых органов, не детализируя методику расчета применительно к каждой возможной хозяйственной ситуации. К числу таких принципов следует отнести обязательный учет фактически произведенных расходов, сумм налогов, ранее уплаченных участниками искусственно разделенной структуры, налоговых вычетов и иных обстоятельств, влияющих на определение действительной налоговой обязанности. Такой подход позволит законодательно закрепить правовые позиции, уже сформированные Верховным Судом Российской Федерации [14].

Не менее важным направлением является совершенствование процессуальных гарантий налогоплательщика. В настоящее время Налоговый кодекс Российской Федерации не содержит требований к содержанию расчета налоговой реконструкции, приводимого в акте налоговой проверки и решении налогового органа. В результате налогоплательщик нередко лишен возможности проверить корректность произведенного расчета и полноценно реализовать право на судебную защиту. В этой связи представляется необходимым установить обязанность налогового органа отражать в процессуальных документах методику определения налоговой обязанности, состав использованных доказательств, порядок учета расходов, налоговых вычетов и ранее исполненных налоговых обязательств.

Совершенствование требует и распределение доказательственных обязанностей между участниками налогового спора. Несмотря на сформировавшиеся подходы судебной практики, действующее законодательство не определяет объем обязанностей налогового органа по установлению действительной налоговой обязанности и пределы участия налогоплательщика в доказывании соответствующих обстоятельств. Законодательное закрепление данных положений позволит обеспечить единообразное применение процессуальных норм и снизить количество судебных споров, связанных с определением достаточности доказательственной базы.

Отдельного внимания заслуживает использование цифровых технологий при проведении налогового контроля. Современные аналитические инструменты существенно повышают эффективность выявления схем искусственного дробления бизнеса, однако их применение должно сопровождаться достаточными процессуальными гарантиями. Представляется целесообразным нормативно определить минимальные требования к раскрытию

налогоплательщику сведений, положенных в основу выводов налогового органа, если они используются при определении действительной налоговой обязанности. Это позволит обеспечить баланс между эффективностью налогового контроля и соблюдением права налогоплательщика на защиту.

Реализация указанных предложений позволит сформировать целостную модель правового регулирования налоговой реконструкции, основанную на сочетании эффективного налогового контроля и надлежащих гарантий защиты прав налогоплательщиков. Законодательное закрепление института налоговой реконструкции будет способствовать повышению правовой определенности, обеспечению единообразия судебной практики и более последовательной реализации принципов справедливости, экономической обоснованности и соразмерности налогообложения.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что налоговая реконструкция в настоящее время представляет собой один из ключевых элементов механизма противодействия получению необоснованной налоговой выгоды при выявлении искусственного дробления бизнеса. Несмотря на отсутствие ее законодательного определения, данный институт получил устойчивое развитие в судебной практике Верховного Суда Российской Федерации и административной практике Федеральной налоговой службы России, что свидетельствует о его значении для современной системы налогового контроля.

Установлено, что налоговая реконструкция не является самостоятельной мерой налоговой ответственности либо формой налогового контроля. Ее правовое назначение заключается в определении действительной налоговой обязанности после выявления факта искусственного искажения хозяйственной деятельности. Следовательно, реконструкция направлена не на усиление фискального воздействия, а на восстановление налоговых последствий, которые возникли бы при надлежащем исполнении налогоплательщиком требований налогового законодательства.

Исследование показало, что применение налоговой реконструкции при выявлении дробления бизнеса требует комплексной оценки фактических обстоятельств деятельности налогоплательщика. Определение налоговых обязательств должно осуществляться с учетом совокупности доходов и расходов, ранее уплаченных налогов, применявшихся налоговых режимов и иных обстоятельств, характеризующих действительное экономическое содержание предпринимательской деятельности. Такой подход соответствует сформированным правовым позициям

Верховного Суда Российской Федерации и обеспечивает соблюдение принципов справедливости, экономической обоснованности и соразмерности налогообложения.

В ходе исследования установлено, что основная проблема современного регулирования заключается не в отсутствии правовых подходов к проведению налоговой реконструкции, а в отсутствии их нормативного закрепления. В настоящее время порядок определения действительной налоговой обязанности фактически сформирован судебной практикой и разъяснениями Федеральной налоговой службы России, тогда как Налоговый кодекс Российской Федерации не содержит ни понятия налоговой реконструкции, ни общих правил ее проведения. Подобная модель правового регулирования снижает уровень правовой определенности, расширяет пределы административного усмотрения и создает предпосылки для неодинакового применения налогового законодательства.

Проведенный анализ судебной практики свидетельствует о формировании устойчивых принципов применения налоговой реконструкции. К их числу относятся обязанность налогового органа определить действительный размер налоговой обязанности, необходимость учета фактически произведенных расходов и ранее исполненных налоговых обязательств участников искусственно разделенной структуры, а также недопустимость определения налоговых последствий исключительно на основании формального выявления налогового нарушения. Именно эти принципы обеспечивают баланс между публичным интересом государства в полном поступлении налоговых платежей и имущественными правами налогоплательщика.

По результатам исследования сформулирован вывод о необходимости законодательной институционализации налоговой реконструкции. Представляется целесообразным закрепить в Налоговом кодексе Российской Федерации понятие налоговой реконструкции, основания и общие принципы ее проведения, минимальные требования к определению действительной налоговой обязанности, а также процессуальные гарантии, обеспечивающие возможность проверки налогоплательщиком произведенного расчета и полноту судебного контроля за решениями налоговых органов.

Реализация указанных предложений позволит повысить уровень правовой определенности налогового регулирования, обеспечить единообразие правоприменительной практики и создать более сбалансированную модель противодействия искусственному дроблению бизнеса, основанную на сочетании эффективного налогового контроля и надлежащей защиты прав добросовестных налогоплательщиков.

Литература:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3824. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (дата обращения: 02.07.2026).

2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (дата обращения: 02.07.2026).
3. Федеральный закон от 18.07.2017 № 163-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201707190014> (дата обращения: 02.07.2026).
4. Федеральный закон от 12.07.2024 № 176-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202407120009> (дата обращения: 02.07.2026).
5. Постановление Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» // Вестник ВАС РФ. 2006. № 12. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_63894/ (дата обращения: 02.07.2026).
6. Определение Конституционного Суда РФ от 20.12.2018 № 3115-О // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://normativ.kontur.ru/document?documentId=329441&moduleId=7> (дата обращения: 02.07.2026).
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 03.06.2014 № 17-П // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164021/ (дата обращения: 02.07.2026).
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 06.06.2019 № 22-П // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201906070002> (дата обращения: 02.07.2026).
9. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 23.03.2022 № 307-ЭС21-17087 по делу № А66-1193/2019 // СПС «КонсультантПлюс»; СПС «Контур.Норматив». URL: <https://normativ.kontur.ru/document?documentId=428116&moduleId=7> (дата обращения: 02.07.2026).
10. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 23.03.2022 № 307-ЭС21-17713 по делу № А66-1735/2019 // СПС «КонсультантПлюс»; СПС «Контур.Норматив». URL: <https://normativ.kontur.ru/document/7/428117-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-23-03-2022-n-307-es21-17713-po-delu-n-a66-1735-2019> (дата обращения: 02.07.2026).
11. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 21.07.2022 № 301-ЭС22-4481 по делу № А29-2698/2020 // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404947403/> (дата обращения: 02.07.2026).
12. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 17.10.2022 № 301-ЭС22-11144 по делу № А43-21183/2020 // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf_ec/2169910 (дата обращения: 02.07.2026).
13. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 23.12.2022 № 308-ЭС22-15224 по делу № А63-18516/2020 // СПС «Контур.Норматив». URL: <https://normativ.kontur.ru/document/7/444272-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-23-12-2022-n-308-es22-15224-po-delu-n-a63-18516-2020> (дата обращения: 02.07.2026).
14. Обзор практики применения арбитражными судами положений законодательства о налогах и сборах, связанных с оценкой обоснованности налоговой выгоды: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13.12.2023 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_464347/ (дата обращения: 02.07.2026).
15. Письмо ФНС России от 10.03.2021 № БВ-4-7/3060@ «О практике применения статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации» // Официальный сайт ФНС России. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/about_nalog/10687108/ (дата обращения: 02.07.2026).
16. Письмо ФНС России от 10.10.2022 № БВ-4-7/13450@ «О направлении обзора судебной практики по вопросам установления действительных налоговых обязательств налогоплательщика по итогам налоговой проверки» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_428631/ (дата обращения: 02.07.2026).
17. Письмо ФНС России от 14.10.2022 № БВ-4-7/13774@ «О возврате излишне уплаченной суммы налога» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_429788/ (дата обращения: 02.07.2026).
18. Письмо ФНС России от 03.10.2023 № БВ-4-9/12603@ «Обзор правовых позиций, сформированных ФНС России по результатам рассмотрения жалоб (апелляционных жалоб) налогоплательщиков» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_459084/ (дата обращения: 02.07.2026).
19. Письмо ФНС России от 16.07.2024 № БВ-4-7/8051@ «О правовых позициях, сформированных судебной практикой и применяемых арбитражными судами при разрешении споров, связанных с установлением в действиях

- налогоплательщиков признаков дробления бизнеса» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_481104/ (дата обращения: 02.07.2026).
20. Рекомендации по применению налоговой амнистии дробления бизнеса // Официальный сайт ФНС России. URL: https://data.nalog.ru/html/sites/www.new.nalog.ru/files/about_fts/amn_recomm.pdf (дата обращения: 02.07.2026).
  21. Демин А. В. Необоснованная налоговая выгода: от судебной доктрины к антиуклонительной норме // Журнал российского права. 2022. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neobosnovannaya-nalogovaya-vygoda-ot-sudebnoy-doktriny-k-antiuklonitelnoy-norme> (дата обращения: 02.07.2026).
  22. Ефремова Е. С. Дробление бизнеса и статья 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2024. Т. 17. № 6. URL: <https://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/152975> (дата обращения: 02.07.2026).
  23. Лекарова Е. А. Дробление бизнеса: актуальные вопросы правоприменительной практики // Финансовое право. 2019. № 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/droblenie-biznesa-aktualnye-voprosy-pravoprimeritelnoy-praktiki> (дата обращения: 02.07.2026).
  24. Фархутдинов Р. Д. Налоговая реконструкция: вопросы теории и практики // Налоги и налогообложение. 2022. № 3. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38223 (дата обращения: 02.07.2026).

Становление института обжалования ненормативных правовых актов налоговых органов: историко-правовой анализ

Костюков Виктор Александрович, студент магистратуры
Международный юридический институт (г. Москва)

Институт обжалования ненормативных правовых актов налоговых органов представляет собой один из ключевых механизмов обеспечения законности налогового администрирования и судебной защиты прав налогоплательщиков. Вместе с тем его современная конструкция сформировалась в результате длительной эволюции российского законодательства, отражающей изменение представлений государства о пределах реализации публичных полномочий в налоговой сфере. В статье исследуются основные этапы развития института обжалования, анализируются факторы, повлиявшие на изменение правового положения налогоплательщика, а также выявляются исторические закономерности формирования современной модели административного и судебного контроля за деятельностью налоговых органов. Сделан вывод о том, что развитие института обусловлено не только последовательным совершенствованием законодательства, но и изменением самой концепции налогового администрирования, основанной на постепенном переходе от административного усмотрения к судебным гарантиям защиты прав участников налоговых правоотношений.

Ключевые слова: налоговое право, налоговые органы, ненормативный правовой акт, налогоплательщик, административное обжалование, судебная защита, налоговое администрирование.

Введение

Право на обжалование решений органов публичной власти является одним из фундаментальных элементов механизма защиты прав участников публичных правоотношений. В налоговой сфере значение данного института существенно возрастает, поскольку реализация контрольных полномочий налоговыми органами непосредственно затрагивает имущественные интересы налогоплательщиков и предполагает возможность применения мер государственного принуждения.

Современный порядок административного и судебного обжалования ненормативных правовых актов налоговых органов является результатом длительного развития российского законодательства. Его формирование происходило под влиянием изменений экономической

модели государства, совершенствования системы государственного управления и расширения судебного контроля за деятельностью публичной администрации. Вследствие этого институт обжалования трансформировался из исключительного способа пересмотра отдельных управленческих решений в самостоятельный механизм обеспечения законности налогового администрирования.

В научной литературе становление института обжалования, как правило, рассматривается через последовательное описание этапов развития налогового законодательства. Вместе с тем подобный подход не позволяет в полной мере объяснить причины формирования современной модели защиты прав налогоплательщиков. Представляется, что ее особенности обусловлены не только изменением нормативного регулирования, но и эволюцией взглядов законодателя на соотношение публичных инте-

ресов государства и права налогоплательщика на эффективную судебную защиту.

В связи с этим целью настоящего исследования является не столько описание отдельных этапов развития института обжалования, сколько выявление исторических закономерностей, определивших современную модель административного и судебного контроля за деятельностью налоговых органов.

1. Эволюция института обжалования как отражение изменения роли государства в налоговых правоотношениях

Развитие института обжалования ненормативных правовых актов налоговых органов непосредственно связано с изменением характера взаимоотношений государства и налогоплательщика. На различных этапах развития российского законодательства трансформировались не только способы осуществления налогового контроля, но и представления законодателя о пределах вмешательства государства в имущественную сферу частных лиц. Именно изменение роли налогоплательщика в системе публичных правоотношений предопределило формирование современных механизмов административной и судебной защиты [2].

Первоначально налоговые отношения строились на принципе безусловного подчинения налогоплательщика властным предписаниям государства. В дореволюционной России самостоятельный институт обжалования решений органов, осуществлявших фискальные функции, отсутствовал. Налоговое право рассматривалось как составная часть финансового права, а деятельность административных органов практически не подвергалась судебному контролю. Возможность пересмотра решений должностных лиц носила ограниченный характер и была ориентирована прежде всего на обеспечение устойчивости государственного управления.

Вместе с тем уже во второй половине XIX века в российской юридической науке начали формироваться идеи, ставшие впоследствии теоретической основой института судебной защиты публичных прав. Представители государственно-правовой школы, прежде всего Н. М. Коркунов, обосновывали необходимость ограничения административного усмотрения посредством судебного контроля за деятельностью органов управления. Несмотря на отсутствие соответствующего законодательного регулирования, именно в этот период была сформулирована ключевая идея, согласно которой реализация публичной власти должна осуществляться в пределах закона и допускать возможность судебной проверки [7, с. 214–217].

Советский период не изменил принципиального подхода к организации налоговых правоотношений. В условиях централизованной экономики налоги сохраняли преимущественно фискальное значение, а защита публичных интересов государства рассматривалась как без-

условный приоритет. Судебное обжалование решений налоговых органов не получило самостоятельного развития, поскольку сама модель государственного управления не предполагала существования равновесия между публичной властью и участниками налоговых правоотношений.

В советской юридической доктрине получили дальнейшее развитие идеи судебного контроля за деятельностью органов публичной власти. Работы С. С. Алексеева и других представителей отечественной правовой науки способствовали формированию научной концепции судебной защиты публичных прав, которая позднее получила законодательное закрепление в условиях перехода к рыночной экономике.

Качественный перелом произошел в начале 1990-х годов. Переход к новым экономическим отношениям потребовал принципиального пересмотра роли налогоплательщика в системе публичного управления. Возникновение большого числа хозяйствующих субъектов, развитие предпринимательской деятельности и усложнение налогового законодательства обусловили необходимость создания эффективных механизмов разрешения налоговых споров. Если ранее налогоплательщик выступал преимущественно объектом государственного воздействия, то в условиях рыночной экономики он становится самостоятельным участником налоговых правоотношений, обладающим правом на защиту своих имущественных интересов.

Важнейшее значение для дальнейшего развития института имело принятие Конституции Российской Федерации 1993 года, закрепившей право каждого на судебную защиту. Конституционные гарантии предопределили изменение всей системы взаимоотношений между государством и налогоплательщиком, поскольку деятельность налоговых органов стала рассматриваться через призму конституционного принципа судебной защиты нарушенных прав [1].

Завершением формирования современной модели стало принятие части первой Налогового кодекса Российской Федерации. Впервые были комплексно урегулированы порядок административного и судебного обжалования ненормативных актов налоговых органов, права налогоплательщиков и процессуальные гарантии их реализации. Тем самым институт обжалования превратился из совокупности отдельных правовых механизмов в самостоятельный элемент системы налогового администрирования.

Таким образом, историческое развитие института обжалования свидетельствует о последовательном изменении самой модели государственного управления в налоговой сфере. Если первоначально основой взаимоотношений государства и налогоплательщика являлось административное подчинение, то современное законодательство исходит из необходимости обеспечения баланса публичных интересов и эффективной судебной защиты участников налоговых правоотношений.

2. Исторические закономерности формирования современной модели обжалования

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что развитие института обжалования ненормативных правовых актов налоговых органов представляло собой не последовательность изолированных законодательных реформ, а отражало изменение подходов государства к осуществлению налогового администрирования. Каждому этапу развития института соответствовало изменение роли налогоплательщика в системе публичных правоотношений, что предопределяло содержание механизмов защиты его прав.

Первая закономерность заключается в постепенном ограничении административного усмотрения налоговых органов. Если на ранних этапах развития российского государства решения органов, осуществлявших фискальные функции, практически не подлежали судебной проверке, то современная модель налогового администрирования основывается на признании судебного контроля одним из обязательных элементов обеспечения законности. Таким образом, судебная защита перестала рассматриваться как исключительная мера реагирования на нарушения и приобрела значение самостоятельной гарантии соблюдения прав налогоплательщиков [2; 6].

Вторая закономерность связана с изменением правового положения налогоплательщика. Исторически налоговые правоотношения строились на принципе властного подчинения, при котором налогоплательщик выступал преимущественно объектом государственного воздействия. Развитие рыночной экономики и закрепление конституционных гарантий судебной защиты обусловили переход к иной модели, в рамках которой налогоплательщик рассматривается как полноправный участник публичных правоотношений, обладающий комплексом процессуальных прав, обеспечивающих возможность защиты своих законных интересов.

Третья закономерность проявляется в изменении содержания самого института обжалования. Первоначально он воспринимался как средство пересмотра отдельных решений налоговых органов, тогда как современное законодательство рассматривает административное и судебное обжалование как взаимосвязанные элементы единого механизма обеспечения законности налогового администрирования. Это свидетельствует о переходе от фрагментарного регулирования отдельных процедур к формированию самостоятельного правового института, обладающего собственными целями, принципами и процессуальными гарантиями.

Следует отметить, что развитие института сопровождалось не только расширением объема прав налогоплательщиков, но и совершенствованием механизмов налогового контроля. Усиление процессуальных гарантий не означало ослабления публичных интересов государства. Напротив, формирование эффективной процедуры административного и судебного обжалования способство-

вало повышению качества принимаемых налоговыми органами решений, укреплению доверия к системе налогового администрирования и снижению количества судебных ошибок. Следовательно, защита прав налогоплательщиков и обеспечение эффективного налогового контроля не являются взаимоисключающими задачами, а выступают взаимосвязанными элементами единой системы публичного управления.

Особое значение в современных условиях приобретает развитие цифровых технологий в деятельности налоговых органов. Электронный документооборот, дистанционное взаимодействие с налогоплательщиками, использование личного кабинета налогоплательщика и цифровизация процедур рассмотрения жалоб существенно изменили практическую реализацию института обжалования. Вместе с тем цифровая трансформация не изменила его правовую природу. Независимо от формы взаимодействия между налоговым органом и налогоплательщиком основным назначением института продолжает оставаться обеспечение законности принимаемых решений и эффективная защита нарушенных прав.

Представляется, что дальнейшее развитие института обжалования должно быть связано не столько с расширением нормативного регулирования, сколько с совершенствованием правоприменительной практики. В современных условиях ключевое значение приобретают единообразное применение налогового законодательства, соблюдение процессуальных сроков рассмотрения жалоб, повышение качества мотивировки принимаемых решений и дальнейшее развитие электронных механизмов взаимодействия между налоговыми органами и налогоплательщиками. Именно данные направления способны обеспечить баланс публичных интересов государства и частных интересов участников налоговых правоотношений.

Заключение

Историко-правовой анализ показывает, что становление института обжалования ненормативных правовых актов налоговых органов представляет собой закономерный результат развития российского налогового законодательства и изменения подходов государства к осуществлению налогового контроля. Последовательное расширение судебного контроля, развитие административных процедур и укрепление процессуальных гарантий налогоплательщиков свидетельствуют о переходе от модели, основанной на административном доминировании государства, к модели, ориентированной на обеспечение законности публичного управления.

Современный институт обжалования нельзя рассматривать исключительно как процессуальный механизм пересмотра решений налоговых органов. Его значение значительно шире и заключается в обеспечении баланса публичных и частных интересов, предупреждении нарушений налогового законодательства и повышении качества налогового администрирования. Именно поэтому

эффективность института определяется не только полнотой его нормативного регулирования, но и качеством правоприменительной практики, единообразием судебных подходов и последовательной реализацией конституционного права на судебную защиту.

Таким образом, дальнейшее совершенствование института обжалования должно быть ориентировано на

развитие процессуальных гарантий налогоплательщиков, повышение эффективности досудебного урегулирования налоговых споров и использование современных цифровых технологий при сохранении фундаментальных принципов законности, равенства участников налоговых правоотношений и судебного контроля за деятельностью налоговых органов.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.).
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3824.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012.
4. Закон Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 27 декабря 1991 г. № 2118-1 «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 11. Ст. 527.
5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 декабря 1996 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части первой статьи 11 Закона Российской Федерации от 24 июня 1993 года «О федеральных органах налоговой полиции»».*
6. Постановление Пленума Высший Арбитражный Суд Российской Федерации от 30 июля 2013 г. № 57 «О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой Налогового кодекса Российской Федерации».
7. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. — Санкт-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича, 1909. — 354 с.
8. Алексеев С. С. Теория права. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство БЕК, 1995. — 320 с.

Правовое регулирование цифровой трансформации органов публичной власти в Российской Федерации: проблемы и векторы развития

Малинин Александр Андреевич, студент магистратуры
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

В статье исследуются современное состояние и проблемы правового регулирования цифровой трансформации органов публичной власти в Российской Федерации. Рассматриваются особенности формирования нормативной основы цифровой трансформации, выявляются системные недостатки действующего законодательства, препятствующие эффективно внедрению цифровых технологий в деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления. На основе анализа действующего законодательства и научных подходов сформулированы основные направления совершенствования правового регулирования цифровой трансформации органов публичной власти.

Ключевые слова: цифровая трансформация, органы публичной власти, государственное управление, цифровизация, информационные технологии, искусственный интеллект, государственные информационные системы, персональные данные.

В условиях стремительного развития цифровых технологий цифровая трансформация государственного управления становится ключевым направлением развития современного государства. Использование цифровых платформ, государственных информационных систем, технологий искусственного интеллекта — изменяет традиционные механизмы публичной власти, фор-

мируя новую модель взаимодействия государства, общества и личности. В Российской Федерации цифровая трансформация признана приоритетом государственной политики, что подтверждается реализацией национальных проектов, стратегических документов и федеральных программ, направленных на повышение эффективности государственного управления, качества

предоставления государственных и муниципальных услуг и открытости органов публичной власти.

Развитие цифровых технологий опережает формирование правового регулирования. Как отмечают Р. В. Амелин и С. Е. Чаннов, трансформация права требует не только обновления законодательства, но и новых подходов к правоприменению [4, с. 200–202]. Законодательство в этой сфере формировалось постепенно и приобрело фрагментарный характер. Нормативную основу составляют положения Конституции РФ [1] (ст. 2, 24), Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [2] (ст. 3, 10), Федеральный закон «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [3] (ст. 6, 10), а также подзаконные и стратегические документы. Однако подобная модель не обеспечивает системности и единообразия правового регулирования цифровой трансформации органов публичной власти.

В научной литературе неоднократно отмечалось, что действующее законодательство ориентировано на регулирование отдельных информационных технологий, тогда как комплексный правовой механизм цифровой трансформации органов публичной власти отсутствует [5, с. 20–23]. Как следствие, органы публичной власти вынуждены использовать цифровые решения в условиях правовой неопределённости, что негативно отражается на единообразии правоприменительной практики, государственном управлении и реализации конституционных прав граждан (ст. 2, 18 Конституции РФ) [1].

Особую актуальность исследуемой проблеме придаёт стремительное внедрение технологий искусственного интеллекта, развитие цифровых платформ, расширение практики межведомственного электронного взаимодействия, а также переход органов публичной власти к модели проактивного предоставления государственных услуг. Указанные процессы требуют не только технологической модернизации государственного управления, но и формирования современной нормативной базы, способной обеспечить баланс публичных и частных интересов, гарантировать защиту прав и создать условия для безопасного использования цифровых технологий.

Несмотря на обилие научных публикаций по цифровизации государственного управления, большинство исследований сосредоточено на технических, организационных либо экономических аспектах, тогда как конституционно-правовые и административно-правовые проблемы формирования нормативного регулирования цифровой трансформации органов публичной власти изучены недостаточно. Вместе с тем активное принятие новых стратегических документов, внедрение искусственного интеллекта и модернизация государственных информационных систем требуют переосмысления существующих научных подходов.

Цель настоящего исследования заключается в комплексном анализе современного состояния правового регулирования цифровой трансформации органов публичной власти в Российской Федерации,

выявлении основных проблем его реализации и определении перспективных направлений совершенствования законодательства в данной сфере.

В российском законодательстве отсутствует единое легальное определение понятия «цифровая трансформация органов публичной власти». В нормативных правовых актах одновременно используются такие категории, как «цифровизация», «цифровое развитие», «цифровая экономика», «цифровая трансформация», «электронное правительство», «государственное управление на основе данных». Несмотря на близость содержания указанных терминов, их правовая природа различна, а законодатель не закрепил единых критериев их разграничения. Подобная ситуация порождает неоднозначность правоприменения и существенно затрудняет формирование единой государственной политики в рассматриваемой сфере.

В научной литературе цифровая трансформация органов публичной власти рассматривается значительно шире, чем простое внедрение информационно-коммуникационных технологий в деятельность государственных органов. По мнению Ю. А. Холоденко, цифровая трансформация государственного управления представляет собой комплексное изменение организационных, управленческих и правовых механизмов функционирования публичной власти, основанное на использовании современных цифровых технологий [7, с. 30–32]. При этом цифровые технологии выступают не самостоятельной целью, а инструментом повышения эффективности государственного управления, обеспечения открытости деятельности органов власти и повышения качества предоставляемых публичных услуг.

Правовую основу цифровой трансформации в Российской Федерации образует значительное количество нормативных правовых актов различной юридической силы. Ключевое значение имеют положения Конституции Российской Федерации [1], закрепляющие в ст. 2, 24, 29 и 44 обязанность государства обеспечивать защиту прав и свобод человека, доступ к информации, развитие информационного общества и создание условий для реализации государственного управления. Развитие конституционных положений осуществляется в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [2], в ст. 3–5 определяет основные принципы правового регулирования информационных отношений, устанавливает правовой режим информации, информационных систем и информационных технологий.

Важную роль в формировании нормативной основы цифровой трансформации играют Федеральный закон «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [3] (ст. 2, 6), а также многочисленные подзаконные нормативные правовые акты, регулирующие функционирование государственных информационных систем, использование единой системы межведомственного электронного взаимодействия, Единого портала государственных услуг и иных цифровых сервисов государства.

Однако анализ действующего законодательства позволяет сделать вывод о том, что существующая нормативная база носит преимущественно фрагментарный характер. Большинство нормативных актов регулирует отдельные элементы цифровой трансформации, не формируя единого правового механизма функционирования цифрового государства. Более того, значительная часть вопросов регулируется документами стратегического планирования [9], которые определяют направления государственной политики, но не устанавливают общеобязательных правил поведения и не обладают полноценной нормативной природой. В результате существенная часть отношений, возникающих в процессе цифровой трансформации органов публичной власти, остаётся урегулированной лишь в общем виде либо вообще не получает необходимого законодательного закрепления.

Именно это — одна из ключевых причин большинства проблем цифровой трансформации. Отсутствие системного регулирования ведёт к неодинаковому пониманию целей трансформации, затрудняет интеграцию информационных систем, осложняет применение искусственного интеллекта и снижает эффективность государственной цифровой политики. Дальнейшее развитие цифрового государства невозможно без формирования целостной, внутренне согласованной системы правового регулирования, основанной не только на программных, но и на законодательных актах, обеспечивающих стабильность и предсказуемость.

Несмотря на масштаб мероприятий по цифровой трансформации, их практическая реализация сопряжена с системными проблемами, снижающими эффективность публичной власти. Большинство из них обусловлены не технологическими, а правовыми и организационными причинами — несовершенством законодательства, отсутствием единых подходов и несогласованностью действий органов власти. Как отмечают П. П. Кабытов и О. Е. Стародубова, цифровизация полномочий исполнительной власти носит двойственный характер: открываются новые возможности, но возникают и серьёзные правовые риски [6, с. 115–117]. В итоге цифровая трансформация реализуется не как последовательная реформа, а как совокупность разрозненных проектов с разным уровнем правового обеспечения и готовности органов к их внедрению.

Одной из существенных проблем является отсутствие комплексного законодательного регулирования цифровых технологий в деятельности органов публичной власти. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ [2] в ст. 3 и 10 закрепляет лишь общие принципы информационных отношений. Аналогичная ситуация характерна для иных федеральных законов, регулирующих отдельные элементы цифровой трансформации. Единый механизм цифрового государственного управления отсутствует, многие вопросы решаются ведомственными актами, содержание которых различается на разных уровнях.

Серьёзной проблемой остаётся разрозненность государственных информационных систем. За последние годы

создано множество ведомственных информационных ресурсов, разработанных без единых технических и организационных требований, что исключает их полноценную совместимость. Практика показывает, что органы власти нередко повторно запрашивают у граждан сведения, уже имеющиеся в других государственных системах. Межведомственный электронный обмен не всегда осуществляется своевременно и в полном объёме, что отрицательно влияет на эффективность государственного управления и реализацию прав граждан (ст. 24, 25 Конституции РФ) [1].

Следствием разобщённости становится сохранение административных барьеров, для преодоления которых и задумывалась цифровая трансформация. Граждане по-прежнему вынуждены предоставлять документы, уже имеющиеся у органов власти, а сроки оказания услуг увеличиваются из-за отсутствия оперативного информационного обмена. Подобная ситуация свидетельствует о том, что цифровизация отдельных процедур без создания единого цифрового пространства не обеспечивает повышения качества государственного управления.

Особую актуальность в современных условиях приобретают вопросы правового регулирования использования технологий искусственного интеллекта. В последние годы возможности искусственного интеллекта всё активнее применяются при обработке обращений граждан, анализе больших массивов данных, прогнозировании социально-экономических процессов, автоматизации отдельных административных процедур и принятии управленческих решений. Вместе с тем российское законодательство до настоящего времени не содержит комплексного регулирования применения искусственного интеллекта в публичном управлении.

Отсутствие специальных требований порождает правовые вопросы: нерешённой остаётся проблема ответственности за решения, принятые с использованием интеллектуальных алгоритмов. Действующее законодательство возлагает ответственность на государственный орган либо должностное лицо (ст. 2, 6 Федерального закона № 210-ФЗ) [3], однако в условиях самообучающихся алгоритмов определить степень влияния человека на результат сложно. Кроме того, отсутствуют требования к прозрачности алгоритмов, что затрудняет реализацию права граждан на мотивированное решение (ст. 24, 29 Конституции РФ) [1] и его эффективное судебное обжалование (ст. 46 Конституции РФ) [1].

Не менее значимой проблемой является обеспечение защиты персональных данных при осуществлении цифровой трансформации. Современные государственные информационные системы аккумулируют значительные объёмы сведений о гражданах, включая данные о состоянии здоровья, имущественном положении, трудовой деятельности, социальном обеспечении, образовании и иных аспектах частной жизни. Концентрация столь большого объёма информации объективно увеличивает риски неправомерного доступа к персональным

данным, их утечки либо использования в целях, не предусмотренных законодательством.

Несмотря на наличие Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» [4], закрепляющего в ст. 3 и 5 основные принципы обработки персональных данных, действующее регулирование ориентировано на традиционные модели и не в полной мере учитывает особенности цифровых платформ, больших данных и искусственного интеллекта. Автоматизированная обработка, интеграция государственных информационных систем и межведомственный обмен данными требуют совершенствования правовых механизмов защиты информации, дополнительных гарантий прав субъектов персональных данных (ст. 24 Конституции РФ) [1] и усиления государственного контроля.

Отдельного внимания заслуживает проблема цифрового неравенства, влияющая на реализацию принципа равного доступа граждан к государственным услугам (ст. 19 Конституции РФ) [1]. Не все категории населения обладают достаточным уровнем цифровой грамотности либо имеют доступ к современным технологиям — прежде всего это касается пожилых граждан, жителей отдалённых населённых пунктов, лиц с ограниченными возможностями здоровья и социально незащищённых слоёв населения. В этих условиях полный перевод административных процедур в цифровой формат без сохранения альтернативных способов взаимодействия может привести к ограничению конституционных прав граждан.

Следует отметить и недостаточную кадровую подготовку органов публичной власти к цифровой трансформации. Е. В. Васильева, В. Н. Пуляева и В. А. Юдина неоднократно высказывались в пользу того, что внедрение современных технологий требует не только технического оснащения, но и формирования у государственных и муниципальных служащих новых профессиональных компетенций [8, с. 30–33]. Однако уровень цифровой подготовки работников различных органов существенно различается, что приводит к формальному использованию информационных систем без раскрытия их функционального потенциала и снижает эффективность государственных программ цифровой трансформации.

Таким образом, большинство проблем цифровой трансформации носит комплексный характер и обусловлено несовершенством законодательства. Фрагментарность нормативного регулирования, отсутствие единых требований к государственным информационным системам, правовая неопределённость использования искусственного интеллекта, риски нарушения законодательства о персональных данных и организационные трудности межведомственного взаимодействия препятствуют формированию целостной цифровой модели государственного управления. Всё это требует дальнейшего совершенствования правового регулирования на основе системного подхода, ориентированного на эффективность государственного управления и надёжную защиту прав граждан.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с изм. и доп.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 30.12.2025).
3. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (ред. от 15.12.2025).
4. Амелин Р. В., Чаннов С. Е. Трансформация права под воздействием цифровых технологий: новые требования к подготовке юристов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 200–204.
5. Разуваев Н. В. Цифровая трансформация субъективных гражданских прав: проблемы и перспективы // Теоретическая и прикладная юриспруденция.
6. Кабытов П. П., Стародубова О. Е. Влияние цифровизации на реализацию полномочий органов исполнительной власти // Журнал российского права. 2020. № 11. С. 113–126.
7. Холоденко Ю. А. Цифровая трансформация государственного управления: возможности и риски // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2022. № 3. С. 28–53.
8. Васильева Е. В., Пуляева В. Н., Юдина В. А. Развитие цифровых компетенций государственных гражданских служащих Российской Федерации // Бизнес-информатика. 2018. № 4 (46). С. 28–42.

Актуальные вопросы прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими предварительное следствие

Мищенко Алексей Александрович, студент магистратуры
Луганский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

Данная статья посвящена этапам исторического становления и развития прокуратуры, трансформации полномочий и функций прокурора при осуществлении надзора за исполнением законов органами, осуществляющими предварительное следствие. В статье проведен анализ квалификационных требований, предъявляемых к прокурорским работникам в контексте обеспечения качества прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими предварительное расследование. Сделан вывод о целесообразности внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательство с целью совершенствования прокурорского надзора, а также его адаптации к современным трансформациям правового поля.

Ключевые слова: история, прокуратура, прокурорский надзор, функции прокурора, полномочия прокурора, квалификация работника прокуратуры, наставничество.

Исторический анализ позволяет выделить основные этапы становления и развития прокуратуры, её основной функции — прокурорского надзора, одним из видов которого является, надзор за деятельностью органов предварительного следствия. История прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия начинается с 1722 г., так как именно в этом году Указом Петра I от 12 января 1722 г. была создана Прокуратура в России [1]. Проведенным анализом юридической литературы, установлено, что не существует единого подхода к периодизации развития прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия.

По мнению авторов, история становления прокуратуры делилась на три этапа: первый (1722–1864 гг.) — прокуратура надзорного типа с преобладанием функции надзора за соблюдением законности; второй (1864–1917 гг.) — прокуратура обвинительного типа как орган уголовного преследования с преимущественной функцией поддержания обвинения в суде); третий — (с 1922 г. по настоящее время) — прокуратура смешанного, надзорно-обвинительного типа) [2].

Некоторые авторы, в качестве критерия определения этапов становления прокуратуры, выделяют ведущие функции органа и его реформирование:

1 этап. Надзор как отдельное поручение в эпоху существования «земщины» и «аристократической» формы правления государством.

2 этап. Фискальный этап.

3 этап. Зарождение прокурорской деятельности в Петровский период совместно с фискалитетом, попытка создания рациональной системы надзора, выделение отдельных видов надзора.

4 этап. Послепетровский период многоструктурного реформирования прокурорского надзора.

5 этап. Реформирование прокуратуры в период просвещенного абсолютизма Екатерины II.

6 этап. Приспособление прокурорского надзора для поддержки абсолютизма в период правления Павла I.

7 этап: Нормативно-правовое регулирование деятельности прокурорского надзора в первой половине XIX века [3].

Данная периодизация также представляется не совсем обоснованной, так как в определенные годы одновременно действовали как фискалат (система негласного контроля за деятельностью госаппарата и чиновничьим поведением в России при Петре I. Создана в марте 1711 года по указам императора. Цель — негласный надзор за исполнением распоряжений главы государства, борьба с казнокрадством и взяточничеством), так и прокуратура (первая треть, конец XVIII в., первая треть XIX в.).

Также, ряд авторов выделили следующие периоды становления прокуратуры: с 22 октября 1721 г. по 1762 г. (период возникновения прокурорского надзора); 1762–1811 гг. (период развития прокурорского надзора при формировании системы разделения властей); 1811–1855 гг. (период развития прокуратуры в системе исполнительной власти); 1855–1881 гг. (период правовых реформ), 1881–1917 гг. (революционный период), что представляется не совсем необоснованным, поскольку указанные временные рамки (периоды) связаны с правлением определенного человека, в результате чего в обществе происходили изменения, как в экономической, так и в политической сфере, а также государственном устройстве [4].

Наиболее последовательной представляется периодизация отражающая хронологию принятия нормативно-правовых актов и законов, регламентирующих деятельность надзорного органа, а именно: 1) 1722–1775 гг. (в этот период приняты указы о создании прокуратуры и учреждения для управления губерний Российской империи); 2) 1775–1802 гг. (образовывались министерства юстиции); 3) 1802–1864 гг. (принимались Судебные Уставы); 4) 1864–1917 гг. (издан Декрет о суде № 1); 5) 1922–1936 гг. (принято Положение о прокурорском надзоре и образована единая централизованная прокуратура СССР); 6) 1936–1955 гг. (принято Положение о прокурорском надзоре в СССР); 7) 1955–1979 гг. (принят Закон о прокуратуре СССР); 8) 1979–1992 гг. (принят Закон о прокуратуре РФ);

9) с 1992 г. по настоящее время идет развитие системы органов прокуратуры Российской Федерации (принятие Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»).

В 1992 г. был принят закон «О прокуратуре Российской Федерации» (далее — Закон), который вступил в законную силу 18 февраля 1992 г. Закон изменил статус прокуроров в гражданском и уголовном судопроизводстве, закрепив за ними роль стороны при рассмотрении судами уголовных и гражданских дел. В то же время Закон, следуя историческим традициям, сохранил многие элементы, характерные для прокуратуры и прокурорского надзора СССР. Важный этап в правовом регулировании статуса прокуратуры связан с принятием всенародным голосованием 12 декабря 1993 года Конституции Российской Федерации. Конституционный статус прокуратуры отражала статья 129 главы 7 «Судебная власть», она зафиксировала положение прокуратуры как единой федеральной централизованной системы органов с подчинением нижестоящих прокуроров вышестоящим и Генеральному прокурору Российской Федерации. Был установлен порядок назначения и освобождения от должности Генерального прокурора Российской Федерации, а именно Советом Федерации по представлению Президента Российской Федерации.

В данном Законе закреплены основные направления надзорной деятельности прокуратуры, в частности прокурорский надзор за исполнением законов органами дознания и органами предварительного следствия. Прокурорский надзор в данной области выступает важной гарантией защиты прав и законных интересов потерпевших от преступлений.

Одним из направлений деятельности российской прокуратуры является надзор, осуществляя который, прокурор исполняет одну из основных своих процессуальных функций в досудебном производстве в виде контроля за точным и единообразным исполнением законов органами, осуществляющими предварительное расследование.

Определение понятия «полномочия прокурора по надзору за исполнением законов органами предварительного следствия» содержится в уголовно-процессуальном законе, и представляет собой систему прав и обязанностей прокурора, позволяющую ему в полной мере реализовать свое назначение на досудебной стадии уголовного производства: предупреждать, выявлять и устранять, путем внесения актов прокурорского реагирования, нарушений уголовно-процессуального закона, допускаемых со стороны органов предварительного следствия.

В научной литературе принято считать предметом прокурорского надзора законность всей процессуальной деятельности дознавателей и следователей при расследовании преступлений [5].

Закон не содержит прямого перечня полномочий прокурора по надзору за деятельностью органов следствия и дознания. В данном законе содержится формулировка: «Полномочия прокурора по надзору за

исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие, которые устанавливаются уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации и другими федеральными законами». Указанные полномочия содержатся в нескольких статьях Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (ст. 37, 124, 214) [6].

Основной целью прокурорского надзора является: защита конституционных прав и свобод человека и гражданина; обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности; защита охраняемых законом интересов общества и государства [7].

От уровня прокурорского надзора и организации взаимодействия органов прокуратуры и предварительного следствия зависит качество и своевременность расследования уголовного дела, а соответственно и недопущение привлечения к ответственности лица невиновного в совершении преступления.

Проведя анализ нормативно-правовых актов, регламентирующих деятельность прокурора в части осуществления им надзора за органами предварительного следствия, научных публикаций можно сделать вывод, что прокурор имеет широкий спектр полномочий, указанных в ст. 37 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Данные полномочия свидетельствуют о ведомственной незаинтересованности прокурора в исходе принятия окончательного процессуального решения по уголовному делу на стадии предварительного расследования в отличие от руководителя следственного органа и отсутствия у него (прокурора) процессуальной заинтересованности, кроме обеспечения законности уголовного судопроизводства.

Однако, исходя из практики осуществления надзора за органами предварительного расследования, прокурор лишен реальных и действенных мер реагирования при выявлении и устранении им нарушений закона на предварительном следствии. Он не имеет права отменять никаких незаконных постановлений следователя, кроме постановлений о возбуждении уголовного дела, о приостановлении предварительного расследования и о прекращении уголовного дела (уголовного преследования).

Представляется необходимым возвращение прокурору права согласования окончательного процессуального решения, в части вынесения постановления о возбуждении уголовного дела, приостановления предварительного расследования и о прекращении уголовного дела (преследования) по не реабилитирующим основаниям, поскольку существует опасность искусственного завышения, либо занижения статистических показателей без качественно проведенного предварительного расследования. Данные узковедомственные интересы органов предварительного расследования могут быть обусловлены искусственным искажением государственной статистической отчетности, в части снятия волокиты по уголовным делам на конец

месяца отчетного периода — в случаях прекращения уголовных дел, либо преждевременного направления уголовного дела прокурору для утверждения обвинительного заключения с последующим направлением в суд для рассмотрения по существу без качественно проведенного предварительного расследования (на примере органа предварительного расследования ОМВД России «Сватовский»).

Главной функцией прокурора является надзор за законностью процессуальных действий органов предварительного расследования на протяжении всего производства по уголовному делу.

Прокурор обязан следить за тем, чтобы нормы законодательства, регулирующие процессуальную деятельность органов предварительного следствия, не нарушались, а в случае обнаружения допущенных нарушений — немедленно принимались меры к их устранению, восстановлению нарушенных прав гражданина и государства.

Уровень компетентности прокурора является залогом его результативной работы, ввиду этого, возможно рассмотреть вопрос о внесении изменения в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации», обособив прокуроров (помощников прокуроров), надзирающих за указанным видом надзорной деятельности в отдельную группу. К данной группе прокуроров должны применяться особые квалификационные требования, такие как стаж работы, не менее 3–5 лет, иные данные (опыт участия в стадиях уголовного судопроизводства, наличие ученой степени, др.). Именно данные требования исключают формальность проведения прокурорского надзора некомпетентными прокурорами, а также более качественно выявлять нарушения в документах статистической отчетности, минимизировав искажения показателей в едином государственном статистическом отчете [8]. На примере органа предварительного расследования ОМВД России «Сватовский» Луганской Народной Республики, только в 2025 году прокуратурой района было возвращено более 10 уголовных дел для проведения дополнительного расследования, поставлено на учет по инициативе прокурора около 11 преступлений (возбуждено уголовных дел ранее известных, но по разным причинам неучтенных, отменено незаконных постановлений следователей о возбуждении уголовного дела примерно в 5 случаях, что указывает на некачественное рассмотрение сообщений о преступлениях и расследование уголовных дел. Приведенные данные свидетельствуют о низком уровне профессиональных навыков и качеств следователей и дознавателей правоохранительного органа, что подтверждает актуальность проблемы в данной сфере и необходимости поиска путей решения.

Анализ нормативно-правовых актов и законов, в части необходимых квалификационных требований к прокурорским работникам, показал, что данные требования отражены поверхностно и только при получении высшего образования, а именно: кандидат на должность прокурорского работника должен иметь высшее юридическое об-

разование по программам, имеющим госаккредитацию, с квалификацией «специалист» или степенью магистра, обязан быть дисциплинированным, честным, объективным и справедливым, патриотичным, иметь нравственную чистоту и твердость моральных убеждений, обладать гражданской зрелостью и готовностью брать личную ответственность за выполнение задач органов прокуратуры [7].

Однако нигде в исследуемой области не отражен четкий перечень квалификационных требований к прокурорскому работнику по конкретному виду надзора, что указывает на актуальность исследуемой проблемы.

Как альтернативу, возможно внедрить такую форму развития профессиональных качеств специалиста (прокурора) в сфере надзора за предварительным следствием, как наставничество. За работником прокуратуры, осуществляющим надзор за органами предварительного следствия целесообразно закрепить более опытного, квалифицированного работника прокуратуры. Если это относится к прокуратуре города (района), то рассмотреть вариант закрепления заместителя прокурора, поскольку должностной инструкцией именно на него возложена обязанность осуществлять надзор за органами предварительного расследования. Если взять уровень прокуратур субъектов, то возможно закрепить одного из заместителей начальника курирующего отраслевого отдела, либо управления субъекта. Тем самым возможно будет достичь основную цель наставничества — содействие профессиональному становлению прокурорских работников, формированию правосознания, системы ценностей, знаний и умений, необходимых для безупречного исполнения должностных обязанностей при осуществлении надзора за органами предварительного расследования.

И поэтому именно вышеупомянутые критерии к прокурорским работникам исключают формальность в проведении надзора, а также усилят его уровень в указанной сфере, поскольку прокурор, обладающий знаниями следователя может предотвратить повышение процента, как возвращения судом уголовных дел (ст. 237 УПК РФ), а также вынесения судом оправдательных приговоров и удовлетворения жалоб граждан (ст. 124, 125 УПК РФ) на действие (бездействие) должностных лиц органов предварительного следствия при вынесении итоговых процессуальных решений.

Кроме того, невозможно не упомянуть о проблемах прокурорского надзора за органами предварительного следствия в условиях военного положения, а также проведения специальной военной операции (далее — СВО) Российской Федерации.

04.10.2022 принят Федеральный конституционный закон № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта — Луганской Народной Республики».

Примерно 95 % от общего количества зарегистрированных сообщений в правоохранительных органах, яв-

ляются преступления, связанные с военными преступлениями в условиях проведения специальной операции Российской Федерации. Оставшиеся 5 % зарегистрированных сообщений, связанные с иными военными преступлениями.

Материалы процессуальных проверок по указанным сообщениям направлены по подследственности (ст. 151 УПК РФ) в военные следственные органы Следственного комитета Российской Федерации для приобщения к уголовному делу, возбужденному Следственным комитетом РФ по факту вооруженной агрессии со стороны ВСУ.

Актуальной проблемой прокурорского надзора за органами предварительного расследования в условиях военного положения, по моему мнению, является неполная правовая интеграция исторических регионов РФ (на примере ЛНР) в правовое поле страны, которая обусловлена переходным периодом (Федеральный закон от 4 октября 2022 г. № 373-ФЗ «О ратификации Договора между Российской Федерацией и Луганской Народной Республикой о принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта» до 01.01.2026 года. Правительственной комиссией по законопроектной деятельности в настоящее время одобрен, но не принят законопроект, продлевающий срок переходного периода до полной интеграции Донбасса и Новороссии в РФ до марта 2028 года.

Органами предварительного расследования в условиях военного положения не представлялось возможным в полной мере применить положения действующего уголовно-процессуального законодательства, в связи с выполнением своих должностных обязанностей на территории обслуживания расположенной непосредственно вблизи линии боевого соприкосновения, что влияло в первую очередь на законность определения подсудности для рассмотрения уголовных дел (отсутствие в указанных местах военных судов РФ), определения уголовно-пра-

вовой квалификации действий преступников и препятствием для направления уголовных дел в суд для рассмотрения по существу, а также возвращения судом уголовных дел прокурору.

В результате чего, прокурорский надзор в указанной сфере оказывался неэффективным и формальным, что затрудняло надзирающим прокурорам и государственным обвинителям выполнять свои обязанности строго в соответствии с законом.

Таким образом, следует сделать следующий вывод: искоренить проблемы прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия возможно только после внесения изменений и закрепления в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации» и в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации полномочий прокурора по надзору за указанным видом деятельности, а именно: вернуть прокурору право на согласия органу предварительного расследования в принятии процессуальных решений в части возбуждения уголовного дела, приостановления предварительного расследования и прекращения уголовного дела (преследования) по не реабилитирующим основаниям; особые квалификационные требования к работнику прокуратуры осуществляющего вышеуказанный вид надзора; введения института наставничества в части надзорной деятельности за органами предварительного расследования; привлечение к надзору за законностью итогового решения следственных органов работников, участвующих в рассмотрении уголовных дел судами. Данная трансформация послужит залогом успеха в совершенствовании законодательства в указанной сфере и своевременной адаптации в реальных условиях изменения правового пространства, что в дальнейшем создаст более сбалансированную и разнообразную систему прокурорского надзора за органами, осуществляющими предварительное расследование.

Литература:

1. Курганская, А. С. История возникновения и развития прокурорского надзора за исполнением законов органами предварительного следствия / А. С. Курганская // Молодой ученый. — 2022. — № 4 (399). — С. 20–211. — URL <https://moluch.ru/archive/399/8825>.
2. Кобзарев, Ф. М. Прокуратура России: правовое положение и перспективы развития. — Москва. — 2002. — С. 21.
3. Амиров, З. И. Становление и развитие органов прокуратуры России во второй половине XIX — XX века: Историко-правовой аспект: автореферат диссертации... кандидата юридических наук / Амиров Захар Исаевич. — Ставрополь, 2001. — С. 17–23.
4. Галузо, В. Н. Власть прокурора в России: историко-правовое исследование: монография / В. Н. Галузо. Москва, 2008. — С. 18–20.
5. Белоусова, А. О. Прокурорский надзор за деятельностью органов предварительного следствия и дознания / А. О. Белоус // Вестник магистратуры. — 2018. — № 4. — С. 1 (79).
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ: [в редакции от 29 декабря 2025 года]. — Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». — Текст: электронный.
7. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17 января 1992 года № 2202-I: [в редакции от 29 декабря 2025 года]. — Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». — Текст: электронный.

8. О государственном едином статистическом учете данных о состоянии преступности, а также о сообщениях о преступлениях, следственной работе, дознании, прокурорском надзоре: приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 9 декабря 2022 года № 746. — Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс». — Текст: электронный.

Проблемы уголовной ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения, на современном этапе

Моисеев Евгений Евгеньевич, студент магистратуры
Научный руководитель: Савельева Ольга Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

Данная статья посвящена актуальным проблемам уголовной ответственности лиц, совершивших преступления в состоянии опьянения, с учётом современных тенденций законодательного регулирования и противоречивой судебной практики. Автором выявляются системные недостатки правоприменения, включая формальный подход к признанию опьянения отягчающим обстоятельством.

Ключевые слова: алкогольное и наркотическое опьянение, административная преюдиция, транспортные преступления.

Проблема уголовной ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения, на протяжении длительного времени сохраняет свою остроту как в теоретическом, так и в правоприменительном аспектах. Защита граждан от преступных посягательств, совершаемых лицами, находящимися в состоянии опьянения, является одной из приоритетных задач уголовно-правовой политики современной России.

Состояние опьянения представляет собой распространённое условие, способствующее совершению преступлений.

По данным уголовно-правовой статистики, в 2022 число преступников, находившихся в опьянении (наркотическом и алкогольном), составило 259675, в 2023 году — 202200, в 2024 году — 161531, а в 2025 году — 130612.

Таким образом, можно отметить постепенное снижение уровня регистрируемых преступлений, совершаемых в состоянии опьянения: в 2023 году — на 22,1 %, в 2024 году — на 20,1 %, в 2025 года — на 19,1 %.

В целом, по сравнению с 2022 годом, к началу 2026 года уровень совершаемых преступлений в состоянии опьянения снизился наполовину.

При этом во все указанные периоды доля преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения, значительно превалирует над числом преступлений, совершаемых в наркотическом опьянении [1].

Несмотря на отмеченные позитивные тенденции последних лет — масштабы такого рода преступных деяний остаются значительными.

Особую тревогу вызывает то, что преступления, совершенные в состоянии опьянения, зачастую относятся к категории тяжких и особо тяжких, что существенно повышает их общественную опасность. Например, в 2025 году число тяжких и особо тяжких преступлений, совер-

шенных в состоянии алкогольного опьянения, составило 28192, а наркотического — 4891 [1].

Н. И. Пикуров в своём исследовании акцентирует внимание на цифрах смертности от ДТП, совершенных водителями в состоянии опьянения, что, по мнению автора, стало одним из аргументов для ужесточения ответственности по ст. 264 УК РФ и введением ответственности за управление автотранспортом в состоянии опьянения в ст. 264.1 УК РФ [2, с. 87].

При этом автор указывает на сложности в определении причинной связи между нарушением правил и наступившими последствиями, особенно если нарушение (например, отказ от освидетельствования) не доказывает факт опьянения [2, с. 87].

В то же время А. В. Курсаев констатирует, что нормы действующего уголовного законодательства повторяют «ранее содержащееся в п. 10 ст. 39 УК РСФСР 1960 г. положение об отнесении состояния опьянения к отягчающим обстоятельствам с той лишь разницей, что согласно Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ) [3] суд может признать состояние опьянения в качестве отягчающего обстоятельства, а в УК РСФСР — не признать за указанным состоянием данного статуса» [4, с. 25].

Далее автор обращает внимание на то, что современные подходы к уголовной ответственности за преступления, совершённые в состоянии опьянения, основываются на индивидуализации наказания и учёте роли опьянения в механизме преступления. Законодательство и судебная практика развиваются в сторону ужесточения ответственности, но требуют более чётких стандартов доказывания и обоснования решений. Важным направлением является исключение двойного учёта опьянения и более глубокий анализ его влияния на поведение виновного. [4, с. 25–26].

С. В. Тасаков подчёркивает, что текущие меры (например, отягчающие обстоятельства, квалифицирующие

признаки) недостаточны для эффективной борьбы с преступностью, совершаемой в состоянии опьянения. Необходимы комплексные подходы, включая **профилактику, лечение и социальную реабилитацию** [5, с. 15].

Анализируя конкретные нормы Особенной части УК РФ, где состояние опьянения входит в конструкцию состава преступления, в частности, ст. 264.1 УК РФ, Ю. С. Караваева отмечает, что для квалификации преступления в данном случае необходимо доказать, что лицо находилось в состоянии опьянения **в момент управления транспортным средством**. Однако на практике это часто вызывает сложности, особенно если опьянение не было зафиксировано медицинскими документами.

Суды не всегда чётко обосновывают, как именно опьянение повлияло на механизм преступления, что приводит к отмене приговоров вышестоящими инстанциями [6, с. 79].

Состояние опьянения не создаёт умысла на совершение преступления, но способствует снижению самоконтроля, усилению агрессии или неадекватной оценке ситуации. Например, водитель в состоянии опьянения теряет способность адекватно реагировать на дорожную обстановку, что повышает риск ДТП.

Конституционный Суд РФ подчёркивает, что повторное совершение правонарушений в состоянии опьянения свидетельствует о повышенной общественной опасности личности, что оправдывает ужесточение ответственности [6, с. 80].

Данный автор акцентирует внимание на понятии преюдиции:

Преюдиция — это учёт предыдущих правонарушений или судимостей при квалификации нового преступления. Например:

— **судимость** за нарушение ПДД (ст. 264 УК РФ) является квалифицирующим признаком.

— **административная преюдиция** (например, в ст. 264.1 УК РФ) означает, что лицо ранее привлекалось к административной ответственности за аналогичное нарушение (например, управление транспортным средством в состоянии опьянения).

Некоторые учёные считают, что преюдиция основывается на идее «опасного состояния» личности, то есть склонности к повторным правонарушениям. Однако это вызывает критику, так как не учитывает индивидуальные обстоятельства и может приводить к несправедливому наказанию.

Конституционный Суд РФ отмечает, что повторные правонарушения «накапливают общественную опасность», что оправдывает их криминализацию. Однако это требует чёткого обоснования в каждом конкретном случае [6, с. 80].

Водители, принимающие лекарства по назначению врача, часто не осознают, что препарат содержит веще-

ства, запрещённые для управления транспортом. Это ставит под сомнение наличие **умышленной формы вины**, что является обязательным признаком состава преступления по ст. 264.1 УК РФ.

Объективное вменение: на практике суды часто признают водителей виновными только на основании объективного признака (наличия запрещённых веществ в организме), игнорируя субъективную сторону. Это противоречит принципу **вины** (ст. 5 УК РФ) и **презумпции невиновности** (ст. 1.5 КоАП РФ) [7, с. 45].

В **примечании к ст. 264 УК РФ** перечень веществ, вызывающих опьянение, ограничен **алкоголем, наркотическими и психотропными веществами**. Это создаёт пробел: водители, управляющие транспортом под воздействием других веществ (например, трамадола), формально не подпадают под уголовную ответственность, хотя их действия представляют такую же опасность [7, с. 46].

Суды часто **формально подходят** к квалификации, не анализируя, как именно лекарственный препарат повлиял на способность водителя управлять транспортом. Это приводит к **отмене приговоров** вышестоящими инстанциями [7, с. 46].

Таким образом, анализ научных позиций позволяет утверждать, что проблема уголовной ответственности лиц, совершивших преступления в состоянии опьянения, сохраняет высокую актуальность, несмотря на устойчивую тенденцию к снижению абсолютного числа таких преступлений.

В правовом регулировании обозначился ряд системных противоречий.

Во-первых, возвращение состояния опьянения в переченьотягчающих обстоятельств (ч. 1.1 ст. 63 УК РФ) поставило перед судами сложную задачу обоснования влияния опьянения на механизм преступления, что на практике нередко приводит к формальному применению нормы и нарушению принципа индивидуализации наказания.

Во-вторых, в специальных составах (прежде всего в ст. 264.1 УК РФ) сохраняются трудности доказывания субъективной стороны, особенно в случаях, когда опьянение вызвано лекарственными препаратами, — это порождает риск объективного вменения и противоречит принципу вины.

В-третьих, законодательный перечень веществ, вызывающих опьянение, не охватывает все потенциально опасные средства, что создаёт пробелы в квалификации.

Дискуссионным остаётся и механизм преюдиции: учёт предшествующих правонарушений при квалификации нового деяния, с одной стороны, отражает повышенную общественную опасность личности, с другой — требует взвешенного подхода, исключая автоматическое ужесточение без анализа конкретных обстоятельств.

Литература:

1. Статистика и аналитика // Состояние преступности за 2022–2025 гг., январь–август 2025 г. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 28.06.2026).

2. Пикуров Н. И. Основные тенденции развития законодательства об ответственности за транспортные преступления // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. № 4. С. 87–92.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
4. Курсаев А. В. Подходы судов к оценке совершения преступления в состоянии опьянения как обстоятельства, отягчающего или смягчающего наказание // Уголовное право. 2023. № 6. С. 25–38.
5. Тасаков С. В. Преступления, совершаемые в состоянии алкогольного опьянения (уголовно-правовой и нравственный аспекты) // Российская юстиция. 2018. № 10. С. 14–15.
6. Караваева Ю. С. Уголовно значимые правовые состояния как специальные признаки субъекта преступления // Российский юридический журнал. 2023. № 6. С. 79–90.
7. Хромов Е. В. Управление транспортным средством в состоянии опьянения, вызванном употреблением лекарственных препаратов // Законность. 2023. № 4. С. 45–52.

Физическое или психическое принуждение как обстоятельство, исключающее уголовную ответственность

Мосенкова Марина Алексеевна, студент магистратуры
Научный руководитель: Савельева Ольга Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

Данная статья посвящена анализу ст. 40 Уголовного кодекса РФ, где закреплено одно из шести обстоятельств, исключающих преступность деяний. Оно менее распространено в правоприменительной практике по сравнению с необходимой обороной, но при этом вызывает не меньше споров в научной доктрине.

Ключевые слова: физическое и психическое принуждение, крайняя необходимость, обстоятельства, исключающие преступность деяния.

Физическое или психическое принуждение занимает четвертое место в числе шести обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Несмотря на то, что данная норма существует в российском уголовном праве уже несколько десятилетий, практика его применения остается довольно скудной и противоречивой.

В науке уголовного права институт физического или психического принуждения воспринимается не всеми учеными однозначно, а в отношении правил применения ст. 40 УК РФ высказываются диаметрально противоположные точки зрения. Более того, в тексте ст. 40 УК РФ законодатель прямо ссылается на необходимость обращения к правилам допустимости причинения вреда при ином обстоятельстве, исключающем преступность деяния — крайней необходимости.

Как со смысловой точки зрения, так и с точки зрения законодательной техники это вызывает обоснованную критику.

В теории уголовного права «под физическим принуждением понимается противоправное воздействие на лицо, лишаящее его возможности действовать по своей воле» [1, с. 73].

Физическое принуждение может выражаться в различных формах: связывание, запираение, пытки, причинение телесных повреждений и иные насильственные действия, полностью подавляющие волю лица [2, с. 76].

Уголовным законом выделяются два вида физического принуждения: непреодолимое (ч. 1 ст. 40 УК РФ) и преодолимое (ч. 2 ст. 40 УК РФ).

Непреодолимое физическое принуждение, как пишут авторы одного из комментариев, «представляет собой наличную и реальную неспособность лица руководить своими действиями вследствие полного подавления его воли. В таком состоянии лицо не в состоянии сопротивляться принуждению, и совершенное им деяние не соответствует его волеизъявлению. Лицо фактически выступает не как субъект преступления, а как орудие в руках принуждающего. Уголовной ответственности за совершенное преступление в таком случае подлежит принуждающий как посредственный исполнитель (ч. 2 ст. 33 УК)» [3, с. 52].

Как отмечается в доктрине, «физическое принуждение отличается от психического отсутствием возможности выбора между пожертвованием собственным благом и совершением преступного деяния, поэтому совершенное в этом состоянии никогда не может быть вменяемо в вину независимо от сравнительной важности разрушенного блага» [4, с. 279].

Психическое принуждение представляет собой воздействие на психику лица с целью склонить его к совершению определенных действий (бездействия). Способы психического принуждения могут быть самыми разнообразными: угрозы, шантаж, запугивание [5, с. 23], а также

такие формы, как гипноз, электронная стимуляция мозга и иные методы психологического воздействия внеинформационного характера [6, с. 11–12].

В отличие от физического принуждения, психическое принуждение не лишает лицо физической способности руководить своими действиями, однако существенно ограничивает свободу волеизъявления.

Как справедливо отмечает В. Г. Луценко, «в теории уголовного права зачастую произвольно смешиваются такие принципиально разные понятия, как «принуждение», «экстремальные условия», «насилие», «стрессовая ситуация», «непреодолимая сила», что создает дополнительные сложности как для теоретического осмысления института, так и для правоприменительной практики» [7, с. 50].

Поэтому требуется четкое разграничение данных категорий для обеспечения единообразного применения уголовно-правовых норм.

Ч. 2 ст. 40 УК РФ устанавливает, что вопрос об уголовной ответственности за причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в результате психического принуждения, а также в результате физического принуждения, вследствие которого лицо сохранило возможность руководить своими действиями, решается с учетом положений ст. 39 УК РФ о крайней необходимости

Таким образом, преодолимое физическое принуждение и психическое принуждение исключают уголовную ответственность лица при соблюдении двух условий:

Во-первых, принуждение должно быть наличным и реальным.

Во-вторых, действия под принуждением должны соответствовать условиям правомерности крайней необходимости, в частности условию соразмерности вреда. Это означает, что причиняемый вред должен быть меньшим предотвращенного, но не в коем случае не большим или равным. По этому признаку, крайняя необходимость, ну и, соответственно, физическое или психическое принуждение, отличаются от необходимой обороны, где фактический вред может быть не только равным предотвращенному, но и большим.

Обратим внимание, что при преодолении принуждения у лица, ограниченно, но сохранена свобода выбора линии поведения, что полностью исключено при непреодолимом принуждении. Именно этим обусловлено требование УК РФ об оценке такого поведения через призму крайней необходимости.

Несмотря на то, что физическое или психическое принуждение в уголовном законе закреплено уже давно, данное обстоятельство, исключая преступность деяния, по-прежнему порождает плюрализм мнений в научной доктрине и в судебной практике по многим аспектам.

Во-первых, вызывает критику сама структура ст. 40 УК РФ, связанная с тем, что, как отмечено ранее, несмотря на самостоятельность данного вида обстоятельства главы 8 УК РФ, законодатель «смешивает» его с крайней необ-

ходимостью, указывая в ч. 2 ст. 40 УК РФ на применение правил ст. 39 УК РФ. Это выглядит нелогично.

В научной доктрине по данному поводу высказывается справедливое суждение, что обстоятельства по ст. 39 УК РФ и ст. 40 УК РФ имеют различную юридическую природу. При крайней необходимости лицо действует под воздействием объективных обстоятельств, тогда как при принуждении — под воздействием противоправных действий другого лица. Это различие должно влечь за собой дифференцированный подход к правовой оценке, что в действующей редакции ст. 40 УК РФ не всегда учитывается.

Во-вторых, в теории уголовного права существует неоднозначное толкование термина «психическое принуждение».

Анализ судебной практики показывает, что суды по-разному оценивают психическое принуждение.

Из формулировок судебных решений можно сделать вывод о возможном существовании непреодолимого психического принуждения, что не соответствует буквальному смыслу ч. 2 ст. 40 УК РФ. Данная проблема требует дополнительного научного осмысления и, возможно, законодательного уточнения.

В-третьих, сложности возникают при разграничении принуждения и смежных понятий. Так, в Особенной части УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за принуждение к совершению ряда действий (бездействия). К примеру, в ст. 120 УК РФ говорится о принуждении к изъятию органов или тканей человека для трансплантации.

Однако четких критериев разграничения принуждения как обстоятельства, исключая преступность деяния, и принуждения как самостоятельного состава преступления, в законе не содержится.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

Положения о физическом или психическом принуждении, закрепленные в ст. 40 УК РФ, являются важным элементом системы обстоятельств, исключая преступность деяния, и выполняют значимую функцию в механизме уголовно-правовой охраны прав и свобод личности. Законодательное разграничение непреодолимого и преодолимого физического принуждения, а также психического принуждения создает правовую основу для дифференцированной оценки деяний, совершенных под воздействием принуждения.

Вместе с тем, существующая законодательная конструкция ст. 40 УК РФ не лишена недостатков. Отсылка к правилам крайней необходимости для оценки преодолимого физического принуждения и психического принуждения создает логические и практические сложности.

Неоднозначное толкование термина «психическое принуждение» в теории и судебной практике, а также отсутствие четких критериев разграничения принуждения со смежными понятиями свидетельствуют о необходимости дальнейшего совершенствования законодательного регулирования.

Литература:

1. Орешкина Т. Ю. Система обстоятельств, исключаящих преступность деяния // Lex russica. 2015. № 3. С. 73–85.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. 14-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. А. И. Рапог. М.: Проспект, 2025. 1032 с.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный): УК РФ с учетом последних изменений (федеральные законы № 218-ФЗ, 221-ФЗ и 245-ФЗ) / под ред. Г. А. Есакова. 5-е изд. М.: Проспект, 2014. 555 с.
4. Уголовное право: Общая часть: Учебник / Отв. ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова. М.: НОРМА, 1998. 503 с.
5. Васильев А. М., Васильева Н. А. Признание вины под принуждением // Администратор суда. 2012. № 2. С. 23–26.
6. Сердюк Л. В. Психическое насилие как предмет уголовно-правовой оценки следователем. Волгоград, 1981. 62 с.
7. Луценко Е. Г. Психическое принуждение в системе норм главы 8 уголовного кодекса Российской Федерации: дисс... канд. юр. наук. Ставрополь, 2011. 179 с.

Особенности расследования убийств, совершенных путем утопления

Мустафаев Реза Ибираимович, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Расследование убийств, совершенных путем утопления, относится к числу наиболее сложных направлений следственной практики, поскольку сама обстановка происшествия нередко стирает либо искажает следы насилия. Сложность состоит не только в установлении механизма смерти, но и в разграничении убийства, несчастного случая, самоубийства и иных вариантов смерти в воде.

Ключевые слова: убийства, убийство путем утопления, особенности расследования, утопление.

В судебном-медицинском смысле утопление понимается как вид насильственной смерти, возникающей при погружении человека в жидкость и обусловленной острым нарушением жизненно важных функций организма под влиянием водной среды. Такое определение важно именно для уголовно-правовой оценки, следствие должно установить не просто факт нахождения тела в воде, а причину и способ наступления смерти. Иначе говоря, вода в данном случае выступает не фоном происшествия, а частью механизма гибели, но далеко не всегда единственной его причиной. В научной литературе утопление обычно делят на несколько типов: аспирационное, спастическое, рефлекторное и смешанное. Для криминалиста эта классификация имеет практическое значение, потому что разные механизмы смерти оставляют неодинаковую следовую картину. Так, при одних вариантах утопления преобладают признаки проникновения среды водоема в дыхательные пути и кровь, при других, следы выраженного спазма гортани и острой остановки функций сердца и дыхания. Отсюда следует важный вывод о насильственном характере смерти нельзя строить только на одном внешнем признаке, каким бы выразительным он ни казался. [1]

По делам этой категории осмотр места происшествия имеет решающее значение, поскольку именно на начальной стадии чаще всего еще можно зафиксировать обстановку, способную подтвердить или опровергнуть версию об убийстве. В соответствии со ст. 176–178 УПК РФ осмотр места происшествия и трупа должен быть про-

веден незамедлительно, с участием специалиста, если это необходимо для обнаружения и фиксации следов, имеющих значение для дела. В рассматриваемой категории дел это особенно важно, поскольку водная среда быстро разрушает следы, а естественные процессы, например, течение, волны, температура, загрязненность воды, способны изменить исходную картину уже в первые часы.

При осмотре необходимо фиксировать температуру воды и воздуха, характер течения, подвижность водоема, видимость дна, наличие растительности, состояние берега, а также положение тела и предметов вокруг него. Эти данные важны не формально, а по существу, поскольку они помогают понять, мог ли потерпевший самостоятельно попасть в воду, был ли он в состоянии сопротивляться, а также насколько вероятно перемещение тела после смерти. Если в протоколе не отражены такие обстоятельства, позднее становится крайне затруднительно восстановить механизм происшествия.

Не менее важна фиксация предметов, находящихся при трупе, например, одежды, обуви, привязанных грузов, посторонних связок, веревок, камней, следов захвата, повреждений ткани, а также признаков борьбы на берегу. Именно эти детали нередко оказываются теми самыми «маленькими» обстоятельствами, из которых затем складывается доказательная картина преступления. Поэтому цель осмотра должна заключаться не только на исследовании тела, но и на всей окружающей обстановке.

Первоначальные действия следователя по такой категории дел должны быть нацелены на максимально полную

фиксацию обстановки и сохранение следов, пока они не утрачены под воздействием воды. Практически это означает необходимость фото- и видеосъемки, составления плана и схемы, изъятия видимых объектов, а также установления и опроса очевидцев, которые могли видеть перемещение потерпевшего, его состояние до гибели или обстоятельства появления у водоема. Важно не ограничиваться формальным опросом, а сразу выяснять предшествующие события, например, употребление алкоголя, конфликты, угрозы, попытки скрыть следы, перемещения потерпевшего и его контакты в ближайшее время до происшествия. [2]

Отдельного внимания требует вопрос о личности погибшего и о возможных мотивах преступления. Если тело обнаружено в воде, это еще не означает, что смерть наступила именно там. По этой причине следователь должен одновременно проверять версию о смерти в другом месте с последующим перемещением тела в водоем. Такая версия особенно значима при наличии повреждений, не объясняемых утоплением, либо при обнаружении признаков связывания, оглушения или иного предшествующего насилия.

Судебно-медицинская оценка при утоплении строится на совокупности данных, исследователи подчеркивают, что при анализе трупов, извлеченных из воды, необходимо ответить на три базовых вопроса,

- 1) было ли прижизненное попадание человека в водоем,
- 2) каков танатогенетический механизм смерти, и,
- 3) что привело к утоплению.

Это очень точная постановка задачи, потому что именно здесь проходит граница между простой констатацией смерти в воде и доказательством убийства.

В судебной медицине указывается, что признаки утопления могут быть как типичными, так и не вполне определенными, их выраженность зависит от типа утопления, времени пребывания тела в воде, температуры среды, гнилостных изменений и наличия сопутствующих повреждений. Поэтому эксперт не должен подменять доказательственный анализ привычной формулой о «смерти от утопления», если обстоятельства дела этому не соответствуют. Для следствия это означает необходимость назначения комплексной экспертизы и сопоставления ее результатов с данными осмотра места происшествия и показаниями свидетелей.

В работах по судебной медицине подчеркивается, что утопление представляет собой процесс, зависящий от комплекса экзогенных и эндогенных факторов, а потому морфологическая картина не всегда одинакова. Это объясняет, почему одни случаи не вызывают затруднений, а другие ставят перед экспертом серьезные диагностические вопросы. Для уголовного дела это имеет прямое значение, поскольку, если водная среда сама по себе создала условия для гибели, нужно отличать это от ситуации, когда человека насильно погрузили в воду либо лишили возможности сопротивляться до попадания в нее.

Соответственно, расследование убийства путем утопления требует сочетания криминалистического, судебно-медицинского и процессуального подходов. Нельзя ограничиться лишь констатацией биологического механизма смерти, потому что уголовно-правовое значение имеет не только причина, но и способ ее реализации. Именно способ нередко указывает на умысел, а иногда, и на способ сокрытия другого преступления.

Убийства, совершенные путем утопления, относятся к категории дел, где эффективность расследования во многом зависит от качества первоначального осмотра и полноты фиксации обстановки. Чем быстрее и тщательнее следователь закрепит признаки места происшествия, тем выше вероятность установить истинный механизм смерти и отличить убийство от иных вариантов гибели в воде.

Проблема установления смерти от утопления заключается в том, что сама водная среда одновременно и сохраняет, и уничтожает доказательства. С одной стороны, она способна зафиксировать отдельные признаки прижизненного попадания человека в воду; с другой, быстро изменяет труп, размывает следы насилия и осложняет диагностику. Поэтому при расследовании по делам об убийствах, совершенных путем утопления, нельзя ограничиваться внешним осмотром тела, значение имеет только совокупность данных, полученных на месте происшествия, в морге и в ходе экспертного исследования. [2]

К числу наиболее известных признаков утопления относят мелкопузырчатую пену у рта и носа, наличие жидкости в дыхательных путях и желудке, признаки острой дыхательной недостаточности, изменения легких, а также разжижение крови и отдельные морфологические особенности внутренних органов. В судебной медицине подчеркивается, что эти признаки не обладают абсолютной доказательственной силой по отдельности. Их ценность состоит именно в сочетании, один и тот же признак может наблюдаться как при истинном утоплении, так и при пребывании трупа в воде после наступления смерти по иной причине. Это обстоятельство принципиально важно, поскольку следствие нередко сталкивается с попытками представить насильственную смерть как случайное утопление.

Особое значение имеет обнаружение прижизненного попадания среды утопления в организм. В литературе указывается на значение диатомового планктона, микрочастиц воды и других инородных включений, обнаруживаемых в крови, органах и костном мозге, однако и здесь следует сохранять осторожность, поскольку, экспертная практика показывает, что подобные данные сами по себе не исчерпывают вопроса о причине смерти, поскольку их интерпретация зависит от характера водоема, давности пребывания тела в воде и степени посмертных изменений. Иначе говоря, лабораторный результат имеет значение только тогда, когда он соотносен с обстоятельствами дела и обстановкой обнаружения трупа.

Не меньший интерес представляют признаки длительного пребывания тела в воде, среди которых следует вы-

делить выраженную мацерацию кожи, отслоение поверхностных слоев, а также изменения, связанные с гниением и образованием газов. Эти изменения не доказывают, что смерть наступила именно в воде, но они помогают реконструировать временной промежуток и условия, в которых находился труп. Для следователя это не второстепенная деталь, а важный ориентир, ведь, чем дольше тело находилось в воде, тем меньше возможностей опереться на обычные морфологические признаки и тем больше возрастает значение иных доказательств.

В этой связи судебная практика исходит из необходимости разграничивать истинное утопление и посмертное попадание тела в воду. Если человек умер от иной причины, а затем был помещен в водоем, картина исследования может оказаться внешне сходной с утоплением, но по существу, будет иной. Именно поэтому эксперт в подобных случаях обязан оценивать не отдельный симптом, а общую совокупность морфологических и обстоятельственных данных.

Когда речь идет об убийстве, совершенном путем утопления, центральным становится вопрос о насильственном характере действий. Здесь важна уже не только судебная медицина, но и криминалистика, поскольку следствие должно выявить признаки борьбы, подавления сопротивления и возможной предварительной подготовки преступления. В учебной и научной литературе подчеркивается, что о насильственном утоплении могут свидетельствовать повреждения на теле, следы борьбы на берегу, нарушение целостности одежды, а также посторонние предметы, указывающие на принудительное удержание потерпевшего. [4]

Следы борьбы обычно проявляются не как один яркий признак, а как цепочка косвенных обстоятельств. Это могут быть ссадины, ушибы, кровоподтеки, повреждения мягких тканей, следы захвата, а также следы ног, ладоней и иных контактов на грунте, песке или снегу. Иногда они заметны лишь при внимательном осмотре, и именно поэтому ранняя фиксация места происшествия столь существенна. Если берег уже затоптали, если вода смыла следы, а предметы переместили, следственная картина будет неполной, и восстановить реальное развитие событий станет значительно труднее.

Значимы и повреждения, не совместимые с версией самоубийства или случайного падения в воду. К ним относят множественные ушибы, переломы, глубокие раны, а также сочетание травм с признаками асфиксии. Само по себе наличие травмы еще не означает убийства, ведь человек мог удариться о твердое дно, камни, элементы мостов или конструкций, мог получить повреждения в момент падения, однако, когда повреждения многочисленны, расположены так, что не объясняются случайным падением, или дополняются признаками связывания и удержания, версия об убийстве приобретает куда большую убедительность. Поэтому в делах о смерти в воде важно не подменять анализ формулой «есть травма — значит, убийство», но и не игнорировать травмы, которые объективно не укладываются в картину несчастного случая.

Для насильственного утопления характерно и то, что преступник нередко пытается замаскировать содеянное под несчастный случай либо самоубийство. В таких ситуациях тело могут сбрасывать в воду после причинения иных повреждений, связывать конечности, привязывать к телу грузы, изменять обстановку на берегу, уничтожать следы пребывания на месте происшествия. Отсюда следует важный практический вывод, согласно которому, в подобных делах следователь обязан проверять не только непосредственный механизм утопления, но и более раннюю фазу преступления, когда потерпевшего могли лишиться сознания, избить, связать или переместить к водоему уже в беспомощном состоянии. Именно здесь обычно скрыта наиболее важная часть доказательственной картины.

Расследование подобных дел невозможно без комплекса экспертиз, чаще всего при расследовании данных убийств проводится судебно-медицинская экспертиза трупа, поскольку именно она дает ответ на вопрос о причине смерти и механизме наступления летального исхода. Но этим задача не исчерпывается. В зависимости от обстоятельств дела назначаются биологические, токсикологические, дактилоскопические и молекулярно-генетические исследования, особенно если тело подверглось длительному воздействию воды и ткани значительно изменились. [4]

Биологическое исследование имеет значение не только для подтверждения утопления, но и для проверки альтернативных версий. Микроскопия содержимого дыхательных путей и желудка, изучение посторонних включений, обнаружение микрочастиц среды водоема помогают установить, происходило ли прижизненное попадание воды в организм. Токсикологическая экспертиза, в свою очередь, нужна для выявления алкоголя, наркотических веществ и иных соединений, которые могли повлиять на способность потерпевшего сопротивляться, ориентироваться в пространстве или удерживаться на воде. Это особенно важно, если версия следствия включает состояние беспомощности, оглушения или отравления до попадания в воду.

В последние годы возрастает роль ДНК-идентификации и иных молекулярных методов, поскольку длительное пребывание в воде, мацерация и гниение нередко затрудняют обычную визуальную идентификацию. Когда ткани серьезно разрушены, именно генетические методы становятся одним из немногих надежных способов подтвердить личность погибшего. Это особенно важно для уголовного процесса, поскольку без точной идентификации лица сложно правильно выстраивать версию о мотивах, круге подозреваемых и предшествующих событиях.

Отдельного внимания заслуживают гидрологические и криминалистические исследования. В практическом смысле они позволяют понять, могло ли тело перемещаться под действием течения, где находилась точка первичного попадания в воду и насколько вероятно естественное изменение положения трупа. Иногда именно такие данные

помогают объяснить, почему тело обнаружено в месте, не совпадающем с районом совершения преступления. Для суда и следствия — это особенно важно, поскольку позволяет установить, что обнаружение тела в воде еще не означает, что именно там было совершено убийство.

В этом смысле следственный эксперимент, моделирование положения тела, учет направления течения и времени нахождения в воде приобретают не вспомогательное, а самостоятельное значение. Они не заменяют экспертизу, но помогают проверить версии следствия и исключить ошибочные выводы. Такая проверка особенно необходима тогда, когда обвиняемый утверждает, что потерпевший упал в воду случайно или утонул без вмешательства третьих лиц. Следственный эксперимент позволяет оценить, насколько подобное объяснение согласуется с объективной обстановкой. [3]

Таким образом, признаки утопления и признаки насильственного лишения жизни в воде нельзя рассматривать изолированно. Научно и практически оправдан только комплексный подход, при котором результаты судебно-медицинского исследования сопоставляются с данными осмотра места происшествия, следственного эксперимента, биологических и токсикологических исследований, а также с общей логикой событий. Именно такая последовательность позволяет избежать двух одинаково опасных ошибок, преждевременной квалификации смерти как убийства и столь же преждевременного отказа от версии о преступлении.

После обнаружения тела в водоеме основная задача следователя состоит не просто в фиксации факта смерти, а в сохранении той информации, которая еще способна объяснить, как именно развивались события. В делах об убийствах, совершенных путем утопления, доказательственная база формируется в крайне неблагоприятных условиях, поскольку вода разрушает следы, течение перемещает предметы, а длительное пребывание тела в среде водоема изменяет как внешнюю, так и внутреннюю картину повреждений. Поэтому протокол осмотра должен содержать не общие формулы, а конкретные данные о температуре воды и воздуха, подвижности водной среды, направлении течения, состоянии берега, положении тела, одежде и возможных следах борьбы. Именно эти сведения в дальнейшем позволяют экспертам и суду отделить случайное утопление от насильственного лишения жизни.

С процессуальной точки зрения значение имеет и то, что осмотр места происшествия должен проводиться в соответствии с требованиями ст. 176–178 УПК РФ. Эти нормы задают не формальный, а содержательный стандарт, следователь обязан выявить, зафиксировать и сохранить следы, которые могут иметь значение для уголовного дела. Если осмотр выполнен поверхностно, дальнейшее расследование оказывается построенным на догадках. Напротив, тщательная фиксация деталей создает основу для последующей проверки версий, от несчастного случая до умышленного убийства. В подобных делах особенно важно осматривать не только саму точку обнаружения

тела, но и прилегающую территорию, поскольку признаки борьбы, перемещения потерпевшего и действий третьих лиц нередко находятся именно там. [3]

Наряду с осмотром существенное значение приобретает работа со свидетелями. При этом опрос не должен сводиться к выяснению одного лишь момента обнаружения тела. Гораздо важнее восстановить предшествующие обстоятельства, видел ли кто-либо потерпевшего до происшествия, в каком он был состоянии, употреблял ли алкоголь, конфликтовал ли с кем-то, куда направлялся, не сопровождал ли его кто-либо. Для таких дел характерно, что ключевые сведения находятся в коротком временном промежутке до смерти. Если этот промежуток не исследовать сразу, он нередко оказывается утраченным. По этой причине следователь должен действовать быстро, но последовательно, проверяя все версии, а не только наиболее очевидную.

В современных условиях все большее значение приобретают цифровые следы. Речь идет о данных мобильной связи, геолокации, перемещениях телефона, видеозаписях камер наблюдения, сообщениях в мессенджерах и других электронных следах, которые способны подтвердить маршрут потерпевшего и круг его контактов. В делах об утоплении это особенно важно, поскольку перемещение тела в водоем может быть лишь завершающим эпизодом более раннего преступления. Именно цифровые данные позволяют восстановить промежуточные действия: где находился потерпевший до попадания в воду, с кем был на связи, не изменял ли резко маршрут, не фиксировались ли попытки скрыть следы или вызвать помощь. Такой материал не заменяет традиционные доказательства, но нередко восполняет те пробелы, которые неизбежно возникают в водной среде.

Квалификация деяния при обнаружении трупа в воде требует особой осторожности, потому что следствие должно доказать не только наступление смерти, но и ее насильственный характер, а также умысел виновного. Ошибка на этой стадии способна повлечь неверную правовую оценку всего происшествия. Если преждевременно принять версию о несчастном случае или самоубийстве, то значительная часть доказательств будет потеряна. Если же, напротив, без достаточных оснований исходить из версии об убийстве, следствие рискует построить обвинение на предположениях. Поэтому решающее значение имеет комплексная проверка обстоятельств и их сопоставление между собой.

В уголовно-правовом плане возможна квалификация по ст. 105 УК РФ, если будет доказано умышленное лишение жизни. При этом, следователь должен обосновать не только факт причинения смерти, но и то, каким образом виновный действовал, лишал ли потерпевшего возможности сопротивляться, удерживал ли его под водой, применял ли насилие до попадания в водоем, использовал ли иные средства, создававшие беспомощное состояние. Если же смерть наступила в результате иных действий, предшествовавших утоплению, это также должно найти отражение в правовой оценке. Иначе говоря, квалифи-

кация строится не на названии способа, а на доказанном содержании умысла и фактических действий виновного.

Здесь особенно заметна необходимость различать убийство, совершенное путем утопления, и смежные ситуации. Иногда потерпевшего избивают, причиняют ему черепно-мозговую травму или оглушают, а затем помещают в воду уже в беспомощном состоянии. В таких случаях вода становится лишь средством сокрытия либо завершения преступного посягательства. Следовательно, при квалификации важно установить весь механизм причинения смерти, а не ограничиваться внешним результатом. Такой подход соответствует общей логике уголовного закона, поскольку общественная опасность определяется не только итогом, но и способом реализации умысла. [5]

На первых этапах, в течение 24–72 часов, следствие должно действовать максимально собранно. Именно в это время еще можно своевременно изъять записи камер, запросить сведения у операторов связи, обнаружить очевидцев, зафиксировать следы на берегу и назначить необходимые экспертизы. Если промедлить, утрата доказательств становится практически необратимой. Поэтому практическая рекомендация здесь проста: в делах данной категории нельзя откладывать ни осмотр, ни допросы, ни запросы по цифровым следам. Чем раньше выстроена доказательственная база, тем меньше риск процессуальной ошибки и тем надежнее последующая квалификация.

Расследование убийств, совершенных путем утопления, по своей природе не может быть исключительно следственным. Оно требует согласованной работы нескольких специалистов, каждый из которых решает свою задачу. Следователь отвечает за процессуальную организацию, судебно-медицинский эксперт, за установление причины смерти и морфологических признаков, криминалист, за выявление и фиксацию следов, гидролог или иной специалист по водной среде, за оценку течения, глубины, особенностей дна и перемещения предметов, а токсиколог и генетик, за лабораторную проверку соответствующих образцов. Без такого взаимодействия расследование неизбежно становится фрагментарным.

Важность междисциплинарного подхода при расследовании убийства, совершенных путем утопления, состоит в том, что каждая отдельная область специальных знаний позволяет установить только часть общей картины. Специалиста в сфере судебной медицины может подтвердить или опровергнуть признаки прижизненного попадания воды в организм, но не объяснит, как именно тело оказалось в водоеме. Криминалист увидит следы на берегу и повреждения одежды, но не оценит их морфологическую природу. Гидролог способен показать направление перемещения тела, но не установит умысел виновного. Только совместная работа позволяет связать все элементы в единую причинно-следственную цепь. Именно поэтому в подобных делах особенно уместен комплексный анализ, а не разрозненные выводы отдельных специалистов.

Практически это означает, что уже при первичном осмотре нужно действовать по определенному алгоритму,

прежде всего, зафиксировать состояние воды и берега, положение тела, одежду, следы борьбы, возможные повреждения, признаки длительного пребывания в воде, а затем немедленно назначить те исследования, которые позволяют исключить либо подтвердить насильственный характер смерти. К числу обязательных относятся судебно-медицинская экспертиза, токсикологическое исследование, при необходимости, биологический и молекулярно-генетический анализ, а также проверка цифровых и видеоданных, если они способны пролить свет на предшествующие события. [5]

Наиболее распространенной ошибкой остается недостаточная фиксация гидрологических данных. Если в протоколе не отражены температура воды, направление течения, глубина, состояние дна и береговой линии, впоследствии становится трудно объяснить, как тело оказалось именно в этом месте и могло ли оно перемещаться естественным путем. Вторая частая ошибка связана с поздней эвакуацией тела и промедлением с назначением экспертизы. Чем дольше тело находится в воде и на воздухе после извлечения, тем сложнее оценить исходные признаки, а иногда, и вовсе невозможно восстановить их в полном объеме.

Еще одно упущение связано с неполным сбором образцов. Следователь может ограничиться визуальным осмотром и не изъять вещи, частицы грунта, растения, элементы одежды, образцы воды или иные объекты, которые в дальнейшем имели бы доказательственное значение. Наконец, опасной ошибкой является преждевременное принятие версии о самоубийстве или несчастном случае. Такая поспешность особенно рискованна тогда, когда на теле имеются травмы, не укладывающиеся в соответствующую картину, либо когда обстановка явно указывает на вмешательство третьих лиц.

Предотвращение этих ошибок возможно только при соблюдении стандарта, при котором каждый элемент осмотра документируется полно и последовательно. Протокол должен быть не формальным описанием, а точной фиксацией фактов: что именно обнаружено, где именно, в каком положении, при каких условиях и какими способами это зафиксировано. Чем детальнее первоначальный документ, тем меньше вероятность споров в дальнейшем. Это особенно важно в делах, где позднее восстановить обстановку уже невозможно.

Таким образом, расследование убийств, совершенных путем утопления, требует одновременного внимания к процессуальным, криминалистическим и судебно-медицинским аспектам. Только комплексный подход позволяет правильно квалифицировать деяние, исключить диагностические ошибки и сформировать доказательственную базу, пригодную для судебной проверки. В подобных делах междисциплинарное взаимодействие не является вспомогательным приемом, оно составляет основу успешного расследования. Именно согласованная работа следователя, эксперта и специалистов смежных профилей позволяет установить истину по делу и отличить насильственную смерть от иных вариантов гибели в воде.

Литература:

1. Кокорин П. А. Установление обстоятельств происшествия и личности погибшего, обнаруженного в водоеме, по делам, связанным с убийством // Сибирский юридический вестник. 2007. № 1.
2. Кокорин П. А. Идентификация личности погибших, обнаруженных в водоеме // Сибирский юридический вестник. 2003. № 4.
3. Панченко И. В. Взаимодействие следователя и судмедэксперта как основной этап в расследовании утоплений // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2009. № 2 (4).
4. Гаужаева В. А., Урумов А. В. Особенности тактики осмотра трупа на месте обнаружения // Право и управление. 2024. № 10.
5. Опокин А. Б. К вопросу об использовании познаний в области медицины в криминалистической практике // Вестник экономической безопасности. 2020. № 1.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 27 (630) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 15.07.2026. Дата выхода в свет: 22.07.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.